
АСТЕР
САЛЬВАТОРЫ
КНИГА II
МИР ПРОКЛЯТИЙ И ДЕМОНОВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Сальваторы

Астер

Мир проклятий и демонов

«Автор»
2026

Астер

Мир проклятий и демонов / Астер — «Автор», 2026 — (Сальваторы)

В Диких Землях правят твари, рождённые из хаоса, призрачные всадники, которых никто не может подчинить, и вера в то, что Третий сальватор — одновременно и спаситель, и предатель.Пайпер Сандерсон, которая оказывается втянута в войну против демонов, вынуждена объединиться с ним, чтобы выжить в чужом для себя мире и найти путь домой. Третий — единственный, кто способен обучить её магии сальваторов и раскрыть правду о Вторжении двухсотлетней давности. Однако у них обоих есть тайны, которые они не готовы раскрывать друг другу, даже если это ставит под угрозу их связь как сальваторов.Одновременно с этим таинственный Герцог пробуждает всё более тварей, чтобы уничтожить не только Третьего, но и Первую, оказавшуюся в ловушке чужого мира.Связь сальваторов — единственное, что может помочь им выстоять против демонов и найти способ вернуть Пайпер домой.Правда, их Силы и Времени может не хватить.Башня уже появилась.

© Астер, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Обращение к читателям 5
Плейлист 6
Карта 7
Пролог. Когда мы не смыкали глаз 8
Часть I: Встречи. Глава 1. Между гор и долин 14
Глава 2. Ведь мы же поклялись с тобой когда-то 22
Глава 3. Печаль находит на сердца 38
Глава 4. Вдох — вся боль пройдёт 51
Глава 5. Тогда лишь двое тайну соблюдают 67
Глава 6. Вдох — закрой глаза 76
Глава 7. Я с тобою навсегда 87
Глава 8. Месяц не ведал мощи своей 99
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Мир проклятий и демонов

Обращение к читателям

«Мир проклятий и демонов»— вторая часть цикла «Сальваторы», который состоит из пяти книг, связанных между собой общим, цельным сюжетом, и **прямое продолжение «Мира клятв и королей»**. Если вы ещё не читали первую книгу, не советую начинать вторую, так как вы не только ничего не поймёте, но и наткнётесь на серьёзные спойлеры.

Четыре книги цикла закончены и будут публиковаться по мере редактуры, финальная пятая приближается к завершению. Следить за новостями и анонсами вы можете в моём Telegram-канале **Астер пишет и невдупляет**(https://t.me/astersbooks) или группе в ВК (https://vk.ru/astersbooks). Если у вас возникнут вопросы, вы также можете задать их там под любым постом или в личные сообщения.

Ранее первые три части были выпущены в бумаге издательством Freedom под псевдонимом Микки Хост в сокращённом варианте, необходимом для соблюдения требований по объёму. Сейчас текст представлен в полном объёме, в каком он и был до подписания договора с издательством.

Возрастной ценз цикла, 18+, стоит из-за жестоких сцен, алкоголя, нецензурных выражений (иногда) и в будущем — постельных сцен. В сюжете могут присутствовать:

— нанесение увечий холодным и огнестрельным оружием;

— многочисленные травмы и пытки;

— психологическое и физическое насилие, в том числе сексуальное (виновный обязательно будет наказан, не волнуйтесь);

— тяжёлое эмоциональное и ментальное состояние, упоминание мыслей о самоубийстве, а также краткое описание попыток в прошлом;

— темы утраты близких и самих себя.

Несмотря на всё перечисленное выше, цикл также полон приятных и тёплых моментов между родственниками, друзьями и возлюбленными, а также сцен, где откровенные мудаки получают по заслугам.

В начале вас ждёт плейлист, который помогал мне при написании и редактуре второй части, а также хорошо передаёт её атмосферу, и карта. В конце будет глоссарий со списком персонажей, терминами и локациями с ударениями, а также комментарий по поводу фраз, использованных в названии глав.

Дополнительно я публикую бонусную главу: когда-то я написала её в подарок за предзаказ третьей книги в бумаге, чтобы порадовать читателей. И хотя события главы частично описывают то же самое, что встречается в основном сюжете, она представлена через фокал другого персонажа. Я очень полюбила эту главу, но не хотела нарушать основное повествование, поэтому решила включить её как приятный бонус в конце истории. Читать её, чтобы понимать происходящее в третьей книге, вам не обязательно — это скорее небольшой фансервис, в котором мы все нуждаемся после кошмара, происходящего на страницах книги.

Если вы заметите в тексте опечатки, не стесняйтесь указывать на них в отзывах или личных сообщениях — мои контакты есть и в шапке Telegram-канала, и в группе в ВК.

Приятного чтения.

Остерегайтесь хаоса и тварей!

Плейлист

Miracle Of Sound — Valhalla Calling
Salvia Duende — Ярче гореть
Sarah Schachner, Assassin's Creed — Voices of Fornburg
David Garcia Diaz — Seidh
Runrig, Paul Mounsey — An Toll Dubh
Hoenix, Leïla Taïga — Elevation
Hoenix, Anne-Charlotte Monteville — Sorrow
Dzivia — Dzikaje Palavańnie
Tommee Profitt, Fleurie, SARCINA — Running Out Of Time
Sleeping At Last — Arctic
John Lunn, Eivør, Danny Saul — Blood Will Prevail
АИГЕЛ — Тебе кажется
Marina Ortega Mira — Volundr
Message To Bears — You Are a Memory
Ólafur Arnalds, Arnór Dan — So Far

Карта

Чёрные горы
Крепость Икаса
Тевье
Омага
Элва
Крепость Тинаш
Артизар
Дом Арраны
Дом Эдон
Дом Эш
Дом Рафт
Крепость Конте
Крепость Нийи
Крепость Аслот
Крепость Сайвы
Серебряная река
Дом Бехар
Тоноак
Инагрос
Крепость Дорет
Энтланго
Мёртвое море
Мёртвое море
Затерянные острова
ДИКИЕ ЗЕМЛИ
исследованные территории

Пролог. Когда мы не смыкали глаз

Солнце не всплыло из-за горизонта, но Клаудия всё равно ощутила произошедшую перемену. Тьма отступила, вместо себя оставив серые низкие тучи и ледяной ветер, пробирающий до костей. Крохи магии, что распределялись между ними и помогали терпеть холод, теплились внутри одного из них, сплетались в незримые для Клаудии нити и помогали скорее прийти в себя.

Клаудия не жаловалась на холод. Не жаловался и Эйкен, хотя его губы заметно посинели. Магнус отдал ему свой плащ, но толку от этого было немного — Эйкен, отправивший свои тени вперёд, чтобы они выискивали тварей и могли предупредить об опасностях, всё равно мёрз.

— Ещё немного, — стараясь звучать спокойно и убедительно, произнесла Клаудия, желая подбодрить его. — Думаю, не больше пяти лиг.

— Я голоден, — недовольно пробормотал Эйкен.

По его голосу сразу стало ясно, как он стыдился признаваться в этом. Они всегда распределяли всё, что имели, в соответствии с возрастом, здоровьем и силой, но пару дней назад их постигла череда неудач. Из-за нападения тварей они потеряли сумки с провизией, а того, что ловила Стелла, было недостаточно — в глубине Северных лесов дичи было не так много.

К тому же Эйкен, посылавший свои тени вперёд, теперь тратил гораздо больше сил, чем раньше. Стелла была сильнее и свирепее, но его тени могли проникнуть туда, куда она бы ни за что не пролезла, и слышали то, что произносилось за лиги от них. Он честно старался распределять собственные силы правильно, но усталость, голод и давящая на него ответственность терзали его так же сильно, как и беспокойство за Третьего, который не мог сейчас помочь.

Эйкен, впрочем, держался гораздо лучше, чем любой другой ребёнок его возраста. Магнус шутил, что в тринадцать лет он был засранцем без капли ответственности за свои поступки, а Эйкен в этом же возрасте пытался защитить сразу четверых.

Не то чтобы кто-то смеялся над этим.

— Ещё совсем немного, — чуть мягче повторила Клаудия. — В крепости нас обязательно накормят горячим. Съешь столько, сколько захочешь. Я обещаю.

Обещать этого она не могла: не Клаудия управляла ближайшей к ним крепостью, а Икас. Но крохотная надежда была лучше, чем ничего, и явно помогла Эйкену. Он чуть расправил плечи, всё ещё держа руки сложенными на груди и пряча ладони под плащом Магнуса, и совсем тихо шмыгнул покрасневшим из-за холода носом.

— Знаете, о чём я тут подумал? — пробормотал Магнус. — В прошлый раз я припрятал там радданское вино…

Стелла тявкнула, напомнив о себе, и он, наверняка приняв это как поддержку, заулыбался и продолжил:

— Именно, моя дорогая! Когда Третий придёт в себя, мы обязательно выпьем.

— Не выпьем, — сухо возразила Клаудия.

Она затылком почувствовала направленные на неё взгляды, нехотя остановилась и обернулась. Магнус в драматичном жесте прижал ладонь к груди и смотрел так, будто был глубоко разочарован её словами. Его щёки и нос побледнели из-за холода, лёгкая щетина побелела, упавшие на лоб чёрные волосы успели намокнуть и покрыться тонкой корочкой инея, но Магнус всё равно умудрялся выглядеть одновременно гордым и обиженным. Эйкен за неимением авторитета лучше, чем Магнус, пытался вытянуться, чтобы стать таким же высоким, хотя даже на цыпочках доставал ему только до подбородка. Вина именно Эйкену, разумеется, никто бы не налил, но он исключительно из принципа подражал рыцарю и поддерживал его. Стелла топталась на месте и фыркала, когда снежинки оседали на её нос.

Когда Третий был не в состоянии выполнять свою роль, его место занимала Клаудия. По его словам, она была достаточно сильной, непоколебимой и суровой, чтобы стать настоящим лидером, но они оба знали, что этого никогда не случится из-за её проклятия. Клаудию сторонились, если рядом не было Третьего, Киллиана или Джинна, и нехотя уважали, если она была вместе с ними. Единственные, кто никогда не обманывал её, прямо сейчас были перед ней.

Уставшие, голодные и отчаянно жаждущие тепла, но каким-то чудом ещё держащиеся на ногах.

И совершенно точно давящие на жалость.

Клаудия, которую обычно никто не мог разжалобить, — а такие дешёвые манипуляции она и вовсе принципиально игнорировала, — всё же задумалась, пытаясь изобразить на лице тяжёлый мыслительный процесс.

«*Может, они и заслужили небольшую бутылочку вина…*»

— Только если Икас разрешит, — наконец решила Клаудия. — И только после того, как Третий придёт в себя. Я это тебе говорю, Магнус. *Только*после этого.

Ничуть не смущённый этим уточнением, Магнус хлопнул ладонями, одетыми в кожаные перчатки, и победно улыбнулся. Его тёмно-карие, почти чёрные глаза опасно сверкнули.

— Учись, Эйкен, — добавил он, сверху вниз посмотрев на Эйкена, который мгновенно обратился во слух и даже открыл рот, будто готовый впитывать очередную мудрость Магнуса. — Не каждый может похвастаться таким острым умом, блистательным очарованием и невероятной харизмой, благодаря которым можно разжалобить Клаудию.

Она была абсолютно уверена, что он хотел сказать «никто».

— Идём дальше, — строго скомандовала Клаудия, поправляя капюшон, упавший с головы.

Им нельзя было останавливаться даже для того, чтобы передохнуть. Нельзя было ослаблять внимание, заполняя напряжённую тишину леса шутками, которые помогали удерживать разум в подчинении. Нельзя было показывать страх, говорить о слабостях и ждать, будто кто-то откликнется на их зов о помощи. Клаудия была уверена в четверых людях, окружавших её, но за годы скитаний и выживания научилась полагаться и на себя одну.

Они шли чуть меньше двух недель, кажется, но для Клаудии будто вечность прошла. Подъём в Чёрные горы оказался самой сложной частью их пути, потому что едва не на каждом шагу их подстерегали твари. Добраться до бреши само по себе было испытанием, а закрыть её — тяжёлой борьбой, победу в которой они вырвали из когтистых лап тёмных созданий. Они потеряли трёх хороших коней и сумки с провизией, одеждой, кое-каким оружием и целебными отварами, но брешь всё же оказалась запечатана и больше не представляла угрозы. Несколько тварей, успевших сбежать в леса в округе и затаившихся там в ожидании жертв, им уже встретились. Их головы слетали из-за меча Магнуса, сердца останавливались, когда магия Третьего пробиралась глубоко в их тела, а шеи с хрустом ломались, стоило Стелле вонзить в них свои клыки. Тени Эйкена оповещали обо всех тварях, что подбирались ближе, и потому ещё ни одна не ушла от них живой. И всё это — под шёпот мёртвых, которых слышала только Клаудия.

Многие не верили ей, когда она говорила, что за спинами тварей тоже стоят мёртвые. Мол, у тварей нет души, за которую мёртвые могут уцепиться. Но эти люди не были отягощены проклятием, что кровью окрасило губы Клаудии в чёрный, поселилось в её тёмных глазах и ежедневно в течение многих лет терзало во сне. Мёртвые стали Клаудии ближе живых, и потому она знала, что даже твари могут шептать после смерти.

В основном это, конечно, были проклятия. Но проклятия от мёртвых тварей были не так страшны, как от живых. Реже Клаудия слышала о том, что твари восстанут из хаоса или что их собратья отомстят за них. Мёртвые твари шептали о крови, что прольётся насильственным путём, и очень часто этот шёпот совпадал с голосами вполне себе живых людей.

Клаудия спасалась от голосов бегством, но ничуть этого не стыдилась. За Третьим тянулся целый шлейф мёртвых, и потому спасаться в его обществе было трудно. За спиной Стеллы шептались те, чьё падение она видела до того, как присоединилась к Омáге. У Магнуса был хор его товарищей, погибших при Вторжении, а у Эйкена — скулёж чего-то неясного и далёкого. Клаудия спасалась одиночеством, накрывающим её, точно тёплое одеяло, и ничуть этого не стыдилась.

Однако сейчас она отчаянно хотела услышать шёпот мёртвых, которые цеплялись за спину Третьего. Несколько дней назад он сделал нечто, что поражало её до сих пор: позволил Арне забрать часть их общей магии и поместить в кого-то, кого никто из них не знал. У Клаудии в голове не укладывалось, что такое возможно, но у неё не было времени на раздумья и построения логических цепочек. Большую часть пути до крепости Третий провёл в забытьи, расположившись на спине Стеллы. Просыпался он редко, ничего не ел и не пил и всё время, что бодрствовал, пытался отчаянно разделить между ними крохи магии, что уже подчинялись ему в прежнем виде. Эйкен хоть и мёрз, но одёргивал его первым. Говорил, что тот должен подождать до крепости, где он сможет хорошенько отдохнуть, а уж там может хоть каждому встречному свою магию дарить. Не ту, что убивала тварей, даже не касаясь их, а ту, что дарила тепло и позволяла уснуть, не боясь кошмаров. Третьему не нравилось, что Эйкен прав, но он был слишком слаб, чтобы возражать.

Третий был настолько слаб, что для того, чтобы сбить с него спесь, хватало одного мальчишки с проклятьем, поселившимся на левой половине его тела.

И потому Клаудия волновалась. Даже во сне, так редко посещавшем Третьего, она слышала мёртвых за его спиной. А сейчас была тишина. Будто никто и не пытался уцепиться за него. Будто он сам ни за кого не цеплялся. Это не могло остаться без внимания Клаудии, но она не знала, что делать.

Из их пятёрки она была самой слабой, и это было общеизвестным фактом. Она умела обращаться с мечом и даже стрелять из лука, могла, не моргнув и глазом, свернуть шею пойманному зайцу и освежевать его, но сокрушитель не ложился в её руки. Её проклятие не позволяло ей сражаться так, как Стелле или Эйкену, а простой металлический меч рубил тварей хуже сокрушителей и не убивал. Третий называл её «мозгом», потому что Клаудия, по его мнению, была самой умной и расчётливой, всегда реагировала быстрее всех и благодаря шёпоту мёртвых знала, какие тайны прячут другие люди. Но Клаудия всё равно ощущала себя недостаточно полезной. Ей хотелось делать больше. Быть сильнее, умнее, хитрее. Быть владелицей сокрушителя, а не голосов в голове.

Ледяной воздух обжёг лёгкие, когда Клаудия втянула его, надеясь успокоиться и привести мысли в порядок. Она редко поддавалась эмоциям, никогда не позволяла им захлёстывать себя, но сейчас внутри что-то очень медленно ломалось. Третий был в этом странном состоянии между жизнью и смертью уже почти неделю, и волей-неволей Клаудия начала задумываться о худших вариантах.

Он был достаточно силён, чтобы выбраться из пасти самой чудовищной твари, а потом убить её ради спасения всех остальных, но Клаудия всё равно волновалась.

Волнение для каждого в Диких Землях было непозволительной роскошью. Тот, кто волнуется, заведомо обречён на провал.

Однако даже она не могла оставаться собой прежней, когда речь шла о том, кто спас их всех.

— Клаудия, тени что-то чувствуют, — вдруг пробормотал Эйкен.

Она тут же обратилась во внимание и посмотрела на него.

— За многие лиги отсюда что-то происходит, — хмурясь, пояснил он спустя несколько секунд молчания. — Говорят, там Икасовы охотники, но есть ещё что-то странное.

— Если там охотники, то волноваться не о чем, — уверенно заявил Магнус, но всё же положил ладонь на рукоятку сокрушителя, висящего у него на поясе.

— Это их территория, — поддакнула Клаудия, переводя взгляд с Магнуса на Эйкена, вжимающего голову в плечи. — Мы закрыли брешь, так что больше тварей не будет. Если там те, которые успели сбежать, охотники с ними разберутся.

— Да, наверное, ты права, — едва слышно согласился Эйкен.

Стелла догнала его и ткнула носом в его спину, из-за чего он чудовищно громко взвизгнул и резво отскочил в сторону. Стелла фыркнула, и Эйкен, не удержавшись, тихо засмеялся.

В сравнении с Клаудией Стелла порой вела себя как ребёнок, хотя в человеческом обличье у неё было тело взрослой, сильной и прекрасной девушки. Но Стелла, умудряясь игнорировать собственные страхи, всегда верно чувствовала, когда Эйкена нужно подбодрить, за что Клаудия была бесконечно благодарна.

Новость, которую принесли тени, была тревожной, и она должна была как следует обдумать её.

Скорее всего, Магнус прав. Несколько тварей и впрямь могли спрятаться за многие лиги от них. Но если охотники Икаса и впрямь там, бояться было нечего. Хотя бы у двоих должны быть сокрушители, и этого достаточно, чтобы убить тварей. Если бы случилось что-то гораздо хуже, мёртвые бы уже зашептали об этом, но они молчали, точно и вовсе исчезли.

Клаудия позволила себе на секунду прикрыть глаза и сделать глубокий вдох. Затем выдох, а после — шаг вперёд. Крепость была уже близко, но останавливаться и расслабляться не стоило. Это было опасно.

***

Крепость Икаса пряталась в долине, окружённой редким лесом. Со стен местность просматривалась на пол-лиги, и тут были и преимущества, и недостатки. С одной стороны, наступление вражеских сил можно было заметить издалека. С другой же стороны, сама крепость была как на ладони. Но если среди врагов не было твари, которая умела парить среди серых облаков, у обитателей крепости ещё оставался шанс на победу. Изменить местность или в кратчайшие сроки вырастить новый лес, который укроет крепость, они не могли, даже с силой Третьего и благодаря усилиям фей.

Когда Клаудия стала различать человеческие лица между зубцами стены, стражники пришли в движение. Послышался скрип натягиваемых луков, грозный голос Икаса приказами сыпался вниз. Магнус вышел вперёд, вынул меч из ножен и продемонстрировал его. Спустя секунды послышался новый приказ Икаса — луки были опущены, ворота начали открываться. Как и всегда, первыми на безопасную территорию проскочили Эйкен и Стелла. Клаудия и Магнус шли плечом к плечу: она прислушивалась к мёртвым, он — к своему оружию, но затаившихся поблизости тварей так и не обнаружилось.

Когда ворота закрылись, Клаудия едва слышно выдохнула. Укутанный в плащ Магнуса Эйкен прыгал вокруг Стеллы и раздавал указания людям Икаса, подошедшим, чтобы помочь Третьему подняться на ноги. Он всё ещё был в забытьи и не реагировал ни на кого, но теперь Клаудия хотя бы была уверена, что угроза ненадолго отступила. Тенью отправленное много часов назад письмо должно было оповестить Икаса о том, что им нужно приготовить комнаты, а для Третьего — многочисленные фейские отвары и все одеяла, что удастся найти и взять, не получив по лбу от кого-нибудь.

Клаудия поймала взгляд Стеллы и кивнула, протянув ей до этого перекинутую через плечо сумку. Стелла вытянула шею, и Клаудия закрепила на ней сумку, после чего волчица потрусила внутрь крепости через каменную арку, бывшую совсем рядом.

Здесь они могли ненадолго расстаться и каждый заняться своим делом. Несмотря на то, что Эйкен сильно хотел есть, он, как и всегда, сначала убедится, что Третьего уложат в кровать и помогут ему выпить фейского отвара, и только после этого отправится на кухню. Стелла присоединится к нему после того, как приведёт себя в порядок и отогреет конечности. Может быть, Эйкен даже принесёт ей еду. А Клаудия и Магнус перескажут Икасу всё, что произошло с ними с тех пор, как они покинули другую крепость. Говорить в основном, разумеется, будет Клаудия. Магнус присоединится позже, чтобы добавить несколько деталей относительно тварей и сокрушителей, которые могут использовать другие.

— Я его обязательно проверю, — пробормотал Магнус с улыбкой, поймав взгляд Клаудии, которым она изучала двор крепости. Он был ниже Третьего на полголовы, но каким-то образом всегда выглядел величественным и сильным рядом с ним, не говоря уже о Клаудии, чьи глаза были максимум на уровне ключиц Магнуса. — И прослежу, чтобы ему в глотку влили всё, что только можно.

— Звучит очень угрожающе, — ледяным тоном заметила Клаудия. — Оставь этой крепости хотя бы немного целебных отваров.

— С вином такое не пройдёт.

— Я ничего не сказала про вино.

— Но ты подумала, я же вижу.

— Ладно, может, подумала. Всё, иди, проследи за Третьим. И проверь, что Эйкен согрелся и наелся, а Стелла нашла…

— Ох, Клаудия, не превращайся в мамочку. Я знаю, что делать. Я, если ты не забыла, даже старше.

Клаудия цокнула языком.

— Всего на семь лет, а как павлиний хвост-то распушил…

— Но раньше же тебя это ничуть не заботило.

Раньше она, сохраняя разум более-менее холодным, всё равно часто думала о том, что они все умрут. Магнус знал это ничуть не хуже её, но всегда во всём искал хорошее, и Клаудия не могла винить его в этом.

— Ты начинаешь ворчать, как старик, — слегка приподняв уголки чёрных губ в подобии улыбки, сказала она.

Магнус мгновенно стал серьёзным.

— Мне двадцать семь, Клаудия.

— Двести двадцать семь, — исправила она.

— Я молод и прекрасен!

— А не скрип ли твоих коленей я слышала, когда ты поднял сокрушитель у ворот, чтобы доказать, что это были мы?

Магнус, как истинно взрослый мужчина, демонстративно показал ей язык и, в одно мгновение достав меч из ножен, прокрутил его в руке, красуясь.

— Меня это всё не трогает, — равнодушно заметила Клаудия, скрестив руки на груди. Жест, может, и был глупым и даже детским, однако эта привычка была единственной, от которой Клаудия никак не могла избавиться.

— Ты ранишь моё сердце, — убирая меч обратно, обречённым тоном пробормотал Магнус. — Если шёпот мёртвых принесёт тебе чьи-то рыдания, знай, что это был я.

— Приму к сведению.

Магнус закатил глаза и громко фыркнул. Вывести Клаудию на весёлый разговор или добиться от неё хоть какой-нибудь шутки, от которой никто не будет ужасаться или возмущаться, было сложно даже для него. В этой крепости, должно быть, пытались все — все, кто не боялся Клаудии, — но ни у кого не вышло. Не пытался разве что Третий, потому что уже давно привык к её чёрному юмору и её настороженности по отношению к остальным.

Стоило Икасу показаться на одной из лестниц, ведущих со стен во двор, как Магнус, наконец, ушёл. Первым делом он всегда чистил свой меч по-нормальному, а не впопыхах, как делал это, пока они были в пути. Потом он, успев ответить на многочисленные вопросы всех, кто встречался на пути, уже присоединялся к Клаудии и Икасу.

— Судя по твоему лицу, что-то всё же произошло.

Икас остановился в метре от неё, будто старался сохранять вежливую дистанцию. Шёпот, что тянулся за ним, мог дойти до Клаудии, будь она в любой точке крепости, и осторожность была ни к чему.

— Просто немного переживаю за Третьего, — спокойно ответила она, поворачиваясь к собеседнику. — Надеюсь, вы окажете ему достойный приём.

— Не говори так, будто ждут всех, кроме тебя.

Клаудия скривила губы.

— В общий зал вы вряд ли спуститесь? — тут же поинтересовался Икас, верно уловив её настроение.

— Третий и Эйкен сильно устали, но Стелла и Магнус, возможно, к вам присоединятся.

— А ты?

«*Какой глупый вопрос*», — почти сорвалось с её языка вместе с презрительным смешком. Добровольно сунуться в место, где мёртвые шепчут за спинами каждого?.. Ни за что на свете. Ей и в Омаге-то, ставшей домом, некуда было от них деться. Подвергать себя пытке и в чужой крепости Клаудия не собиралась.

— Займусь нашими делами, — коротко ответила она. Знать, что за дела у них были, Икасу не следовало. Он не общался с королём Киллианом столь тесно, чтобы выведывать планы людей, связанных с ним.

Клаудия, помня об этом небольшом преимуществе перед жителями крепости, едва сдержала лёгкую улыбку.

Какой бы зрелой и разумной её ни называл Третий, ей нравилось порой ощущать это явное превосходство над остальными.

— Может быть, уже пойдём внутрь? Ты наверняка замёрзла.

— Что ж, тут ты угадал.

Клаудия послушно проследовала за ним, огибая группы рыцарей, охотников, целителей и других жителей крепости, которые толпились во дворе. Она была здесь не очень часто, и хотя местные уже должны были запомнить её, их взгляды всё ещё были настороженными и даже слегка испуганными. Клаудия совершенно точно не походила на до смерти замёрзшую девушку. Её кожа была белой, как снег, а губы — чёрные, как ночь. Никакой синевы, красных пятен, слипшихся ресниц или покрывшихся белизной кончиков тёмных волос, остриженных по линии подбородка. Клаудия всегда походила на призрака, родившегося и выросшего среди снегов и тьмы. Так, по крайней мере, ласково говорил Магнус.

Мёртвые, цепляющиеся за спины обитателей крепости, насторожились. Кто-то уже шептал молитвы, кто-то будто пытался помешать едва начавшемуся разговору среди вполне себе живых. Клаудия слушала, никак не выдавая своей заинтересованности, не вглядываясь в лица людей и не позволяя себе думать о том, что узнаёт их секреты.

— Послушай, Икас, — непринуждённо позвала его Клаудия, когда они на секунду замерли, дожидаясь, пока им откроют вторые ворота, пускающие в самое сердце крепости, — у вас найдётся хорошее вино?

Часть I: Встречи. Глава 1. Между гор и долин

Когда первенство перестанет
пьянить и наскучит,
Когда все залы будут увенчаны
головами чучел,
Когда доспех станет мне напоминать
могилу,
Я отправлюсь на поиски истинной
силы.

— ГРОТ, «Маяк»

Пайпер едва не похоронило под снегом.

Падение вышло болезненным, а для её тела, изнывающего от неизвестной тьмы и силы, которая была там, — тем более.

Лес окутывал полумрак. Ветви высоких деревьев, укрытых снегом, почти не переплетались между собой, но Пайпер не могла разглядеть неба. Вместо него было лишь мутное полотно тёмных оттенков, которое, однако, не погружало лес в полный мрак. На несильном ветру скрипели деревья, где-то слышался вой — Пайпер очень надеялась, что находится достаточно далеко от него.

Холод давно пробрался до самых костей, но пошевелиться она смогла далеко не сразу. Заиндевевшие края пальто жалобно заскрипели, стоило Пайпер с болезненным стоном перекатиться на правый бок и упереться ладонями в землю. Красные пальцы вновь обожгло холодом. Она судорожно выдохнула, и перед ней заклубилось облачко пара. Там, где она только что лежала, не проглядывалось ни жухлой травы, ни жёстких камней. Казалось, снег был утрамбован на глубину в несколько метров. Алела только кровь.

Пайпер осторожно тряхнула головой, уголками глаз заметила побелевшие кончики чёрных волос, разметавшихся по плечам. Резинка где-то потерялась, рюкзак — тоже. Плечи ныли от боли, их слегка кололо едва уловимым теплом — должно быть, это Сила уже начала залечивать раны. Пальто ощущалось непривычным, неправильно сидящим, тёмные джинсы совсем не спасали от холода. Пальцы ног едва шевелились в намокших замшевых ботинках.

Когда пальцы заныли сильнее, Пайпер стиснула зубы и попыталась подняться. И вновь рухнула в снег, на этот раз лицом. Щёки нестерпимо обожгло, в рот, глаза и нос забился снег. Пайпер повернула голову, царапнув скулу обо что-то заледеневшее, и уставилась в переворошённый из-за её попыток подняться снег. Сверху уже образовалась гладкая дорожка нового.

Она же вот-вот замёрзнет насмерть.

Может, и не вот-вот, но очень скоро. Сила, возможно, защитит её, но лишь временно.

На глаза навернулись слёзы. Пайпер совсем не помнила, что произошло. В голове стояли крики, среди которых отчётливее всего слышался крик Кита. В ушах громыхало низкое утробное рычание. А больше — ничего. Была тьма, долгая, наверняка страшная, пустая и холодная.

Ей ужасно хотелось надеяться на спасение, — всё-таки её постоянно все искали и спасали, — но она не могла просто лежать в снегу, позволяя холоду терзать её. Далёкий вой не приближался, но это не означало, что вокруг было абсолютно безопасно. Пайпер должна была хотя бы найти укрытие, ещё лучше — открыть портал прямо сейчас. Вот только магия совсем не слушалась.

Сила удерживала её сознание на самой границе, не позволяя провалиться в забытье из-за мороза, боли и страха. Сила упрямо гнала кровь по её телу, пытаясь вернуть пальцам чувствительность. И Сила тянула её вверх, в вертикальное положение, на ноги, хотя Пайпер отчаянно

хотела ничего не делать. Она устала так сильно, что не могла даже подняться во второй раз. Приходилось уговаривать себя всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

«*Ты же умрёшь*, — мысли в её голове рождались так медленно, словно состояли из чего-то тягучего, и не желали формироваться в приличные предложения. — *Умирать нельзя*».

Умирать ни в коем случае нельзя. Она была Первым сальватором с Силой Лерайе.

Она была надеждой сигридцев, а надеждам не пристало умирать в куче снега в глухом лесу.

«*Вставай*, — умоляла себя Пайпер, едва ощущая, как снежинки, ложась на её щёку, даже не тают. — *Ну же, Пайпс. Вставай*».

Так ли важно, что у неё совсем нет внутренних сил? Что она едва соображает, ничего не понимает и хочет разрыдаться, как маленький ребёнок? В конце концов, она побывала в кармане между мирами, куда её утянул Иснан. Неужели перемещение через похожее место выбило её из колеи?

Куда делась вся ярость, клокотавшая в ней до того, как тьма поглотила её?..

«*Вставай*, — упрямо приказала своему телу Пайпер, стараясь сжать ладонь в кулак. Ей нужно только немного оттолкнуться от земли, подождать, пока пройдёт головокружение, и встать на ноги. Потом найти какой-нибудь куст или дерево и опереться на него. Потом можно поискать палку, чтобы совсем уж не свалиться, и… — *Вставай*!»

— Вставай!

Пайпер замерла, не способная пошевелиться. Дыхание сбилось, по телу пробежала дрожь. Среди белого снега и тёмных деревьев сияло полупрозрачное фиолетовое марево.

— Вставай! Что ты разлеглась, будто на отдыхе?

Но это была не Лерайе. И голос не её, и лицо. Лерайе молчала с той самой секунды, как Пайпер поглотила тьма.

Перед ней стоял Арне, выглядящий куда более живым, чем в их последнюю встречу. И его губы двигались, а с них сыпались слова:

— Вставай, моя ненаглядная, — проговорил Арне, подходя ближе.

Его босые ступни совсем не касались снега, не оставляли следов. Он был одет в ту же нелепую одежду, что и в прошлый раз: свободные тёмные штаны и длинная накидка того же цвета, плотно облегающая руки, плечи и отчасти верхнюю половину груди, оставляющая открытым торс; воротник был расшит мерцающими камнями. Экзотичность, в лесу смотрящаяся нелепой.

— Вставай, — повторил Арне, присаживаясь перед ней на корточки. Его волосы были белыми, фиолетовые глаза потемнели от недовольства, но сиреневая кожа осталась прежнего оттенка. — Ты должна встать и идти, Первая.

Пайпер не нравилось, когда её так называли: каждый раз в этом ужасном слове слышалась надежда, которую она не была готова олицетворять, и уверенность пополам с настороженностью.

В голосе Арне было что-то иное, даже немного тёплое.

— Я не оставлю тебя, — вкрадчиво прошептал он, наклоняясь ближе. Его бесплотные пальцы мягко прошлись по её волосам, но Пайпер отчётливо уловила на мгновение всколыхнувшееся внутри тепло.

— Но ты… — её горло сдавило от жгучего холода и подступающих слёз, — ты не… реален. Тебя… нет здесь…

— Я здесь, — неожиданно строго произнёс Арне, — так же, как и ты. Вставай, Первый сальватор, и иди за мной. Я приведу тебя к спасению.

«*Ты уйдёшь*», — мысленно возразила Пайпер. Он всегда уходил после самых громких слов, оставлял ей больше вопросов, чем ответов, и от этого сердце сжималось, заставляя Пайпер задыхаться.

Или это от боли, рвавшей тело?..

Она совершенно не понимала этого.

— Я не уйду, — возразил Арне, опуская ладонь на её макушку. — Я дам тебе столько Времени, сколько смогу, и приведу к спасению. А теперь вставай и иди.

Должно быть, всё это было игрой её больного воображения. Было бы неплохо, пройдя пару шагов, вновь рухнуть, но на этот раз проснуться в своей кровати или хотя бы на диване в гостиной. Где угодно, где не так холодно, есть знакомые лица и слышатся успокаивающие и встревоженные голоса. Где угодно, где нет такого жуткого страха между рёбрами.

Арне скользнул рукой к её руке, и Пайпер наконец почувствовала его прикосновение. Он состоял из плоти и крови. Он был*реальным*. И он помог ей сжать ладонь в кулак, а после ободряюще кивнул, когда Пайпер сжала и второй кулак.

Дыхание вырывалось из груди хрипами, губы с огромным трудом шевелились, почти превратившись в растрескавшиеся ледяные тонкие полосы. Волосы сосульками упали вперёд, хлестнув по лицу. К тёмно-красному свитеру прилип снег, пробрался даже за ворот и на ключицу. Руки Пайпер едва не разъехались в стороны, когда она, перенеся на них вес тела, попыталась поставить ступню на землю по-нормальному.

Боги, как же это было больно.

— Я не знаю, сколько смогу скрывать тебя, — пальцы Арне обхватили её плечо и потянули вверх, и Пайпер поразилась тому, насколько сильным и аккуратным оказался сакри. Он задел её рану, но следом принёс ощущение тепла и спокойствие, перекрывшие боль. — Поэтому тебе нужно как можно скорее найти охотников. Мне, возможно, придётся потом отлучиться, чтобы защитить вас в пути. К тому же я не могу надолго оставлять его.

— Что?.. — с трудом фокусируя взгляд на собственных руках, пробормотала Пайпер.

— Он слаб. Ты же не хочешь, чтобы тебе отрубили голову, верно?

Пайпер едва не задохнулась от ужаса. Или от удушающего холода. Или от прикосновения Арне, медленно, буквально по капле, вливающего в неё магию. Или от всего вместе.

— Когда я приведу тебя, скажи, что тебе нужен Арне, слышишь?

Пайпер слышала, но очень плохо. Удерживать себя в вертикальном положении оказалось значительно труднее, чем казалось полминуты назад, а стелющийся вокруг снег казался совсем невесомым и будто не имеющим под собой твёрдой земли.

— Требуй, чтобы тебя отвели ко мне, и ни за что не уступай. Ни на шаг. Дашь слабину — и тебя убьют на месте.

«*Убейте меня прямо сейчас*», — мелькнуло в её затуманенной голове.

— Тянись к магии, Первая, — настойчиво зашептал Арне ей в самое ухо, потянув вперёд, заставляя сделать первый шаг. Ужасный, пронзивший болью всё тело, но за ним тут же последовал второй, и Пайпер подумала, что Арне преуменьшил степень своего нахождения здесь и что он был слишком реален, чтобы так тащить её. — Тебе нельзя здесь умирать.

А разве есть место, где можно?.. Если оно всё же есть, то Пайпер молила, чтобы там было тепло.

Она понятия не имела, как тянуться к магии, которая едва трепыхалась внутри неё. Будто проход через тьму — или что это была за абсолютно чёрная пустота, лишённая звуков и запахов — ослабил её связь с Лерайе, толкнул сакри ещё глубже, насильно лишил её зрения и слуха, не позволяя услышать мольбы Пайпер. Лерайе и так отзывалась редко, чаще всего в моменты опасности или тогда, когда Пайпер была совершенно не готова к этому, но разве сейчас не был тот самый момент? Она почти не соображала, брела, потому что её тащили, невидящим взглядом пялилась себе под ноги и слушала бархатный голос Арне, всё повторяющего:

— Если посчитаешь, что стоит применить Силу, так и делай. Тебе нужно добраться до крепости, Первая, до того, как станет слишком поздно. В этих лесах очень опасно.

Но что ей делать потом? Даже если она доберётся до какой-то там крепости, которую Арне считал относительно безопасной, что дальше? Восстановить силы и, если получится, открыть портал?

Куда и откуда?..

— Элементали, ты слишком слаба, — выдохнул Арне, и его голос странно дрогнул.

Пайпер внутренне сжалась, забыв, что поднятую для ещё одного шага ногу нужно опустить, и застыла, когда он с явной тревогой продолжил:

— Ты умрёшь раньше, чем мы доберёмся до охотников. Позволь мне взять немного Силы, может, мне удастся перенести нас.

«*А раньше что, нельзя было сказать*?» — почти застонала Пайпер, соскальзывая вниз. Арне подхватил её, прижал к себе и, казалось бы, вновь использовал магию: кожу обожгло теплом, горло на мгновение сжалось.

Разве Арне не говорил о том, что не может использовать слишком много магии? Он говорил о слабости, — наверняка собственной, никакого иного варианта измученное сознание Пайпер вспомнить не могло, — но и она была слабее, чем когда-либо до этого.

Арне сильно переоценил её возможности, из-за чего Пайпер вдруг ощутила себя раздавленной.

— У меня есть семь секунд, — Арне резко дёрнул её вверх, и она застонала от боли, громко заныла, когда сквозь грохот крови в ушах отчётливо услышала хруст собственных костей. — Держись, Первая, и не отпускай меня.

Что это вообще…

«*Господи*», — только и успела подумать Пайпер.

Арне схватил её, крепко прижал к своему телу и перебросил их через портал, даже не создавая его.

Пейзаж вокруг рассыпался на миллиарды белых, чёрных и серых кусочков, за которыми на долю секунды показалась тьма, а за ней — новые миллиарды кусочков, складывающиеся в совершенно другую картину. На многие мили вокруг простирался густой тёмный лес, вдалеке проглядывались очертания таких же тёмных гор, верхушки которых прятались в низких свинцовых тучах. Ветер оглушительно свистел в ушах и больно колол огрубевшую из-за холода кожу. О том, что Арне что-то говорил, Пайпер поняла лишь потому, что он практически прижался к её уху и опалил его жаром.

Её взгляд сместился ему за плечо, и Пайпер завопила сиплым от ужаса голосом.

Они были высоко над землёй.

И падали.

Арне дёрнулся в сторону, и пространство вокруг них снова рассыпалось, утонуло во тьме и сформировалось во что-то новое. Пайпер, распахнув глаза так широко, что ей стало чудовищно больно, следила за этим, задыхаясь от крика и слёз. Осознание смены места пришло к ней только из-за того, что руки Арне, удерживающие её, вдруг потеряли плотность.

Он выглядел таким же шокированным, — одно ужасное мгновение они просто смотрели друг на друга, ещё прижатые телами, — а потом Арне выдохнул так тихо, что Пайпер поверила, будто это был всего лишь ветер:

— Найди нас.

Он исчез, словно его и не было.

Пайпер совершенно одна летела вниз с высоты десятков метров.

Остатки тепла, которые он подарил своей магией, разом покинули её тело. Ветер ревел в ушах, мешая ей сосредоточиться — хотя Пайпер, как ни пыталась, могла только вопить, а не думать. Лерайе всё ещё не отзывалась, как бы она в отчаянии ни звала её.

Пайпер врезалась в верхушку одного из деревьев. С губ сорвался хриплый, полный боли крик. Становление сальватором вроде как укрепило её тело, к тому же Сила, как говорили

другие, должна была сделать её кожу, мышцы и кости прочнее, но ничего подобного она не ощущала.

Кажется, из левого плеча, разодранного когтями Маракса, вновь хлынула кровь.

Она дёргалась, как обезумевшая, пыталась зацепиться хоть за что-нибудь, но всё летела вниз: острые холодные ветви хлестали её по всему телу, рассекая кожу и разрывая одежду. В руке точно что-то хрустнуло, когда Пайпер, перевернувшись, врезалась в дерево прямо локтем. Вместе с её остервенелым криком где-то совсем близко загалдели птицы. Падение длилось ещё несколько секунд, — вечность и даже больше, — раздирало её, ломало и скручивало, обжигало снегом, жёсткой корой и острыми иглами елей, пока Пайпер, наконец, не рухнула в сугроб, подавившись собственным криком.

Не будь она связана с Лерайе, разбилась бы насмерть.

Пайпер почти пожалела, что стала сальватором.

Свет пробился через слои снега, в которых она утонула, удивительно быстро. Головокружение и шум в ушах мешали, но каким-то чудом Пайпер уловила совсем рядом знакомые звуки.

Человеческие голоса.

Арне что, перенёс её прямо к тем самым охотникам, о которых говорил? Почему, чтоб его демоны разорвали, хотя бы не на пару метров ниже?..

Пайпер лежала, не шевелясь, и сквозь слёзы и кровь, залившие глаза и сделавшие всё мутным, смотрела, как снега вокруг её головы становилось всё меньше. Где-то мелькнул красный — цвет её крови, хлещущей из ран.

Света стало намного больше. Голоса звучали будто из-под воды. Кто-то коснулся её лица, приподнимая его, но прикосновения Пайпер почти не ощущала. Её горло сдавило болезненным спазмом, в лёгкие, казалось бы, забился снег, из-за чего она не могла сделать полноценный вдох. Арне требовал, чтобы она настаивала на своём, однако в её голове было пусто: не осталось ни собственных мыслей, ни его наставлений, только мольбы о том, чтобы терзающая её боль прекратилась.

Что она должна была говорить?

Просить, чтобы её отвели к Арне?..

Дрожь помешала вытолкнуть его имя сквозь зубы. Во рту, несмотря на забившийся в него снег, было тепло, — точно кровь, никак иначе.

Голоса стали громче, надрывнее, будто их обладатели начали кричать. Пайпер всего на долю секунды ощутила тепло. Отступили боль, усталость, страх и всё, что тугим клубком сплеталось внутри неё и давило на сердце. Поднявшаяся Сила позволила едва слышно выдохнуть:

— Арне…

Тяжесть навалилась, напрочь сметая охватившие её спокойствие и чувство безопасности. Пайпер со сдавленным всхлипом закрыла глаза.

***

Она никогда не ездила на лошади.

Это оказалось неудобно, — и просто охренеть как больно, — но едва пробуждающееся сознание успело поблагодарить тех, кто усадил её на лошадь. Пайпер была так слаба, что не смогла бы стоять на ногах, не шатаясь, не то что идти самостоятельно. Однако стягивать руки так сильно, что у неё совсем онемели пальцы, было необязательно.

С трудом разлепив глаза, справа от себя Пайпер увидела двух мужчин в тёплых плащах с натянутыми на головы капюшонами. Они быстро шли, тихо переговариваясь между собой, и не обращали на неё внимания. Только когда она застонала, попытавшись выпрямить спину, они посмотрели на неё.

Лошадь остановилась, и с непривычки Пайпер едва не съехала в сторону. Её поддержали, помогли вновь устроиться удобнее и даже прижаться к шее животного — видимо, в таком положении она и ехала. На чёрном теле лошади и грубых, жёстких волосах гривы виднелись тонкие слои инея, также покрывавшего верёвки, которыми были связаны запястья Пайпер: её руки развели в разные стороны и стянули жгутами, сплетавшимися вместе на шее лошади.

Кто-то что-то сказал. Пайпер моргнула, пытаясь собраться с мыслями и сосредоточиться, но вместо этого, наконец, ощутила, что её ноги также привязаны к истёртому седлу, а несколько жгутов соединяли лодыжки.

Значит, никакое это было не удобство, всего-навсего способ удержать пленницу от побега.

Пайпер даже бы посмеялась, если бы не боль.

Голос, звучавший ранее, повторил сказанное. Пайпер дёрнули назад, заставляя выпрямить спину, из-за чего перед глазами вспыхнули разноцветные пятна. Она умоляла себя дышать не слишком часто, чтобы не показывать, как ей больно, и одновременно внимательно слушать, но получилось лишь с третьей попытки, когда голос говорившего стал совсем нетерпеливым:

— Ты по-нашему понимаешь, а?

Ответить Пайпер, как ни пыталась, не могла. Голос пропал, в горле было сухо, шея вот-вот могла с хрустом сломаться, — настолько тяжёлой ощущалась её голова, — глаза неприятно щипало, а всю кожу у неё на лице болезненно натянуло и кололо от любого движения, будто его исполосовали.

— Чего молчишь? — по левую руку от неё показался мужчина в точно таком же тёмном, потрёпанном плаще. — Хочешь умереть прямо здесь?

«Требуй, чтобы тебя отвели ко мне, и ни за что не уступай. Ни на шаг. Дашь слабину — и тебя убьют на месте».

Пайпер мысленно прокляла Арне, а после, осторожно сглотнув, из-за чего в сухом горле стало ещё больнее, совсем тихо выдавила:

— Арне.

— Что ты заладила, как сумасшедшая? — разозлился мужчина, сделав шаг ближе. — Два часа только и бормочешь, что «Арне» да «Арне»!

Два часа?.. Пайпер казалось, что прошла тысяча, не меньше.

— Следовало убить её на месте, — вмешался кто-то с более глухим голосом.

— Тебе память отшибло? — влез третий мужчина. — Забыл, что видели?..

— Да мираж это всё! — выпалил четвёртый. — Тварь она, точно тварь! Хаос использовала, чтобы заставить нас видеть её!

— Но она человек, — возразил кто-то несмело. — Иначе сокрушитель бы убил её, когда мы проверяли, да?..

«*Они пытались меня убить*?» — ошалело округлив глаза, подумала Пайпер.

— Твари бывают разными, — попытался отстоять своё четвёртый мужчина, вступивший в спор. — Будет лучше, если мы избавимся от неё сейчас. Икасу не понравится, если мы притащим её в крепость.

— Она человек, — жёстко сказал самый первый, — и мы все видели, как она показала себя, когда она её позвала. Мы приведём её в крепость, но убьём, если Икас отдаст приказ.

Если это и впрямь те самые охотники, о которых говорил Арне, то ему следовало сначала проверить их на наличие мозгов. Как они могли распоряжаться её жизнью так легко, будто она ничего не стоила? Кто вообще в Коалиции ещё не слышал, что Пайпер из семьи Сандерсон, племянница главы Ордена искателей, была избрана Первым сальватором? О ней должны были слышать. Её должны были узнать. Даже те, кто не обладал магией или чарами, по одним только золотым глазам должны были понять, что она сильно выделялась.

Не то чтобы Пайпер этому радовалась, но речь, чёрт возьми, шла о её жизни.

Но с другой стороны, вдруг эти люди были на стороне тех, кто вместе с Третьим обвинял в предательстве и Арне? Коалиции, как показалось Пайпер, было намного привычнее и даже проще думать, что сакри каким-то образом попал в ловушку и не мог разорвать связи со своим сальватором. Однако она могла наткнуться на тех, кто считал иначе.

Что, если именно упоминание Арне заставило этих людей думать, что они должны убить Пайпер?..

— Лерайе, — выдохнула она из последних сил, и спор резко затих.

Пайпер всё ещё не удавалось понять, сколько конкретно людей её окружало, вооружены ли они и куда шли, но общая атмосфера мигом изменилась, стала напряжённой, а тишина — гробовой.

Она медленно подняла голову и подставила лицо снегу. Каждое его прикосновение посылало по телу острую боль, которая, однако, немного отрезвляла.

— Лерайе, — так же тихо повторила Пайпер.

— Лерайе? — недоверчиво повторил один из мужчин.

— Отведите меня… к Арне… — Пайпер, ничего не понимая, прислонилась к шее лошади, легонько мотнувшей головой. Тепло живого существа успокаивало, глаза стали закрываться. — Отведите меня… к Арне.

Рёбра давили на лёгкие, сердце сжималось от непонятной тоски. Где-то в хаосе собственных мыслей Пайпер понимала, что должна взять себя в руки, сесть прямо, чтобы хотя бы внешне показать, что она в порядке, сосредоточиться, но ничего не получалось.

Тяжесть вновь навалилась на неё, увлекая в сон.

***

Пайпер грубо сдёрнули на землю, из-за чего она глухо вскрикнула. Пробуждения хуже просто не придумаешь.

Ей было лишь на каплю лучше, чем в тот самый момент, когда она пролетела десятки метров, ударившись обо все ветви, и рухнула в сугроб. Глаза заволокло туманом, а всё тело болело так, будто связавшие её охотники пару раз потыкали её своим оружием или даже использовали как грушу для битья. Во рту стоял мерзкий медный вкус крови, которой стало только больше, когда она, лишившись опоры в виде рук мужчины, который сдёрнул её с седла, упала на землю и прикусила язык.

Вокруг было шумно. Света стало ещё больше, но он был блеклым, серым, нагонящим удушающее чувство страха и одиночества. Ей было лишь немного теплее, чем до этого, хотя никакой новой одежды ей не дали — Пайпер была всё в том же изодранном, почти застывшем от мороза пальто, забрызганном красными пятнами.

Странно. Она не помнила, чтобы на её пальто был рисунок.

Жёсткий, резкий голос прервал всё нарастающий гвалт. Пайпер не могла подняться с земли, видела лишь чьи-то худые ноги, остановившиеся возле неё.

Тело вновь охватила дрожь.

— Хвалю за осторожность, — произнёс всё тот же резкий голос, явно принадлежащий девушке, — но вас обманули, как детей. Вы проволокли тварь.

— Но сокрушитель её не тронул, — растерянно отозвался один из мужчин.

— Мы, как всегда, сделали надрез, — вперёд выступил другой охотник, — но ничего не произошло. Только кровь побежала, и всё.

— Но это тварь, — безапелляционно повторила девушка. — Очень редко, но некоторым удаётся обмануть сокрушители. Эта — одна из таких. Я ничего не слышу.

— Совсем? — спросил стоявший рядом с девушкой мужчина. Как Пайпер ни пыталась, разглядеть его лицо, как и лицо девушки, у неё не получалось.

— Ничего. Она, говорите, показала вам Лерайе? Манипуляции хаоса, не иначе. Лерайе нет в этом мире, а использовать её, чтобы обмануть нас, — преступление. Убейте тварь.

По толпе, затихшей, чтобы ловить каждое слово, пробежались восторженные и удивлённые шепотки.

— Вы не виноваты в том, что вас обманули, — продолжила девушка, повернувшись к Пайпер спиной. — Но тварь не должна быть здесь. Икас, её нужно убить.

— Да хоть бы один раз попробовала сделать это сама, — проворчал стоящий рядом с ней мужчина — судя по всему, Икас, — так тихо, что Пайпер не должна была его услышать, но почему-то услышала.

Все её чувства обострились. Зрение стало до того чётким, что она, наконец, увидела шагнувшего к ней Икаса: высокого мужчину в кожаной одежде, с тёмными волосами, собранными в хвост, и сурово сощуренными серыми глазами. Среди многочисленных тусклых красок, плывших за его спиной пятнами, Пайпер смогла различить его острые уши.

Эльф приблизился ещё на один шаг. Она, собрав всю свою силу, какую только смогла найти в слабом, дрожащем теле, отползла на пару сантиметров. Плевать, что одежда пачкается, мнётся и рвётся, что руки цепляются за мёрзлую землю, ногти ломаются, а лицо болит так, словно по нему всё ещё хлестают ветвями. Пайпер не могла позволить тронуть себя.

Её ладонь упёрлась в землю в тот же момент, когда Икас вдруг попятился назад. В ушах нарастал рёв, тень за спиной Пайпер почему-то стала больше. Сквозь толпу, всколыхнувшуюся от волнения и испуга, кто-то отчаянно пробивался вперёд.

— Кажется, ты ошиблась, дорогая, — насмешливый голос Арне, в котором прорезались нотки стали и холода, эхом разнёсся над ними. — Разве мы с моим милым другом сказали своё слово?

— Почему ты защищаешь тварь? — с искренним недоумением спросила девушка, вскинув голову. — Моё проклятие не обмануть!

— Эта девушка не тварь, но ты не можешь услышать шёпот за её спиной, и это нормально.

— Что это значит?

Арне громко хмыкнул, пройдя мимо Пайпер и встав между ней, девушкой и эльфом, во все глаза смотрящим на сакри.

Мгновение все молчали, а после Арне, заулыбавшись, радостно выпалил:

— О, вот и он!

Испугавшись, что это её единственный шанс, Пайпер упрямо потянула своё сопротивляющееся тело в сторону. Её не волновали ни взгляды, направленные на неё, ни то, что кто-то всё же осмелился подойти. Если Арне всё же на её стороне, — на что она очень надеялась, иначе в следующий раз она задушит этого ублюдка собственными руками, — значит, он поможет ей спастись.

Он остановит человека, который хотел подойти ближе.

Однако Арне этого не сделал.

Пайпер замерла, встретившись взглядом с льдисто-голубыми глазами. Блеснувшая в левом ухе серебряная серьга-кристалл всколыхнула воспоминание, мягкое прикосновение к её руке — магию, наконец прорвавшуюся наружу.

Сила вспыхнула, точно разом пробила все удерживающие её барьеры, и потекла по венам Пайпер, разгоняя её кровь. Но этого для её изувеченного тела оказалось слишком много.

Пайпер только-только смогла приподнять и протянуть дрожащую руку вперёд, когда Сила особенно горячо растеклась в районе солнечного сплетения. Тело свело судорогой, и всё вокруг заволокла уже знакомая тьма.

Глава 2. Ведь мы же поклялись с тобой когда-то

Магнус вяло водил ложкой по тарелке. Эйкен молча уплетал скудный завтрак за обе щёки, пока Стелла тихо жаловалась Клаудии, что хочет нормального мяса и может сбегать в лес на охоту так быстро, что её отсутствие не заметят. И все они в равной степени делали вид, что Третий в полном порядке.

Он редко спускался в общий зал, чтобы притвориться, что разделяет еду с другими обитателями крепости, но оставаться наверху, в своей комнате, уже было невыносимо. Благодаря острому слуху великанов способный услышать чужое дыхание и биение сердец на расстоянии большем, чем у людей, что позволяло ему знать, где кто находился, всю последнюю неделю он следил за одним-единственным человеком, что сводило его с ума.

За человеческой девушкой, ещё ни разу не открывшей глаза с тех пор, как она потеряла сознание во дворе.

Арне не говорил, что с ней. Если бы всё было плохо и непоправимо, он бы, разумеется, сказал об этом — сакри просто не позволил бы тратить ресурсы и силы на заботу о девушке, которая никогда не очнётся. Но его невмешательство и молчание только подтверждали, что она рано или поздно придёт в себя. Третий никому, даже Арне, — хотя сакри и так всё знал, — не признавался, как сильно ждал этого момента.

Он нервничал, ждал, думал, даже не пытался поспать, нервничал ещё больше, загружал себя делами, нервничал ещё сильнее, но не подходил к девушке лишний раз. Тогда, во дворе, у него едва хватило сил, чтобы не потерять сознание самому — настолько он был измотан поиском бреши, её закрытием, сражениями с тварями и тем, что отдал немного Времени для спасения от ужасных последствий того, кого даже не знал, но на ком настоял Арне. Из-за этого сам сакри настоятельно рекомендовал ему сначала восстановить собственные силы, а Клаудия, не такая нежная, прямо приказывала сделать это. Она уже убеждала Третьего иногда менять обстановку и постоянно напоминала, что целители крепости в состоянии выполнить свою работу и без его надзора. Третьему пришлось с ней согласиться.

Он ждал, не находя в себе сил заниматься привычными делами и одновременно нагружая себя чужими, и не мог полноценно сосредоточиться на составлении ответных писем или обучении Эйкена. Всё, что мог Третий, так это слышать чужое дыхание, тихое и слабое, и чувствовать, как его нервы натягиваются до предела.

Не помогло даже то, что он как трус сбежал в общество других людей, надеясь чужими голосами заглушить звук её дыхания.

Неожиданно Стелла с томным вздохом привалилась к его плечу и уставилась на него большими, полными печали глазами. Магнус мгновенно прыснул от смеха.

— Я тебя не отпущу, — непреклонно сказал Третий, даже не посмотрев на Стеллу в ответ.

— Но я хочу поохотиться, — жалобно протянула она.

— Нет. В лесу стало слишком опасно.

Что-то — или, вероятнее всего, кто-то — забросил человеческую девушку в этот лес, но никаких следов после себя не оставил. Слишком подозрительно и опасно. Если уж Арне до сих пор в этом не разобрался, значит, дело было действительно серьёзным. Стелла, конечно, была не такой уж и слабой и могла о себе позаботиться и в одиночку, но Третий не мог позволить ей рисковать собой.

— Пока что мы останемся в крепости, — чуть мягче добавил он, повернувшись к Стелле.

— Икасовых охотников ты не остановил!

— А должен был? Их работа — прочёсывать леса, ловить дичь и следить, чтобы твари не пересекали границ.

— Это и наша работа!

Магнус опять усмехнулся. Третий уже подумал о том, чтобы лично вручить ему бутылку вина, лишь бы заткнуть: такое выражение лица предвещало длинную тираду о том, какая у них потрясающая «работа», как её назвала Стелла, и как хорошо они с ней справлялись. Третий, обычно молча кивающий почти на каждое заявление Магнуса, слишком устал, чтобы делать это в тысячный раз.

Он не помнил, когда в последний раз ночи были такими беспокойными. В крепости никогда не было тихо, — слышались либо рабочие, либо тренирующиеся, либо раненые и умирающие, — но сейчас всё было иначе. Тишина распространялась чудовищно быстро, и гробовая наступала в ту же секунду, когда появлялся Третий. Икас установил отличный порядок в крепости, из-за чего люди, склонные к сплетням и перемыванию чужих костей, мгновенно замолкали. Обычно это ничуть его не беспокоило, но ночами, когда он не спал, он слышал всё, о чём шептались эти люди, что также заставляло его нервничать.

Третий привык не обращать внимания на любого рода слухи, касающиеся его, а самые необычные, интересные или волнующие старался оборачивать в свою сторону, но нынешние постепенно разрушали тот образ, который он кропотливо выстраивал долгие годы, вызывая благоговение и ненависть одновременно. И теперь, когда все его мысли занимала только человеческая девушка, у него не осталось никаких сил на то, чтобы пресекать слухи и восстанавливать нужный образ.

Клаудия вечно говорила ему, что он живой и имеет право чувствовать себя растерянно, одиноко и даже напуганно, но Третий отмахивался. Он же не обычный великан, а живой символ. Единственный сальватор во всех мирах, делающий всё возможное, чтобы в Диких Землях защитить выживших людей. У него просто не могло быть времени на самобичевание или обдумывание, почему ему так плохо.

Но человеческая девушка, которую кто-то забросил в лес, одним своим присутствием разрушала эту веру.

Третий поклялся себе и Арне, что не будет давать им напрасную надежду, не будет слишком много думать о ней до того момента, как она проснётся. Но мысли постоянно вращались только вокруг неё: к её обезображенному глубокими царапинами и синяками лицу, к крови на странной верхней одежде, к едва теплящейся в теле магии.

Знакомой магии.

У Третьего внутри всё закипало от одной мысли, что он, возможно, никогда не узнает, кто навредил ей.

Не то чтобы его это касалось, но эта знакомая магия…

Арне знал её имя, но не называл его. Дразнил тем, что не хочет портить впечатление от первого знакомства, и хотя внешне Третий был собран и спокоен, как и всегда, внутри его терзало практически детское любопытство. Он мог в любой момент прочитать девушку с помощью Времени и узнать её имя, пока она спит, но не смел даже касаться её. Третий не представлял, как его магия отреагирует на её магию, не разбудит ли раньше положенного времени, не навредит ли. И, конечно, боялся, что увидит что-то, что не было предназначено для его глаз.

Но при этом Арне ни на секунду не затыкался: постоянно говорил, какая эта девушка «крутая», — Третий понятия не имел, что означало это слово, — «потрясающая» и «прямотаки божественная». Совершенно новая манера речи, непохожая на его обычную, сводила Третьего с ума едва не так же, как отвратительное самочувствие после всех сражений, что он пережил за последние недели.

Магнус всё ещё мог победить его даже с настоящим мечом, в то время как Третий был вооружён учебным, а Клаудия говорила, что мёртвые с ненавистью шепчут о его силе, но ему самому этого было мало. Использование рокота встало под вопрос, и это было главным доказательством того, что он до сих пор не оправился.

Клаудия, вероятнее всего, будет ругаться из-за этого ещё очень долго и не постесняется при каждом удобном случае напоминать, чтобы он больше отдыхал, раз они пока застряли в крепости. Или, если уж ему совсем не сидится, тренировался с Магнусом и Стеллой и обучал Эйкена. За последнюю неделю он соизволил заняться этим всего раз, слишком занятый мыслями об ощущении знакомой магии и тем фактом, что человеческая девушка всё не просыпалась.

Стелла громко фыркнула ему в ухо, практически прижавшись к нему губами, и Третий вздрогнул всем телом. Магнус громко рассмеялся, Эйкен плотно сжал губы, стараясь не последовать его примеру, но держался плохо. Одна только Клаудия с шумным вздохом закатила глаза и отвернулась, будто хотела показать, что никого из них не знала.

— Стелла, — предупреждающе произнёс Третий.

Стелла хитро улыбнулась, показывая зубы, и кивнула ему за спину. Третий оглянулся и наконец заметил невысокую девочку, которая нерешительно топталась возле их стола.

«Тебе бы перестать витать в облаках», — со смехом отозвался Арне.

Проигнорировав его, Третий вежливо улыбнулся.

— Доброе утро, юная леди. Чем я могу помочь?

Девочка зарделась и уставилась себе под ноги. Дети в крепости, вообще-то, любили его. И постоянно ему что-то дарили: то вырезанную вручную фигурку из дерева, то лучший отрез ткани, который смогли найти, то книгу, хотя Третий перечитал всё, что было в крепости Икаса, и даже притаскивали ему свежий хлеб, который он вежливо принимал, а потом относил обратно на кухню. Чаще всего они первыми вызывались передать ему сообщение, если то было не срочным и не секретным. Однако за последнюю неделю дети всё реже подходили к нему: должно быть, уловили напряжение, охватившее крепость, или просто слушались взрослых, которые не хотели, чтобы они разговаривали с Третьим.

— Ну же, — он немного наклонился вперёд, чтобы они смотрели друг другу в глаза, — я тебя не обижу. У тебя есть какие-то новости для меня?

— Да, от Лилис, — наконец выдавила она, начав сминать край рубашки.

— Что передаёт Лилис? — терпеливо уточнил Третий.

— Говорит, что та девушка очнулась. И она чуть не устроила погром в комнате.

Третий подскочил так резко и быстро, что коленями ударился о край стола, и пустая тарелка Стеллы со звоном подпрыгнула. Магнус уже был на ногах, игнорируя любопытные взгляды других людей. Эйкен плёлся за ним. Если бы Стелла не подтолкнула Третьего в спину, он бы так и стоял на месте, пока Арне мысленно считал, сколько ещё он выдержит без воздуха.

— Спасибо, что передала новость, — Стелла широко улыбнулась девочке, которая тут же закивала. — Хочешь, я поймаю тебе красивую птичку?

Красивых птиц нигде, кроме Тоноака, не осталось, но Стелла в качестве жеста признания и благодарности всем предлагала поймать их.

— Идём, Стелла, — Клаудия потянула её за собой быстрее, чем девочка успела бы осознать услышанное и ответить.

Третий заторможено потрепал девочку по волосам, — иногда детям нравилось, когда он так делал, — и, едва способный переставлять ноги, пошёл за Клаудией и Стеллой.

Все его мысли, как и до этого, крутились только вокруг человеческой девушки.

***

— Ты издеваешься? — прошипела Клаудия, нахмурившись.

— Не дави на него! — громким шёпотом осадил её Магнус. — Видно же, что он нервничает.

— Я не нервничаю, — возразил Третий, хотя именно так и было.

Зачем они вообще увязались за ним?.. Магнус наверняка в первую очередь хотел посмотреть на панику Третьего, которая вполне могла отразиться на его лице, когда он будет говорить с девушкой, а уже после он бы просто был рядом, чтобы поддержать. Клаудия бы только с ледяным выражением лица смотрела на неё и гадала, почему не слышала мёртвых за её спиной, а Эйкен и Стелла…

Возможно, только они сейчас и хотели со всей искренностью поддержать его своим присутствием.

За дверью комнаты, у которой они застыли, слышался тихий женский голос. Даже Третий с его острым слухом не мог разобрать, о чём она говорила и главное — с кем. Лилис, которую они нашли на кухне, сказала, что девушка пообещала вести себя тихо, пока ей ищут что-нибудь поесть, но Третий сомневался, что она и впрямь решила быть послушной.

Спустя всего мгновение он ощутил напряжение в груди и то, как натянулись нити магии. Второй голос в комнате разразился смехом. Мужской голос.

Голос Арне.

Третий постучался. Голоса мигом стихли, а спустя всего секунду Арне громко и с явным весельем крикнул:

— Заходи!

Девушка запротестовала, но Третий уже открыл дверь.

Она мигом подскочила на ноги и пошатнулась, бедром врезавшись в старый комод возле кровати, чуть не сбив с него чашку с водой. Сидящий в изножье одноместной кровати Арне с интересом переводил взгляд с неё на Третьего, стоящего на пороге и вытянутой рукой удерживающего Стеллу, которая хотела как можно скорее познакомиться с девушкой.

— Знаешь, а ведь я как раз говорил о тебе! — сказал Арне, махнув ладонью в его сторону. Девушка, нахмурившись, кинула на сакри убийственный взгляд и снова повернулась к Третьему. — Замолвил за тебя словечко и дал парочку обещаний, так что ты будь паинькой и всё сделай правильно, договорились? Уверен, ты справишься. Ну, я пошёл…

— Стоять.

Арне, уже поднявшийся с кровати, во все глаза уставился на Третьего. Разумеется, приказать сакри остаться он так просто не мог: скорее даже не имел права, потому как они были связаны друг с другом до самой смерти. Но в последнее время Арне исчезал слишком часто, особенно когда Третьему сильнее всего нужны были ответы на вопросы. Обычно сакри всегда отвечал на его слова, а во плоти появлялся по настроению, но Третьему было необходимо, чтобы он остался.

— Ты разбиваешь мне сердце, — театрально прошептал Арне, прижимая руки к груди.

— Я хочу, — осторожно начал Третий, медленно, чтобы не спугнуть девушку, переводя взгляд с Арне на неё, — чтобы ты помог нам понять друг друга. Я хочу с ней поговорить. Если она, конечно, не против.

— Она не против, — хрипло, но с хорошо различимой сталью в голосе и лёгким акцентом произнесла девушка, — потому что она прекрасно понимает ваш язык.

Магнус за его спиной присвистнул.

— Оставьте нас, — приказал Третий.

Девушка напряжённым взглядом провожала Магнуса и Стеллу, одновременно вздохнувших с явным разочарованием, и молчаливого Эйкена, после чего её глаза остановились на оставшейся на месте Клаудии. Брови сошлись на переносице, из-за чего повреждённая кожа на лице натянулась. Едва начавшая заживать царапина, пересекающая левую бровь, вновь сочилась кровью.

— Клаудия, — строже произнёс Третий, искоса посмотрев на неё.

— Но…

— Нет. Оставь нас.

Всегда, когда в крепости появлялись новые люди, Клаудия и Третий, если тоже были там, проверяли их. Третий изучал их своей магией во время простого допроса, замаскированного под вежливую беседу, Клаудия же слушала шёпот мёртвых, узнавала чужие истории и секреты, а уже вместе они решали, стоит ли доверять прошедшим. То же было и с пленниками, подброшенными ранеными или людьми, которые сумели самостоятельно сбежать от тварей — всеми, кого ноги приносили к той или иной крепости. Но человеческая девушка перед ними буквально свалилась на голову охотникам Икаса, явила им Лерайе, если верить их словам, а Клаудия не слышала мёртвых за её спиной.

Это делало девушку вдвойне опасной и интересной.

Клаудия, выждав ещё несколько мгновений, словно надеялась, что Третий изменит мнение, наконец ушла, ничего не сказав. Она всё равно будет неподалёку, может, в соседней комнате или коридоре, но только мёртвые за спиной Третьего будут шептать о его чувствах и намерениях, а девушка так и останется для неё загадкой.

— Итак, — сдержанно начал Третий, подняв взгляд к её глазам, но слова застряли в горле, и он замер, не способный продолжать.

Золотые глаза. Лишь оттенок был схожим с оттенком Йоннет, но у Третьего всё равно замерло сердце.

Очень знакомые золотые глаза. Родные, любимые, обещающие безопасность.

Он так скучал по ним.

— Итак, — вслед за ним повторила девушка, качнув головой, словно поддразнивая. Она беззастенчиво разглядывала его, не обращая внимания на взгляд Арне, который так и метался между ними двумя, и Третий позволил себе аккуратно и как можно более незаметно повторить её действие.

Лилис смогла найти для девушки чистую одежду: светлые штаны и рубашку со свободными рукавами. Растрёпанные после сна чёрные волосы лежали на плечах, на шее была повязка, которую следовало в ближайшее время сменить, но, к счастью, на запястьях красовались свежие отрезы ткани, ещё не пропитавшиеся кровью из раскрывшихся ран. Под тканью рубашки на плечах ясно проглядывались два или три слоя повязок. Лицо девушки, над которым старательно работали целители, ничем не было скрыто: многочисленные царапины пересекали губы, брови и линию носа, синяки расплывались на скулах и висках, из-за ярко сияющих золотых глаз казавшиеся совсем фиолетовыми. Бронзовой коже только-только начал возвращаться здоровый оттенок.

Арне пересказал, как нашёл её и помог добраться до охотников, но Третий просто не верил, что все эти раны она получила, упав с огромной высоты в сугроб. Он выпытал у охотников, что они только проверили её сокрушителем и иных ран не наносили, но просто не верил.

Должно быть что-то ещё, о чём Арне по каким-то причинам утаил или не мог рассказать. Что-то, что упустили охотники. Третий не мог использовать на них свою магию из-за того, что руководствовался исключительно своими скудными коммуникативными навыками, огромным влиянием как сальватора и доверием Киллиана, о чём сильно жалел.

Немного безвредной магии — и у него была бы целая картина. Он бы знал, как помочь девушке избавиться от ран и помочь ей стерпеть боль.

— Так и будешь меня разглядывать?

Третий склонил голову набок, внутренне подобравшись. Невозмутимость, как говорил Киллиан, была его оружием, которое всегда помогало в переговорах, будь то с людьми Катона или же беседы с жителями Артизара.

— Как тебя зовут?

Третий, совершенно не ожидавший такого вопроса, удивлённо моргнул. Сбилось даже его ровное дыхание.

Арне, переставший молча наслаждаться представлением, удовольствие в котором видел только он, выпрямился во весь рост и грозно посмотрел на девушку.

— У нас принято в первую очередь представляться самим.

— А у меня принято не запирать раненых, — парировала девушка, сжав кулаки и приподняв плечи, словно была готова сцепиться с Арне, если это потребуется.

Но её не запирали. Третий приказал караулу следить за её дверью на случай, если кто-то попытается пробраться внутрь с целью навредить, и запретил Лилис запирать её комнату на ключ. Должно быть, произошло какое-то недоразумение.

— Арне, — обратился к нему Третий, делая шаг поближе к сакри, — будь вежливее. Иначе твои попытки выставить меня в хорошем свете ничего не принесут.

— Я само воплощение вежливости, — фыркнул Арне. — Но в последнее время ты заставляешь меня работать намного усерднее, вот я и выматываюсь сильно, знаешь ли. У меня нет сил на долгие и бессмысленные прелюдии.

— Разумеется, — согласился Третий, затем посмотрел на девушку и, доброжелательно улыбнувшись, продолжил: — Все зовут меня Третьим. Моё имя сейчас ничего не значит.

— Пайпер, — тут же представилась девушка очень быстро, будто даже не обдумывала, стоит ли говорить своё имя, и добавила: — Сандерсон.

И почему-то выжидающе на него уставилась.

— Пайпер из рода Сандерсон? — вежливо уточнил Третий.

— Из семьи, — исправила она.

Третий прищурился. Должно быть, эта семья малочисленная или вовсе неизвестная, раз он впервые о ней слышал. Он знал каждый род и почти каждую семью, если они ещё сохранились, в пределах Омаги, Тоноака, Элвы, Артизара, и многочисленных крепостей, но о семье Сандерсон — ничего.

— О, это потому что она не отсюда, — пояснил Арне, верно угадав его мысли. — Пайпер попала сюда из другого мира.

Третий и Пайпер одновременно уставились на Арне, ошарашенно раскрыв глаза.

— Что? — выдавила она едва слышно.

— Я думал, ты уже догадалась. Это не твой мир, солнышко. Тебя затянуло в чужой.

— О чём ты говоришь? — нетерпеливо спросил Третий, скрипнув зубами.

Он *никогда* не терял терпения так быстро: это было плохим знаком.

— Пусть её магия расскажет тебе обо всём. Я устал и хочу отдохнуть, так что давайте, начинайте. Раньше начнём — раньше закончим.

Но Третий при всём глубинном желании поступить именно так, как сказал Арне, не мог сделать этого. Если эта девушка именно та, о ком он думал, то её магия, которую он сейчас едва ощущал, вновь засияет и подтвердит или опровергнет выводы, к которым успел прийти Третий.

Он поймёт, с кем именно оказалась связана Пайпер.

Третий отчаянно желал этого и одновременно боялся.

Всё происходящее вплоть до этого момента было похоже на плохую и страшную сказку вроде тех, которые ему иногда рассказывала в детстве старшая сестра. Но Пайпер сама протянула руку, смотря на него не просто с решимостью, а с настоящим вызовом, и Третий, как ни уговаривал себя мысленно, не смог ей отказать.

Он аккуратно коснулся её руки своей — кожа у неё была почти такая же холодная, как и у него — и переплёл с ней пальцы, боясь, что любое его движение может причинить ей вред.

Пайпер так крепко сжала его ладонь, сурово сведя брови, что Третий и безо всяких слов понял угрозу: она уничтожит его, если он даст ей повод.

Третий дал ей только Время — столько, сколько было нужно, чтобы привести клокочущую внутри неё Силу.

Столько, сколько было нужно для света, залившего собой всю комнату.

Перед глазами ещё несколько мгновений прыгали яркие пятна. Рука Пайпер выскользнула из его руки, и Третьего охватила паника. Он не должен был отпускать её. Она ранена, у неё мало магии, она понятия не имела, что происходит. Он должен был защитить её, потому что — элементали, Третий в это не верил, — она была сальватором Силы, связанной с Лерайе.

С Лерайе, которая стояла напротив него и улыбалась. Ему. Точно так же, как в день их знакомства, когда Йоннет и Масрур явили ему своих сакри.

Лерайе ничуть не изменилась: сиреневая кожа, чернильные волосы и платье с плывущими на нём узорами из звёзд и цветных пятен. Её фиолетовые глаза сияли так же ярко, как и в последний день, когда Третий видел её. Как двести лет назад.

— Лерайе, — судорожно выдохнул он, не сумев себя остановить.

Лерайе улыбнулась ему и растаяла, как дым.

Перед глазами Третьего оказалось разъярённое лицо Пайпер.

— Лерайе! — заорала она, начав оглядываться. — Вернись, сучка ты такая! Почему ты меня игнорируешь?!

Арне плавно опустился на край кровати и закинул лодыжку на колено, всем своим видом показывая, что он здесь не при чём. Третий ожидал большего участия от сакри, потому что происходило именно то, к чему он никак не смог бы подготовиться даже с уроками Йоннет, если бы она их давала: Пайпер, новый сальватор, злилась, а он не знал, как её успокоить.

Он две сотни лет искал Лерайе и эгоистично хотел провести с ней чуть больше времени, чем одно мгновение, но понимал, как это неправильно. Она связана не с ним, а с Пайпер.

— Ты хочешь поговорить с Лерайе? — уточнил Третий, когда яростно пылавшие глаза Пайпер полоснули по его лицу.

Она ничего не ответила, только молча злилась и скрежетала зубами. Всего одного прикосновения хватило, чтобы Третий вновь почувствовал давно угасшую связь между сакри, и это терзало его, распирало изнутри, пыталось подтолкнуть ближе. Однако то, что она чувствовала, заставляло его стоять на месте.

Пайпер была зла, но она также была в ужасе. Она с ужасом смотрела на него.

Третий, привыкший к подобному взгляду, сейчас едва был способен терпеть его.

— Ты обязательно поговоришь с Лерайе, — как можно спокойнее и убедительнее произнёс он, вспоминая все советы по расположению собеседника к себе, которые ему когда-то давали Магнус и Джинн. — Но не можешь ли ты сначала поговорить со мной? Пожалуйста… Первая.

Пайпер замерла всем телом, смотря на него. Третий оказался прав: та нить её магии, задевшая его Время всего на долю секунды, действительно несла в себе это воспоминание. Он ничего не пытался узнать ни о ней самой, ни о мире, откуда она явилась, ни о её семье или друзьях, и всё же отчётливо увидел, как во времени Пайпер мелькнуло, что кто-то назвал её Первой.

Она думала невыносимо долго, и хотя Третий всегда мог точно сказать, сколько прошло времени, он впервые не следил за ним намеренно. Он лишь терпеливо ждал, смотря прямо в глаза Пайпер, не препятствуя её магии, с интересом изучающую его магию и его самого.

Наконец она кивнула, и Третий понял, что всё это время даже не дышал.

— Обещай мне, что я поговорю с Лерайе, — резким тоном заявила она.

— Я…

Он не мог поклясться своим именем.

— Как Третий сальватор, я обещаю тебе, что ты поговоришь с Лерайе. Я передам тебе всё, что у меня есть, дабы это произошло.

— Всё, что у тебя есть? Что это значит?

Третий покосился на Арне, но сакри только непринуждённо пожал плечами.

— Так ты не знаешь.

— Не знаю чего? — выпалила она с таким выражением лица, что сразу стало ясно: ей совершенно не нравится, что она о чём-то не осведомлена.

Ещё недавно упавшая с плеч гора вернулась на место. Третий, сначала мысленно убедив себя, что готов к ещё одному взгляду, крикам и даже погрому, если Пайпер всё же решится на это, сказал:

— Ты не можешь нормально общаться с Лерайе, потому что часть её магии запечатана внутри меня. Так же, как часть магии Арне запечатана внутри тебя.

***

Лерайе исчезла, едва успев появиться, и в очередной раз не обратила на Пайпер никакого внимания. Её это настолько достало и взбесило, что она была готова кричать во всё горло и, ничего не стесняясь, рыдать, если бы не одно «но», стоящее напротив неё и выглядящее точно так же, как ей показывала Твайла.

Третий.

Сальватор из народа великанов, предавший миры.

На предателя он не был похож.

Не то чтобы Пайпер знала общий портрет предателей, но была уверена, что Третий уж должен был как-то измениться. Однако он почти не отличался от того, каким его продемонстрировала Твайла: та же белая кожа, острые черты лица и прямой нос, тёмные волосы и голубые глаза, серьга-кристалл в левом ухе. Он и впрямь был выше даже Стефана, весь грациозный, утончённый и плавный во взглядах, движениях и речи. Разумеется, была другая одежда, не такая шикарная и порядком потрёпанная, но для сравнения это были сущие мелочи.

Очень сильно отличался взгляд, которым он смотрел на неё.

Твайла показала Третьего со спокойным, сдержанным взглядом, словно он мог в любой момент выступить перед людьми, уверенный в своей правоте и том, что убедит в ней и остальных. Будто точно знал, что делает и что должен сделать. Пайпер видела проблески этих черт, когда ещё несколько людей толпилось в коридоре. Но потом Третий отослал их, и взгляд голубых глаз изменился. Всё такой же сдержанный, в нём появилось и беспокойство, и озадаченность, и множество вопросов, которые он словно не решался озвучить. Пайпер он разглядывал аккуратно, хотя даже не пытался скрыть этого, особое внимание уделил её лицу и глазам.

Собственного лица Пайпер ещё не видела, но по складке, появившейся между бровей Третьего, догадалась, что оно не совсем в порядке.

Голова Пайпер шла кругом. Она злилась на всех без разбора, на Лерайе, опять бросившую её, особенно, но слова Третьего её заинтересовали. Все предостережения о нём так и крутились в её мыслях, звучали голосами Гилберта, дяди Джона, Кита и остальных, как бы она ни пыталась их заглушить, чтобы уж точно не разрыдаться из-за боли и страха. Но она уже поверила Твайле и Арне, поверила Лерайе, даже не выслушав её толком. Могла дать шанс и Третьему. Хотя бы на разговор.

Сейчас Пайпер была не в состоянии защитить себя, рассчитывать, что Лерайе спасёт её, не стоило. Спокойный разговор — единственный разумный вариант. Хотя слово «спокойный» совершенно не подходило.

Пайпер была в ужасе, ярости и смятении, и слова Третьего, заинтересовавшие её, также усугубили эти чувства.

— Что это значит? — наконец подала она голос, сжав кулаки.

— Я обещаю рассказать тебе всё, но, может, ты сначала поешь? Тебе нужно восстановить силы.

Разумное замечание, конечно, но Пайпер не собиралась с ним соглашаться. Она же понятия не имела, где на самом деле находилась. Арне, всё так же молча сидящий на кровати, где ещё недавно лежала она, слова о чужом мире прокомментировать не удосужился. Да и есть она, даже если была, не планировала — мало ли, что ей могут подсыпать.

То ли неправильно восприняв её молчание, то ли посчитав, что ей нужно успокоение и заверение, Третий добавил:

— В этой крепости безопасно. Тебя никто не тронет и не обидит, не станет докучать вопросами. Ты можешь свободно ходить везде, где хочешь, кроме разве что темниц. Тебе дадут чистую одежду и оружие, если пожелаешь…

— Где моя старая одежда? — перебила его Пайпер.

Третий сглотнул и едва заметно нахмурился.

— Я попросил привести её в порядок, однако не уверен, что удалось полностью… восстановить её.

— Я хочу, чтобы её вернули.

— Конечно.

Пайпер от его тона пробрала дрожь: она вдруг с ясностью осознала, насколько он с ней вежлив и любезен. Совсем как Гилберт, когда она оказалась в его особняке.

— Где я нахожусь?

— Я же уже сказал, — со вздохом мученика подал голос Арне, — что ты в чужом мире.

— Где именно?

— Дикие Земли. Это единственное безопасное место, где мы можем укрыться от тёмных созданий.

— Это не… Это не Земля, — растерянно пробормотала Пайпер, поперхнувшись воздухом. Да, Арне сказал, что это чужой мир, но одно дело — услышать сакри, который постоянно говорил с ней загадками и словно питался её непониманием и растерянностью, и совершенно другое — услышать сальватора, чью магию она ощущала своей.

— Нет, это Земли…

— Третий, милый мой, — со смешком перебил его Арне, — она говорит о своём мире, Земле. Согласен, название странное, но что поделать?

Пайпер добрела до кровати и опустилась на край.

Она в *другом* мире. Чужом, опасном, закрытом. Здесь не было дяди Джона и Эйса, Гилберта, Кита, Марселин и Шераи. Не было Коалиции из фей, эльфов, вампиров и искателей, готовых помочь ей.

Она здесь совсем одна.

Пайпер смотрела на свои трясущиеся руки, покрытые мелкими заживающими царапинами, и никак не могла осознать услышанное. Попасть в другую точку мира, откуда она хотя бы сможет открыть портал или где лучше дождаться, чтобы её нашли и спасли, было страшно. Но ещё страшнее оказалось попасть в другой мир. Пайпер понятия не имела, каким образом открыла Переход, — только так ведь и можно было оказаться в Диких Землях, разве нет?.. — и не представляла, как сделать это ещё раз, чтобы вернуться домой. Она даже не была уверена, что сможет попытаться: тело до сих пор помнило все удары и деревья и землю, каждая клеточка ныла, как и раны на плечах, оставленные когтями Маракса.

Да и если бы из этого мира можно было сбежать, стал бы Третий торчать здесь?.. Пайпер казалось, что нет, не стал бы.

В поле зрения показалось его лицо — он присел перед ней, чтобы их глаза оказались примерно на одном уровне. Инстинкты Пайпер кричали, чтобы она приготовилась сражаться. Это же Третий, он опасен, он может навредить ей. Но магия не реагировала, была спокойной, словно никакого риска не существовало, а внутренних сил не нашлось даже на то, чтобы унять дрожь в руках — драться бы она точно не смогла.

Пайпер напряглась всем телом, когда Третий, быстро посмотрев на её руки, поднял взгляд и всё тем же успокаивающим тоном произнёс:

— Я обязательно помогу тебе найти выход из этой… сложной ситуации. Я верну тебя домой. Обещаю.

Но он ведь не мог всерьёз давать такие обещания. Если он мог вернуть её домой, то почему не сделал этого сразу же? Почему сам до сих пор торчит в этом мире, когда есть другой, более безопасный? Как казалось Пайпер, Вторжение уничтожило вообще всё: не осталось ни стран, ни их правителей, никого, кто мог бы объединить выживших.

Боги, никто ведь даже не знал, что были и другие выжившие.

Эта мысль так поразила Пайпер, что она, округлив глаза, тут же спросила:

— В этом мире есть выжившие?..

Третий сдержанно кивнул.

— Две сотни лет назад выжившие во Вторжении сигридцы пришли в Дикие Земли — на территорию, где они могли укрыться от тёмных созданий. Здесь есть крепости, в которых безопасно, и целые города. Твари ещё бродят по этим землям и иногда нападают на нас, но мы даём отпор благодаря особому оружию. Сокрушителям.

— Что-то об этом говорил мужчина, который…

— Который привёл тебя сюда, — осторожно подсказал Третий, когда Пайпер замолчала. — Да, он использовал его, чтобы проверить, не обратишься ли ты в прах, как это бывает с тварями.

— Но я-то не, э-э, тварь, — зависнув на секунду, возразила Пайпер. — Я человек. Зачем они использовали сокрушитель?

— Всегда есть риск, что перед тобой тёмное создание, а не человек. Это мера предосторожности, не более. Больше никто не посмеет ранить тебя мечом.

Он заявил это так уверенно, будто намеревался лично каждому в крепости сообщить об этом и наказать тех, кто посмеет ослушаться приказа.

Это было так абсурдно, что она бы рассмеялась, если бы горло не сжималось от подступающих рыданий.

Перед ней всё ещё был Третий, предавший миры.

Пайпер молчала, смотря на него, невероятно долго, но в конце концов всё же сказала едва слышно:

— Тебя называют Предателем.

Третьего, казалось, её слова ничуть не удивили. Только правый уголок рта едва заметно дрогнул, как если бы он почти улыбнулся. Он поднялся на ноги, отошёл к окну, вид из которого Пайпер ещё не успела изучить, и абсолютно спокойно произнёс:

— Как я и предполагал. — Он повернулся обратно, провёл рукой по чёрным волосам и таким же тихим голосом спросил: — А как они называют тебя?

— Первая, — ответила Пайпер на выдохе.

Он кивнул, будто уже знал об этом, и замолчал. То ли обдумывал что-то своё, то ли давал ей возможность самой продолжить разговор.

Но о чём говорить, Пайпер не знала.

Она решила самостоятельно разобраться в том, что конкретно сделал Третий, и не поддаваться ненависти к нему, которую считала слепой. При всём мало-мальском уважении, которое успели заслужить Гилберт и его драгоценная Коалиция, Третий почему-то являлся ей в видениях, а Арне говорил от его имени.

Третий был сальватором, и это означало, что Пайпер больше не была одна. Он был сильнее, умнее и намного более опытным, чем она; его сакри помог ей добраться до крепости, где безопасно, пусть и весьма специфическим образом. Их Время помогло Эйсу пережить эриам.

Даже если бы Третий был врагом лично ей, он уже спас жизнь её брату, ничего не зная о нём, за что Пайпер вечно будет благодарна.

Она не собиралась так просто прощать ему все грехи, подробности которых плохо знала, как и не собиралась во всём подозревать. Третий сделал с её магией нечто, что побудило её старательно изучать его магию, а Сила, какой бы странной и даже истеричной ни была, никогда не лгала Пайпер. Она также, если Пайпер всё правильно поняла, позволяла определять, лжёт ли Третий.

Может, дело было в том, что они, как говорил дядя Джон, одной магии и связаны друг с другом.

Если это означало, что её магия действительно сможет прочитать Третьего, то всё, что было нужно Пайпер, — узнать, что случилось в день Вторжения.

— Ты веришь, что я предал миры?

Если Третий и старался казаться невозмутимым, будто его ничуть не волновал ответ на этот вопрос, то получалось плохо. Пайпер сильно сомневалась, что у всех великанов одна и та же манера общения, но благодаря общению с Гилбертом научилась более-менее разгадывать эти сдержанные взгляды и непринуждённые позы, на самом деле бывшие скованными и напряжёнными.

Она молча ждала продолжения, не давая никакого ответа, и в конце концов он сухо усмехнулся, собрал руки на груди и оглянулся через плечо, в окно.

— Слухи о том, что я предал миры, пошли после того, как в день Вторжения меня видели в ребнезарском дворце. Разные люди говорят разное, но суть одна: они утверждают, будто видели, как я убивал сигридцев и позволял тёмным созданиям терзать их тела, чтобы напитаться скрытой в них магией.

Пайпер против воли вздрогнула, вспомнив, что Марселин говорила о судьбе рода Астракто.

— Кто-то говорил, что я пил кровь королевской семьи, насильно забирая их дар. Это, в общем-то, невозможно, но… Неважно. Другие утверждали, что я лично возглавлял легионы тварей. Однако всё это ложь. В самом начале Вторжения я был у фей с… — Третий осёкся, отвернулся от окна и уставился в пол, с силой сжав челюсти. Пайпер отсчитала ровно десять секунд, по истечении которых он ледяным тоном продолжил: — Я должен был встретиться кое с кем, но опоздал.

Она помнила то видение, которое каким-то образом пробралось в её сон в последнюю ночь в особняке Гилберта. У фей был праздник, на который Третий прибыл с опозданием. Он обещал Аннабель, Четвёртой, что познакомится с её братьями и сёстрами за завтраком на следующий же день, однако не успел: тёмные создания добрались до них раньше.

Один из них был в числе тех, кто убил Аннабель и сумел пленить Ренольда.

Пайпер словно наяву ощущала под пальцами холодный лёд, в который упиралась, пока пыталась отползти от Иснана.

— Вплоть до момента, как я воссоединился с Йоннет и Масруром, я в одиночку уничтожал проникнувших в наш мир тварей, закрывал все бреши и открывал Переходы, через которые бежали сигридцы. Легионы тёмных созданий настигли нас на кэргорских нагорьях, где мы вновь разделились. Я потерял Йоннет и Масрура, но продолжал сражаться и… Я победил, — с нервным, совершенно нелепым смешком закончил Третий, переведя взгляд на Пайпер.

Краем глаза она уловила движение. Повернувшись, Пайпер не обнаружила рядом с собой Арне.

— Йоннет и Масрур погибли, защищая Сигрид. Я до самого последнего момента поддерживал открытые ими Переходы, уничтожал тёмных созданий и помогал сигридцам, но… Я уже не справлялся. В одиночку было невозможно противостоять им всем, но я никогда не помогал им во Вторжении.

Сама Пайпер видела одну из многочисленных битв — точнее, то, что было после — глазами Йоннет, когда кристалл памяти утянул её, Кита и Эйса в воспоминание. И она ощущала то же, что и Йоннет: страх, боль, разочарование в самой себе, горечь утраты близких и уверенность в Третьем, который пытался успеть к ней. Йоннет ни на секунду не засомневалась в нём.

И теперь Пайпер чувствовала, как магия внутри неё затаилась, как если бы была котом, наконец нашедшим тёплое и безопасное место.

Но не могло же быть случившееся во Вторжении массовой галлюцинацией? Выжившие сигридцы, попавшие во Второй мир, видели Третьего вместе с демонами. И хотя Пайпер уже начала догадываться, как это могло произойти, она всё же спросила:

— Тогда почему тебя видели вместе с тёмными созданиями?

— Потому что перевёртыши украли мой облик. Они, подражая мне, убивали всякого, кого видели, пока другие твари воздействовали на сознания, искажая увиденное. Страх оказался сильнее рассудка, и сигридцы поверили тому, что увидели, а не собственным сердцам.

«*Боже, как пафосно звучит*», — подумала Пайпер, закатив глаза, но тут же одёрнула себя, боясь, как бы такая реакция не вывела Третьего из себя.

— И в итоге?..

— Я предал миры, потому что не смог их спасти. Я не смог защитить Йоннет, Масрура и Аннабель. Но во время Вторжения я не был на одной стороне с тёмными созданиями и не помогал им.

Одних этих слов было мало, чтобы поверить Третьему, но давить Пайпер не решилась. Она была не в том положении, чтобы испытывать его терпение или наседать слишком уж сильно, потому как была чрезвычайно слаба и нуждалась в помощи. Ей нужен был чёткий план, ресурсы и люди, которые понимали, что происходит. Третий вряд ли был отличным вариантом, но Арне с самого начала поставил именно на него, как и Лерайе, что она поняла только сейчас.

А ещё Лерайе поставила на саму Пайпер, которой очень хотелось снова обратиться к сакри и сказать, что её ставка была заведомо проигрышной, потому что Пайпер — плохой игрок во все эти идиотские сигридские игры.

— Ну… ладно. Допустим, я тебе верю, — помолчав немного для приличия, сказала Пайпер и аккуратно поднялась с кровати. Тело ломило от боли, однако справляться с ней стало легче из-за Силы, вновь тепло заструившейся по венам. — Но только пока.

Третий не шелохнулся, когда она подошла ближе. Предупреждения продолжали звучать в её голове голосом Гилберта, перед глазами то и дело мелькало его перекошенное ненавистью лицо, но Сила приятно растекалась по измученному телу, неся спокойствие и облегчение. Пайпер заставила себя сосредоточиться.

«*Dshertasari aria de sam arai jeltar*, — повторила она то, что услышала на балу в честь Ровены, новой наследницы фейского сердца. —*Пусть эта связь будет твоей величайшей силой*».

Пайпер — Первый сальватор, в руках которой была Сила Лерайе. А перед ней — Третий сальватор, владеющий Временем. Вместе они способны на невозможное.

В частности — придумать, как вернуть Пайпер домой.

Она протянула ему руку, и Третий, помедлив, пожал её. Но тут его лицо резко изменилось, и он с обеспокоенностью, кажущейся искренней, спросил:

— Ты боишься?

— Нет, — ответила Пайпер, задрав голову, чтобы смотреть ему в глаза. — А ты?

— Тебя — нет.

— Я тебя тоже не боюсь.

Она лгала: конечно же, она боялась Третьего, потому что не знала, на что он способен. И она боялась мира, который ждал её за стенами комнаты и крепости. Пайпер боялась всего, но

старалась быть храброй и сильной. Никто в Коалиции бы не оценил, если бы их драгоценная Первая так открыто тряслась от страха.

Мысль о Коалиции врезалась в сердце так сильно, что Пайпер невольно всхлипнула. Она была в чужом мире, а Эйс, дядя Джон и все остальные — в другом. Прямо сейчас они могли вновь отправлять искателей, рыцарей и вампиров на её поиски. Кит же должен был видеть, что её утянуло то ли в брешь, то ли в похожее местечко. Должен был видеть и, соответственно, сообщить Коалиции.

Правда, в этом не было никакого смысла. Она же, чёрт возьми, в другом мире.

— Первая?

Пайпер сжала челюсти, изо всех сил стараясь загнать страх в самую глубь. Ей не нравилось, как обеспокоенно звучал голос Третьего. Они познакомились всего несколько минут назад, но он уже вёл себя так, словно и впрямь переживал.

Пайпер ему не доверяла.

— Зови меня Пайпер, — наконец сказала она, поняв, что Третий всё ещё ждал какой-то реакции от неё. — Я не хочу… Я не уверена, что смогу показать людям этого мира того сальватора, которого они хотят увидеть.

— Ты не хочешь, чтобы они знали, что ты здесь?

— Пока — нет. Я недостаточно сильная для этого.

Третий медленно склонил голову вбок и вдруг улыбнулся.

— Ты достаточно сильна, чтобы с моей помощью справиться с ройáксеном. Прекрасно понимаю, что ты не доверяешь мне и этому миру, однако хочу, чтобы ты знала: рядом со мной ты в безопасности.

— У тебя тут что, так много власти? — попыталась отшутиться Пайпер, тогда как внутри у неё всё сжалось. Третий только подтверждал её опасения: возможно, безопасно было только рядом с ним. От этого было слишком жутко.

— Меньше, чем у правителей городов или Артизара, — возразил Третий, — но меня уважают, а король Киллиан всегда прислушивается к моим словам.

— Король Киллиан?

Третий свёл брови, внимательно изучая её лицо. Это Пайпер тоже не нравилось, потому что в отражении его голубых глаз она смутно видела, во что превратилось её лицо.

— Король Киллиан, — терпеливо повторил Третий, смотря ей в глаза. — Король великанов.

Пайпер словно под дых ударили, в голове стало пусто. Она ошарашенно уставилась на Третьего, напрочь забыв советы, которые Энцелад озвучил как раз перед балом у фей. Не показывать своих истинных чувств, не демонстрировать привязанности или презрения к кому-либо или чему-либо. Держать себя в руках, позволяя другим гадать, о чём ты на самом деле думаешь и как ко всему относишься. Она едва-едва вспомнила их ещё до прихода Арне, думая, что и впрямь является пленницей, и решила, что будет следовать им, чтобы обеспечить себе безопасность и сохранить жизнь.

И теперь как дурочка хлопала глазами, смотря на Третьего, и кое-как сумела тихо проговорить:

— Но Вторжение же началось на севере. Я думала… что великанов больше не осталось.

Третий легко пожал плечами.

— Как видишь, остался я. И ещё пара сотен великанов, которые за века успели даже обзавестись детьми. Они выбрали своим королём Киллиана, и с тех пор он верой и правдой служит им и всей Омаге.

— Никогда не слышала об этом Киллиане, — пробормотала Пайпер. В период ненависти ко всему миру она перерыла небольшую библиотеку, прилегающую к её комнате, и обшарила многие шкафы в общей, где и нашла несколько семейных древ различных семей Сигрида. Она

изучила древо рода Лайне, но никакого Киллиана там не нашла. — Я думала, что великанами правили Лайне.

Третий на долю секунды замер, и его взгляд стал нечитаемым, словно Пайпер сказала что-то, чего он совсем не хотел слышать. Но почти сразу же самообладание вернулось к нему, и он терпеливо объяснил:

— Киллиан из рода Дасмальто, как и королева Жозефина, когда-то связавшая себя узами брака с Роландом из рода Лайне. Киллиан её брат, при дворе его любили и ценили, а король всегда был рад видеть его и слышать его мудрые советы. Учитывая, что все Лайне, способные править, погибли, великаны выбрали своим королём Киллиана.

Растерянная, Пайпер не представляла, стоило ли упоминать, что погибли не все Лайне. Вряд ли Гилберт обрадуется, если узнает, что она при первой же возможности разболтала об этом Третьему, которого он так ненавидит. «*Если он вообще об этом узнает*», — содрогнувшись, возразила сама себе Пайпер. У неё ведь даже не было гарантий, что она выберется из этого мира. У неё вообще ничего, кроме Силы и Третьего, очень сомнительного союзника, не было.

— А тебя, в этом мире не называют предателем? — начав заламывать пальцы, осторожно уточнила Пайпер, желая уйти от разговора о Лайне.

— Только самые отчаянные, — совершенно спокойно ответил Третий. — Ещё есть те, кто верит, что я помог тёмным созданиям во время Вторжения, однако тех, кто доверяет мне и Арне, больше. Знаешь, два века исправительных работ творят чудеса.

Он, судя по намёку на улыбку на его лице, попытался пошутить, но вышло отвратительно. Пайпер предпочла сделать вид, что ничего не слышала.

— Итак, — протянула она, стараясь звучать непринуждённо, — чем вы тут обычно занимаетесь? Уничтожаете тёмных созданий? Сидите за стенами крепостей и пьёте вино? Людей спасаете?

— Четыре дня назад мы должны были вернуться в Омагу, но задержались, потому что я не хотел оставлять тебя на милость Икасовых охотников.

— Вот как. Спасибо, хотя я не поняла и половины из того, что ты сказал.

— Омага — главный город на севере. Мне нужно вернуться туда, чтобы передать все сведения Киллиану и узнать, как обстоят дела в других крепостях. Путь займёт несколько дней, так что надо хорошо подготовиться, к тому же я не уверен, что…

— Несколько дней? — озадаченно переспросила Пайпер. — Ты же сальватор. Маг. Почему ты не можешь создать портал?

Третий посмотрел на неё так, словно впервые увидел. Затем, пробормотав что-то себе под нос едва слышно, смиренно выдохнул.

— В Диких Землях очень мало магии. Почти вся она кроется в сокрушителях и сигилах, защищающих крепости, Омагу и другие города. У меня недостаточно сил, чтобы создать портал.

Пайпер в ужасе округлила глаза и открыла рот, не способная выдавить ни звука в ответ.

— Однако, если ты позволишь, я мог бы воспользоваться твоей Силой.

Мало того, что этот мир был ей чужд, так ещё и магии не хватало… Шерая, Сиоций и Стефан её к этому не готовили. Пайпер знала, что источник магии сальваторов не бездонный, что они вполне могут использовать и обычную магию, но даже не представляла, как в данной ситуации обратить это в свою пользу. Сможет ли она, используя Силу и крупицы магии Диких Земель, создать портал или помочь в этом Третьему? И должна ли?

Оставаться на одном месте — безумие, особенно если это место — незнакомая крепость, полная незнакомых людей. Пайпер не думала, что в Омаге или любой другой крепости будет проще и безопаснее, но, наверное, у неё и выбора-то особо не было. Она — сальватор, и не только Земли или Сигрида, но теперь ещё и Диких Земель, что её совсем не радовало.

Ещё Пайпер отчётливо помнила слова дяди Джона и Сиония о том, что сальваторы одной магии. Они всегда найдут друг друга. Они должны держаться вместе.

Вряд ли у Пайпер и впрямь был выбор.

— Это приглашение отправиться в Омагу вместе с тобой?

— Не хотелось бы давить на тебя, однако крепость на границе с лесом, полном тёмных созданий, не лучший вариант. К тому же, раз уж ты пока находишься в этом мире, следует изучить предел твоих возможностей и то, насколько хорошо ты управляешь Силой.

— Говоришь так, будто собираешься обучать меня магии.

— На данный момент я гораздо опытнее тебя и помню, как с Силой управлялась Йоннет. Я действительно могу кое-чему тебя научить. Если ты, конечно, не против.

Предложение было очень привлекательным, но Пайпер колебалась. Она, казалось, уже смирилась с мыслью, что рыцари и искатели не найдут её каким-нибудь магическим образом и не спасут. Пайпер и так устала, что её все постоянно спасают, но уж точно не хотела, чтобы проверка собственных сил и возможностей вылилась в это — сотрудничество с Третьим, которого она только встретила, и путешествие по миру, которого она не знала.

Но если бы Третий хотел забрать её Силу, стал бы он помогать ей? Пайпер смутно помнила, как он защитил её во дворе, когда её приказали убить, потому что приняли за тёмное создание. Он поделился с ней Временем, которое успокоило боль во всём теле и погрузило её в сон. Стал бы Третий делать всё это, если бы ему нужна была только её магия?..

— Ты сказал «мы».

— Что, прости?

— Ты сказал: «Мы должны отправиться в Омагу». Кто это — мы? Я думала, что ты…

Один. Единственный сальватор на этот мир. До её появления, разумеется.

— Ах, ты про это. Я всегда путешествую вместе с четырьмя очень надёжными людьми. Если хочешь, я познакомлю вас.

— Было бы неплохо.

— Отлично. Сейчас или после того, как ты поешь? Я думаю, Лилис уже приготовила для тебя что-нибудь.

— А у меня есть выбор?

— Разумеется, есть, хотя Стелла сейчас сидит в коридоре вместе с Эйкеном и только ждёт возможности познакомиться с тобой. Но если ты сначала хочешь отдохнуть, я скажу им, чтобы они ушли.

Пайпер повернулась к двери и нахмурилась. Она не ощущала чьего-то присутствия, не слышала шагов или голосов. Как тогда Третий смог определить, что они там?

— Годы практики, — сказал он в ответ на её немой вопрос. — О, а ещё острый нюх и слух. Я всё-таки великан.

— Они знают, кто я?

Третий выждал мгновение и ответил с мученическим вздохом:

— Да. Я не смог скрыть это от них. К тому же Стелла сказала, что от нас пахнет почти одинаково.

— Что?.. Пахнет?

— Магией сальваторов.

— В следующий раз уточняй сразу же.

Он улыбнулся, будто принимал как данное слова о каком-то там следующем разговоре. Третий не казался Пайпер равнодушным, однако он словно уже смирился, что она здесь, и не волновался, что она ему не доверяла и подвергала сомнению каждое его слово. Но при этом создавалось впечатление, что он сам очень даже доверял ей.

— Что ж, ладно, — кашлянула Пайпер, когда молчание стало затягиваться. — Я бы не отказалась поесть, но если твои друзья хотят познакомиться…

Дверь с шумом распахнулась. Третий мгновенно напрягся и изменился в лице: брови сошлись на переносице, губы сжались в линию, а глаза вспыхнули на пару тонов ярче. Но всё вернулось в норму, когда Третий понял, кто ворвался в комнату. Девушка с короткими чёрными волосами и ровной чёлкой, одетая во всё чёрное, худая, с тёмными губами и глазами, метавшими молнии. Пайпер вспомнила её имя — Клаудия. Это её Третий просил уйти несколько минут назад, она же во дворе приказала казнить Пайпер.

— Клаудия… — попытался начать Третий, но девушка, полоснув по нему уничтожающим взглядом, сказала:

— Письмо из Омаги. Ещё один корабль Киллиана затонул в Мёртвом море.

Глава 3. Печаль находит на сердца

Клаудия, крайне недовольная происходящим, но отлично это скрывающая, следила, как Третий проверял, хорошо ли закреплено седло. Магнус уже вёл к ним двух коней, незаметно подкармливая их кусочками яблок, сворованными с кухни. Всё было до того обыденно, что выбивающаяся из общей картины деталь безмерно раздражала Клаудию: человеческая девушка, Первый сальватор, стоящая рядом и смотрящая на Третьего со скептицизмом.

— Ты ведь умеешь держаться в седле? — запоздало уточнил он, поворачиваясь к ней.

— Не думаю, — растерянно ответила Пайпер, поджала губы и даже вздрогнула, когда один из коней, фыркнув, взрыл мёрзлую землю копытом.

— Идти пешком намного опаснее и дольше, так что иначе никак. Не волнуйся, ты не упадёшь, я позабочусь об этом с помощью Времени. Можешь поехать со мной, Магнусом или Клаудией. Кого выбираешь?

Спрашивать мнения Магнуса и Клаудии он, разумеется, не собирался.

— А может, всё же попытаемся открыть портал?.. — с надеждой пробормотала Пайпер, нервно улыбаясь.

Клаудия, не сумев удержаться, фыркнула. Магнус недавно сказал, что ей не стоит возмущаться из-за незнаний Пайпер об этом мире, её вопросов, ответы на которые знал каждый ребёнок Диких Земель, и уж тем более не стоит так пристально следить за каждым её действием. Ей доверился Третий, а Третьему доверяли они все. Однако мёртвые не шептали за спиной Пайпер, а Клаудия не привыкла оставаться без них.

При всём её безграничном доверии к Третьему, она не собиралась доверять Пайпер только из-за того, что она тоже была сальватором.

— Ты ещё слишком слаба, а расстояние большое. Если хочешь, мы попробуем на полпути к Омаге.

Клаудии потребовались колоссальные усилия, чтобы не закатить глаза. Такая трата магии, которая явно ни к чему не приведёт, была глупой. Путь до Омаги, в зависимости от погодных условий и встреченных в дороге тварей, занимал от четырёх до шести дней, и они уже отправили Киллиану письмо, чтобы предупредить о своём возвращении. Не то чтобы Киллиан будет против, если они доберутся до Омаги гораздо раньше запланированного, но он точно разозлится, если Третий потратит больше магии, чем способно выдержать его тело сейчас. К тому же все их планы и так обратились в прах, когда охотники притащили в крепость Пайпер, а Клаудии совершенно не нравилось существовать в таком хаосе. От идеальной спланированности, сплочённости и просчитывания собственных возможностей зависели их жизни.

— Ладно, я поеду с тобой, — наконец сказала Пайпер, задумчиво пожевав нижнюю губу. — Буду допытывать тебя вопросами о сальваторской магии и всем прочим.

— С радостью отвечу на все.

Когда Магнус остановился рядом, скормив лошадям яблоки, Клаудия схватила его за локоть и вынудила наклониться к своему лицу.

— Следи за Пайпер, — тихо сказала она, прекрасно зная, что с такого близкого расстояния Третий расслышит каждое её слово. Услышит ли сама Пайпер, Клаудию ничуть не волновало. — Я ей не доверяю.

— Я тоже, но какой у нас выбор? Бросить её тут? Если Третий сказал, что она едет с нами, значит, едет. Вряд ли он ошибается на её счёт.

— Просто следи за ней.

Таких чудес, как неожиданно свалившегося с неба сальватора, не бывает. Клаудия это знала. Третий представил им Пайпер только вчера, а сегодня она, ничего не знающая о происходящем в этом мире, отправлялась с ними. Клаудия признавала, что лучше держать эту

странную девушку поближе к себе, но не могла спокойно смотреть на то, как привычные рациональность и расчётливость Третьего ослабевали рядом с ней. Он доверял своей магии, которая отчаянно тянулась к магии другого сальватора, но Клаудия — своему проклятию, и оно молчало, не способное раскрыть ей тайны Пайпер.

Даже если Третий посчитает недоверие и настороженность Клаудии оскорбительными, — а она верила, что он ни за что на свете так не подумает, — она от своего не отступится.

Во дворе, где они собирались, наконец появилась Стелла, несущаяся за смеющимся Эйкеном, который со всех ног убегал от неё. Каково бы ни было положение дел, они всегда умудрялись найти время для глупых детских игр, которых Клаудия порой искренне не понимала, но которые никогда не пыталась запретить, даже если бы очень сильно захотела. Тринадцатилетнему Эйкену, вынужденному практически всегда и везде быть настороже и посылать свои тени по приказам Третьего, всерьёз не хватало возможности побыть ребёнком.

Но то, что это видела и Пайпер, Клаудии не нравилось. Тут же закопошились подозрительные мысли: не попытается ли она потом навредить Стелле и Эйкену, не начнёт ли искать их слабости?..

Невозможность услышать хоть что-то от мёртвых сводила Клаудию с ума.

Эйкен, отпихивая морду догоняющей его Стеллы, врезался в спину Третьего и громко ойкнул. Магнус прыснул от смеха и, лениво насвистывая себе под нос, принялся проверять, хорошо ли закреплены все ремни на его седле.

— Как-то вы быстро, — пробормотал Эйкен, пытаясь увернуться от ладони Третьего, которую тот потянул к его голове.

— Ты выглядишь бледным, — заметил Третий, когда всё же сумел положить ладонь на его макушку и повернуть лицом к себе, а Эйкен, недовольно вздохнув, послушно замер на месте. — Плохо спал?

— Тени немного поволновались, но я в порядке.

— Что-то я тебе не верю. Опять пытался уговорить Стеллу взять тебя на охоту?

Эйкен округлил глаза, но упрямо поджал губы и отрицательно замотал головой. Пайпер выглянула из-за плеча Третьего и впилась в него взглядом, с особым интересом изучая тени на левой половине его лица.

— О, конечно, он пытался, — засмеялся Магнус, забираясь в седло. — Мы даже не покинули крепость, а ты уже рвёшься на охоту. Чудесный ребёнок.

— Мои тени в порядке! Я просто хочу…

— Нет, — прервала его Клаудия таким тоном, что Эйкен мгновенно сомкнул губы и опустил взгляд, а Магнус перестал смеяться. — Хватит. Вплоть до Омаги, если ничего не случится, ты не будешь никуда отсылать тени.

Эйкен надулся, снял с шеи Стеллы сумку с её вещами и, не глядя Клаудии в глаза, передал ей. То, как он порой обижался на них, трогало её сердце и часто даже заставляло расплываться в искренней улыбке, но присутствие Пайпер вынуждало Клаудию скрывать каждую свою реакцию — не хотелось, чтобы она, никого из них не знающая, была свидетельницей подобного.

Никогда прежде Клаудия не хотела, чтобы Икас остановил их ради каких-нибудь срочных дел или отвлёк пустой болтовнёй, так сильно, как сейчас.

Он, как и все прочие обитатели крепости, с появлением Пайпер старался держаться как можно дальше. И ночью, когда у них было собрание, — во время которого Стелла и Эйкен просто спали, — Икас прямо сказал, что не хочет, чтобы Пайпер задерживалась здесь. Её появление слишком странно, и разбираться в нём, рискуя навлечь опасность, Икас не собирался. Его охотники, впрочем, уже пустили слух, будто бы Пайпер и впрямь явила сакрификиума, из-за чего этим утром некоторые недоверчиво косились на неё.

Пайпер если и замечала эти взгляды, виду не подавала, на довольно-таки прямые и порой провокационные вопросы Магнуса за завтраком не отвечала и всячески держалась поближе к Третьему.

Клаудия ни на мгновение не поверила этой игре и потому внимательно следила за ней.

***

— Тут есть целые поселения?..

— Разве я уже не говорил об этом?

Пайпер озадаченно нахмурилась, уставившись в затылок Третьего. Дорога, по которой они двигались, была окружена серыми полями с редкими невысокими деревьями — звук здесь расходился хорошо, и Клаудия слышала каждое слово Пайпер и Третьего. Как и Магнус, Стелла и Эйкен, но они либо слишком устали, чтобы внимательно вслушиваться и мысленно делать свои выводы, либо решили, что Клаудии помощь не нужна.

Третий на то, что она так нагло ловила каждое слово, ничего не сказал. И за недоверчивые взгляды, которые Клаудия порой бросала на Пайпер, когда та чему-то удивлялась или переспрашивала то, что ей уже объяснили, не попрекал. Он вообще никогда ни в чём её не упрекал, даже в неуместных шутках, потому как сам не очень их понимал. Но теперь Клаудия подсознательно ждала, чтобы он сделал это, чтобы она могла доказать странность его поведения и убедилась в том, что Первая вовсе не несчастная жертва, нуждающаяся в помощи и защите.

— Тевье — первое крупное поселение на нашем пути, — спокойно продолжил Третий, пока Пайпер продолжала буравить его затылок взглядом. То, что он позволил ей сесть сзади, а не спереди, Клаудия посчитала чудовищной ошибкой. — Мы остановимся там на ночь, вы отдохнёте, я проверю сигилы на границах, а утром двинемся дальше.

— Что за сигилы?

— Это магические знаки, которые…

— Нет, я знаю, что это. Зачем они на границах поселения?

— Ты когда-нибудь слышала о Тайресе? — вопросом на вопрос ответил Третий, поднимая взгляд к небу. Как и всегда, серому, с низкими плотными тучами. Никакой синевы, точек звёзд или сияния солнца, никакой волнующей душу картины чистоты и свободы, которая изредка пробуждалась на задворках сознания Клаудии лишь благодаря магии Арне.

— Что-то типа особого мира фей. Да, слышала и примерно представляю, что это такое.

— Дикие Земли почти из той же магии. Здесь есть сигридские территории, леса, моря и горы, которые магией были спасены от полного поглощения. Однако есть и тёмные создания, от которых мы должны защищать простых людей.

Лицо Пайпер никак не изменилось. Не промелькнуло даже тени страха, которую ожидала увидеть Клаудия.

— Сигилы не подпускают тёмных созданий к нашим поселениям. Не то чтобы тварей здесь много, — поспешно добавил Третий, тихо усмехнувшись, — однако осторожность в мире, где магия ограничена, лишней не будет.

Клаудия поджала губы. Третий никогда не смеялся и позволял себе эти совершенно нелепые усмешки лишь в том случае, если нервничал. Катону он снисходительно улыбался или фыркал, не скрывая недовольства от затянувшихся бесед, порой скалился, как настоящий зверь. Но даже Катон не заставлял его нервничать так, что мёртвые начинали обеспокоенно шептаться громче обычного.

— Пайпер из семьи Сандерсон, — громко, чтобы её услышал каждый, сказала Клаудия, поворачиваясь к девушке. Доброжелательно улыбнуться у неё не вышло: все, кто видел её улыбку, говорили, что та выглядит угрожающей из-за абсолютно чёрных губ. Кто-то даже признавался, что ожидал увидеть там клыки. Магнус, например. Но Клаудия из уважения к

Третьему всё же постаралась быть немного милой и дипломатичной. — Могу я задать тебе несколько интересующих меня вопросов?

— Конечно, — легко отозвалась Пайпер, ответив точно такой же острой улыбкой. — Пожалуй, удовлетворить ваше любопытство — это меньшее, что я могу сделать, чтобы отблагодарить за помощь.

— Запахло лживой учтивостью фей, — встрял Магнус, оглянувшись на них. — Специально этому где-то училась?

— Меня никто не пытался превратить в придворную даму, если ты об этом, — протараторила Пайпер и уставилась на него большими, как у совы в ночи, глазами.

Магнус ничуть не смутился, даже очаровательно улыбнулся, сгладив этим неприкрытую издёвку в голосе, необходимую, чтобы подобраться к Пайпер из семьи Сандерсон с наилучшей стороны.

Так странно, что Клаудия никогда об этой семье не слышала.

— Итак, — кашлянула она, привлекая внимание к себе, — откуда ты знаешь о тёмных созданиях?

— Первый из них, кого я встретила, вломился в дом моего дяди и приказал своим жутким и стрёмным псам убить нас.

На секунду растерявшись, Магнус рассмеялся, а Стелла даже тявкнула в его поддержку.

— И ты уничтожила его своей магией, верно?

— Нет, — возразила Пайпер, и по её лицу, ставшему немного бледнее, Клаудия и без шёпота мёртвых поняла: она не лгала. — Я побежала за дядей, потому что он сказал делать всё, что он скажет. Я думала, это просто страшный сон. А потом один из этих демонов хотел съесть моего брата, так что мне пришлось отвлекать его.

— Брата? — уточнил Эйкен, подав голос впервые с тех пор, как они двинулись в путь.

— Демона? — словно пробуя слово на вкус, переспросил Третий. — Ты зовёшь тёмных созданий демонами?

— Да.

Клаудия мгновенно мазнула по Третьему укоризненным взглядом.

Он не настолько глуп, чтобы так быстро довериться человеческой девушке и не понять, что в другом мире, её мире, откуда её почему-то затянуло в Дикие Земли, у неё есть союзники. И они, судя по всему, сильны, раз до сих пор продержались без помощи нормально обученного сальватора. Чего Третий добивался, не спрашивая об этом сейчас, когда момент такой подходящий? Почему он просто не прочитал Пайпер с помощью Времени?

— И нет, я отвлекала не брата, — продолжила Пайпер, закатив глаза. — Я отвлекала того демона и ещё двух, влезших через окна. Мерзость, — содрогнулась она.

— А потом? — с надеждой спросил Эйкен: он даже умудрился повернуться на спине Стеллы и сейчас сидел лицом к остальным, вцепившись в светлую шерсть волчицы.

— Не помню.

На её лице отразились сомнения, которые Клаудия, как ни старалась, не могла разгадать. Либо Пайпер была куда умнее и не спешила рассказывать всю правду сразу, — если это так, Клаудия начнёт немного уважать её, — либо элементарно считала их недостойными её.

Как бы там ни было, если Третий отказывался читать Пайпер, Клаудии придётся постараться, чтобы добиться честных ответов. Она никогда не думала, что правды можно добиться одной только грубой силой или тонкой дипломатией, всегда приходилось выстраивать какие-то доверительные отношения, пусть даже чудовищно хрупкие, как с Катоном. Но правда — это то, что помогало им всем выживать. Не надежда или затухающая магия, поддерживаемая Временем Арне или стараниями порядком ослабевших магов, и не клятвы или кодексы чести. Только правда.

— Однако ты должна помнить что-то о том, что произошло до твоего появления здесь, — всё с той же очаровательной улыбкой и стальным голосом, совершенно к ней не подходящим, сказал Магнус, трепетно поглаживая своего коня по гриве. — Не из пустоты же ты явилась?

— Я с Земли.

— Откуда? — не понял Эйкен.

— Из Второго мира, — терпеливо пояснил Третий. — Помнишь, что я тебе рассказывал о нём?

— А, вот почему звучит так знакомо… А может быть, она использовала один из ваших Переходов?

Магнус скрипнул зубами, сильно сжав челюсти.

— Я уверена, в Омаге мы поймём, как помочь Пайпер понять, как она попала к нам, — мгновенно уловив общее напряжение, добавила Клаудия специально для Эйкена. — Не будем болтать об *этом*, мало ли на кого наткнемся.

— А здесь небезопасно? — с лёгким испугом выпалила Пайпер, на мгновение плотнее прижавшись к спине Третьего, словно ища защиты.

— Мы находимся довольно близко к местам, где иногда появляются, м-м, демоны, — немного подумав, ответил он. — Знаете, мне нравится это слово. Короткое и точное. Навевает воспоминания о магах Второго мира, которые говорили так же.

Он снова закончил раньше, чем мог бы. У Третьего была прекрасная возможность узнать ответы на свои вопросы прежде, чем в Омаге Пайпер со всех сторон обступят лорды и леди.

Если уж Третий так стремился защитить её, то почему первым не покажет, что эту защиту необходимо заслужить честностью?

— И всё-таки, — пробормотала Пайпер, словно намекая, что ей нужен более точный ответ.

— Мы в безопасности, пока держимся вместе. Спрятанные в старых лесных храмах сигилы предупредят, если тут появятся демоны.

— Звучит так, будто они живут в этом мире как бродячие кошки и собаки.

— Можно и так сказать. Демоны проникают в этот мир через бреши, но есть и те, которые находятся здесь с самого Вторжения. Они опаснее всего, но мы не сталкивались с ними уже несколько десятилетий… А мне действительно нравится, как это звучит: демоны!

Пайпер это явно не убедило. Её вообще вряд ли могло что-либо убедить сейчас. И она, возможно, совсем не осознавала, насколько шатким было её положение и от скольких факторов — вроде состояния Третьего, готовности Арне действовать, интереса Омаги к ней — оно зависит.

Клаудия втянула морозный воздух сквозь зубы, надеясь привести мысли в порядок. Тевье — неплохая возможность пообщаться с человеческой девушкой наедине и при этом не вызвать подозрений. Пока Третий и Магнус проверяют сигилы, а Стелла и Эйкен носятся по поселению, как сумасшедшие, Клаудия займётся настоящим делом.

Должен же кто-то сохранять рассудок и спасать рассудок Третьего.

Клаудии хотелось верить, что он намного благоразумнее, что он ещё помнил о временах, когда магия не струилась по его венам, а солнце освещало каждый клочок сигридской земли. Хотелось верить, что он не ослеплён девушкой, чуждой Диким Землям, лишь из-за того, что неясным для них всех образом оказалась связана с Лерайе.

***

Все смотрели на лицо Пайпер, а она смотрела строго перед собой, душа обиду и боль до того, как те начнут душить её.

Когда поселение под названием Тевье, расположившееся в низине между холмами, показалось на горизонте, а дорога стала вести вниз, Магнус сказал, что дальше они пойдут пешком. Специально для Пайпер с улыбкой, которая, по всей видимости, была к нему намертво приклеена, он добавил, что она может не спешиваться, если она чувствует себя недостаточно окрепшей. Однако её тело, ноющее не только от многочисленных ран, требовало, наконец, встать на ноги. Пайпер так и сделала, о чём сильно пожалела. Буквально в первые секунды.

Третий, этот вежливый засранец, явно обманул её, сказав, что ездить верхом легко и что с ним ей будет даже удобно.

С дороги, всё ещё на пару десятков метров выше поселения, открывался вид на небольшой городок. Домов в один или два этажа, выкрашенных в тусклые оттенки или сложенных из таких же тусклых камней, однако, было много. Как и костлявых деревьев, бедных на листву кустов, многочисленных мелких построек вроде пустых торговых лавок или магазинов. Из большинства домов валил густой дым, смешивающийся в одно тёмное пятно, резко выделяющееся на светло-серых оттенках местности. Пайпер бы подумала, что в такой холод все спрятались по домам, но многие люди вышли на улицы, занимаясь своими делами или просто гуляя, словно всё было в порядке и где-то рядом не могли бродить демоны.

Третий и Магнус остановились возле небольшой каменной стены, ещё не дойдя до города, и Третий миролюбиво сказал:

— Клаудию знает дорогу. Она отведёт к главе, у которого мы всегда останавливаемся.

Её смутило даже не то, что ночевать придётся в доме непонятно кого, — это уже стало превращаться в традицию, — и не то, что за главную оставалась Клаудия.

— Вы не идёте?

— Сначала проверим сигилы. Не стоит волноваться, Пайпер. Пока ты с Клаудией, тебя никто не тронет.

— Я не боюсь, — резко ответила Пайпер, на секунду ощутив, как начала закипать кровь. — Но ты же обещал, что поможешь мне.

— Я проверю, что сигилы в порядке, и мы сразу вас нагоним.

Глупо, конечно, было требовать, чтобы он ни на шаг от неё не отходил. В отличие от того, как прошло её пробуждение в особняке Гилберта, в этот раз всё казалось более чем реальным, а не бредовым сном. Ещё по крепости Пайпер, старавшаяся держаться в тени Третьего и лишний раз не открывать рта, поняла, насколько людям было нужно, чтобы он использовал магию хотя бы демонстративно.

И она вовсе не чувствовала к себе жалости, как и не ощущала острой потребности в присутствии ещё одного сальватора. Ей всего-то было очень страшно, обидно и больно, хотелось забиться в укромное место и исчезнуть, но Пайпер не могла себе этого позволить. Не могла показать, что она вовсе не в порядке, что с самой первой минуты, как она открыла глаза в заснеженном лесу, она в ужасе от происходящего, от людей, окруживших её, и особенно — от честности и открытости Третьего. Спящая внутри Лерайе никак не тревожилась и никаких знаков не подавала, позволяя Пайпер решать всё за двоих, и Пайпер решила: она не позволит страхам победить.

Но, идя вслед за Клаудией, которая под уздцы вела своего коня, и видя, как на них смотрят жители Тевье, Пайпер начала терять уверенность. Она видела бледных, измождённых людей в тёплых дублетах и плащах, с оружием наперевес и самыми обычными вещами, вроде грубо сплетённых корзинок с какими-то тканями и тем, что пряталось под ними. Видела странный блеск в глазах некоторых юношей и девушек, которые провожали её заинтересованными взглядами, словно они пытались не имеющимися у них чарами и магией понять, кто она такая. Видела рыцарей в скромных, разномастных доспехах, отлично затерявшихся среди обычных жителей — они появились, стоило только Клаудии привести всех к небольшой площади почти в самом центре поселения. Пайпер успела заметить лишь большую палатку и штандарты с

силуэтом орла, расправившего крылья на фоне скрещенных мечей, когда прямо перед ними остановился высокий мужчина с огрубевшей бледной кожей и густой седой щетиной.

— Приветствую, — медленно склонив голову, произнесла Клаудия, после чего выпрямилась. Ростом она была на полголовы ниже Пайпер — и почти на две головы ниже Третьего, на которого умудрялась смотреть до того грозно, что тот будто хотел сжаться, — но выглядела так, будто единолично командовала Тевье и собралась отдать очередной приказ. — Спасибо, что ваши лучники не стали стрелять, как только заметили нас. Третий устал залечивать наши раны.

Стоящий напротив неё мужчина растянул губы в сухой улыбке, положив руку на эфес огромного меча, висящего у него на поясе.

Пайпер начала волноваться.

— Держите путь в Омагу или Микел? — не ответив на приветствие Клаудии, спросил он низким голосом.

— В Омагу. У нас есть новости для Киллиана.

«*Разве он не король*?» — опешив, подумала Пайпер. Разве они не должны обращаться к нему с большим уважением?

— У нас тоже есть новости для Киллиана и других, — подумав немного, мужчина сдержанно кивнул.

— Мы всё выслушаем, но для начала я прошу проводить нас туда, где мы сможем остановиться на ночь. Это был очень долгий путь.

— Кто это? — сведя брови, он перевёл взгляд на Пайпер, наконец открыто признав её присутствие.

На неё и до его слов смотрели, но теперь даже рыцари, которые притворялись слепыми и глухими, обратили на неё внимание.

Пайпер так и не смогла посмотреть в зеркало. Она поверила на слово Лилис, женщине из крепости, которая рассказала, как целители постарались минимизировать последствия её ранений и ушибов и какие следы останутся до тех пор, пока не исчезнут вполне естественным образом. Вроде синяка на левой скуле, мелких царапин по всему лицу, рассечённой правой брови и растрескавшихся из-за холода губ.

Когда Пайпер переодевалась в одежду, которую ей всё же вернули, и дополнительно укутывалась в плащ и подобие крупного шарфа, она всё же видела гематомы на теле — уродливые жёлто-фиолетовые пятна, усеявшие её посеревшую бронзовую кожу, которые она предпочла не рассматривать.

— Пожалуй, она относится к новостям для Киллиана, — без колебаний ответила Клаудия и, приподняв уголки чёрных губ в улыбке, добавила: — Я знаю: род Дасмальто будет рад принять её во дворце.

— Она может постоять за себя?

Пайпер нахмурилась. Он не спрашивал, опасна ли она или откуда она взялась. Не пытался узнать, почему изуродовано её лицо или с чего она путешествует вместе с Третьим. Он просто спрашивал, может ли она постоять за себя.

Как будто это было единственным, что имело значение в Диких Землях.

Либо Клаудию знали достаточно хорошо и доверяли ей настолько, что она могла почти не представлять людей, с которыми путешествовала, и никто ни слова не говорил против.

— Я слышу силу, что стоит за её спиной, — добавила Клаудия, выдержав небольшую паузу. — Сокрушитель не убил её, но мы ещё не проверяли, ляжет ли он в её руку. Однако могу заверить, что она действительно сильна и может постоять за себя.

Поразительно, как это она смогла выдать им всю правду, не моргнув и глазом, и при этом не раскрыть того, о чём Пайпер хотела умолчать. И удивительно, что этого никто не понял.

— Приходите вечером к большому костру, — вдруг сказал мужчина, ничуть не изменившись в лице. — Мы давно не слушали истории Третьего, а вести до нас доходят небыстро.

— Сочтём за честь разделить с вами еду и тепло. А теперь, я надеюсь, вы проводите нас в дом? Я начинаю мёрзнуть.

***

Арне сидел на подоконнике, задумчиво уставившись в окно, и будто бы не замечал напряжения Пайпер, предпочитая ей снующий на улице народ, горящие то тут, то там факелы и льющуюся откуда-то тихую музыку.

Поселение, несмотря на мрачность, серость и очевидную бедность, выглядело спокойным, тихим и безопасным, как если бы существовало вне Диких Земель, где обитали демоны, и не охранялось сигилами, которые приходилось поддерживать Третьему или более слабым магам. К вечеру, когда тьма стала намного плотнее, голоса людей повысились, факелы и костры разгорелись ярче, а об опасности, возможно ждущей у границ, будто позабыли.

Сигридский мир на Земле казался Пайпер немного чудным: феи, эльфы, рыцари, маги и даже вампиры, обсуждающие нападения демонов и одновременно вставляющие ругательство или неуместные шутки, подслушать которые можно было только у землян. Пицца для назойливого искателя, отдельная лаборатория для мага, огромная библиотека для короля, где даже комиксы нашлись. Странное, невероятное и по-нелепому сказочное оказалось вплетено в привычную для Пайпер картину мира, и она, казалось бы, только прекратила думать о том, что это может измениться. Приноровилась не удивляться сочетаниям сигридского и земного слишком уж сильно, потому что успела поверить, что удивляться больше нечему.

Поселение в Диких Землях казалось ей куда более чудным и непонятным. Тевье ощущался как полностью чужой элемент, а она сама — деталью, занявшей не своё место. Даже её одежда была странной, неуместной, не подходящей к одежде этого мира. Пайпер предлагали другую, но она отказалась. Пальто отмыли от крови так хорошо, что оставшихся следов почти не было видно; ткань кофты немного загрубела и разорвалась в нескольких местах, которые довольно аккуратно сшили, и впитала запах леса и мороза. И всё равно, надевая свою одежду, Пайпер чувствовала себя самозванкой. Бывшие в кармане ключи с брелоком в виде кита с поднятым хвостом, которые подарил Эйс, и подвеска из кристалла памяти Йоннет не вселяли уверенности.

Пайпер здесь была лишней.

Она сидела на низкой кровати, скрипевшей едва не от каждого движения, сжимала в руках брелок и подвеску и пыталась придумать хоть какой-нибудь план. В голове без конца крутилось: «Нужно выбираться», но как сделать это, не имея ровным счётом ничего? Ни стабильной магии, ни подсказок Лерайе, ни союзников, ни понимания правил мира, в котором она оказалась.

У Пайпер в Диких Землях совсем ничего не было.

— Не хочешь присоединиться к остальным? — наконец сказал Арне, не отрывая взгляда от городской улицы за окном.

— Не… — голос Пайпер дрогнул, сухое горло болезненно сжалось. Она сглотнула и попыталась ещё раз: — Не хочу.

— Ты такая тихая, Первая. — Арне, повернувшись к ней, сдержанно улыбаясь и смотря на неё с такой жалостью, будто перед ним был пугливый и не очень умный зверёк. — Почему бы тебе не расслабиться и не отвлечься немного?

Пайпер стиснула кулаки. Помня о своей возросшей физической силе, она только в последний момент расслабила ладони, боясь сломать брелок и подвеску-кристалл. Не считая выстиранной и заштопанной одежды, эти предметы были единственными, что напоминали о доме — рюкзак Кита она где-то безвозвратно потеряла.

— Ты думаешь, я могу расслабиться? — Пайпер подняла на Арне недовольный взгляд. — Могу отвлечься?

— Страдание в четырёх стенах ещё никому не помогло, — закатил глаза он. — Твоё положение незавидное, Первая. Я знаю, ты считаешь Третьего чудовищем.

— Я не…

Арне заинтересованно выгнул брови, подавшись вперёд, всем своим видом показывая, что ждёт ответа. Но слова застряли у Пайпер в горле. Она не могла признаться, что не считала Третьего монстром, как и не могла сказать обратного. Она понятия не имела, как к нему относиться. Прошло слишком мало времени, чтобы она могла сделать хотя бы один настоящий вывод.

К тому же здесь, в пределах этой маленькой комнаты, она почему-то начала думать о том, что Третий достаточно далеко, чтобы её мысли не возвращались к нему почти каждую секунду, как это было во время изматывающего пути.

— Хорошо, — кивнул Арне, когда Пайпер так и не дала ответа. — Ты можешь говорить, что не считаешь Третьего чудовищем, чтобы быть милой и пускать всем пыль в глаза, но поверь мне: он чудовище.

Пайпер, ничуть не уязвлённая тем, как легко он разгадал минимум половину её хлипкого, находящегося ещё в стадии формирования плана, удивлённо похлопала глазами.

— Ты не должен быть на его стороне?

— Я на его стороне. Целиком и полностью, от самой первой секунды своего существования как сакрификиума и до самой последней, я — его. Он — это я, а я — это он. Поэтому я лучше других знаю, кто он на самом деле. Разве магия, что мы, сакри, даруем смертным, не превращает вас в чудовищ?

Пайпер слышала от Эйса, какой была в момент, когда Лерайе взяла её тело под контроль, как она голыми руками и чистой магией рвала демонов, подобравшихся к их дому, на части. Простая смертная на такое не была способна.

Значит ли это, что Пайпер если не полностью, то уж точно наполовину стала настоящим чудовищем?

— Но Третий не настолько ужасен, как ты можешь думать, — с усмешкой продолжил Арне, складывая руки на груди. — Он чудовище лишь для своих врагов.

— Это ты так аккуратно пытался подвести к тому, что его лучше не злить? — уточнила Пайпер. — И, конечно, к тому, что мне стоит доверять ему.

— Только в том случае, если ты хочешь понять, как попала в этот мир и как вернуться обратно. Если же ты желаешь и дальше постоянно находиться под наблюдением Клаудии и Магнуса, то… — он неопределённо пожал плечами, будто позволяя ей самой додумать нужные детали. — Я не прошу тебя вдруг полюбить весь этот мир. Однако пойми: твоё нынешнее положение мало чем отличается от того, когда тёмные создания напали на дом твоего дяди. Ты вновь в мире, которого не понимаешь, окружена людьми, которые чего-то ждут от тебя и могут даровать в ответ помощь или защиту. Не упусти свой шанс, Первая, из-за страха перед неизвестным.

Как будто у Пайпер был выбор.

Не хотелось верить, что отныне её жизнь состояла из одних цикличных частей, но пока опровержений тому не было. Арне прав: она находилась в мире, которого не знала, и во многом зависела от людей, которым не доверяла. Если она не хотела лишиться жизни и даже выбраться обратно — придётся приспосабливаться, подыгрывать, делать то, что от неё просят, и не вызывать подозрений. Быть милой и пускать всем пыль в глаза.

Пайпер выдавила нервный смешок и, закрыв лицо ладонями, упала назад, из-за чего кровать опять жалобно заскрипела. Она слишком устала, чтобы думать о плане, который следо-

вало бы разрабатывать прямо сейчас. Хотелось просто провалиться в сон и не просыпаться как минимум несколько дней.

Быть всеми забытой и потерянной, чтобы никто её не трогал, не напоминал о долге, которого она не просила, обязанностях, которые на неё свалили другие, и ярлыках, навешанных чужими людьми.

— Первая, — выдохнул Арне со смирением. Пайпер ожидала продолжения, ещё одного тяжёлого вздоха или многозначительного взгляда в её сторону, даже приподнялась на локтях, чтобы точно уловить эту мелкую реакцию. Но Арне застыл на месте, уставившись на дверь комнаты глазами, которые вспыхнули всего на мгновение.

Дверь продержалась закрытой ровно две секунды. Затем, с прямой спиной и полным безразличием на лице, в комнату вошла Клаудия. В руках она держала поднос с глубокой тарелкой, от которой поднимался дым, и чашкой с мутным напитком.

Пайпер была бы рада сказать, что она ошиблась дверью, но эту ночь им предстояло провести в одной комнате на расстоянии полуметра друг от друга — примерно столько было между кроватями, едва помещавшимися в это маленькое пространство. Здесь не было ничего, кроме кроватей и ветхого шкафа, в котором не нашлось ничего интересного. Не было и стола, куда можно было поставить поднос с едой.

Клаудия, словно и не заметив заинтересованного её действиями Арне, подошла к Пайпер и бесцеремонно поставила поднос ей на колени, после чего отошла к другой кровати и села, уставившись на неё.

— Ешь, — приказала Клаудия, закинула одну ногу на другую и подпёрла подбородок кулаком.

— Я думала…

— Что? — спросила Клаудия, а Пайпер только и смогла, что проглотить оставшиеся слова и беспомощно уставиться на Арне. Клаудия сидела к нему спиной, будто ни во что не ставила, но сакри это, кажется, ничуть не беспокоило, если только он вообще показал себя им обеим, а не только Пайпер. — Ты думала, что поешь со всеми остальными у костра, слушая интересные истории, которыми местные жители себя развлекают?

На самом деле она вообще ни о чём таком не думала.

Пайпер нервно сглотнула ещё раз. Её желудок уже давно сжимался из-за голода, а скудного перекуса, который был в пути, стало не хватать буквально через час. Пайпер стоически терпела ещё три, пока они, наконец, не добрались до Тевье, но почти сразу же закрылась в комнате, как только им показали её, и не высовывалась вплоть до самого вечера. Долгие часы ожидания непонятно чего, тяжёлых раздумий и барахтанья в тревоге слились воедино. И хотя желудок уже немного успокоился, при виде еды, даже такой скудной и не очень аппетитной на вид, Пайпер вновь ощутила голод.

Она даже не собиралась спрашивать, что плавает в этой тарелке.

— Конечно, я могу за шиворот вытащить тебя на улицу, — стала рассуждать Клаудия, холодным взглядом обводя комнату. Её тёмные глаза сверкнули из-под ровно остриженной чёлки, когда остановились на Пайпер, из-за чего она поёжилась. — Я не буду церемониться с тобой и играть в твою служанку. Однако Третий, узнав, что ты так и не вышла из комнаты, попросил принести тебе еды, чтобы ты не умерла от голода.

Как, однако, мило.

И настораживающе.

— Почему он сам не пришёл?

Не то чтобы ей хотелось, чтобы ей прислуживал Третий, но подобный жест с его стороны казался куда более логичным, чем со стороны Клаудии. Та весь путь из крепости до Тевье бросала в сторону Пайпер острые взгляды, кривила чёрные губы или хмурила брови почти на каждое слово и задавала вопросы, от которых у Пайпер замирало сердце.

— Потому что эта комната — наша. Он не сунется сюда без крайней необходимости.

— О, так он джентльмен, — выпалила Пайпер, не подумав.

— Самый настоящий! — Арне живо перепрыгнул с подоконника на кровать, не издавшую ни звука из-за появления дополнительного веса, и наклонился к плечу Клаудии, словно хотел обнять. — А ты, моя дорогая, вовсе не леди.

Клаудия громко цокнула языком и возвела глаза к потолку.

— Не понимаю, как это Третий терпит тебя, с таким-то ужасным характером.

— Я очарователен. Я прекрасен и велик. Я…

— Скромен? — сухо подсказала Клаудия.

— Да, я чрезвычайно скромен. Однако я, прежде всего, крайне надёжный. Мне всегда можно доверить секреты. Правда, Первая?

Пайпер силой воли заставила себя сидеть прямо, никак не выдав своей растерянности. Что-то в голосе Арне ей не понравилось. Мгновение назад он казался легкомысленным, даже громким и весёлым, а теперь его слова были до того глубоки, что прятали в себе одновременно серьёзность, мощь и угрозу.

Она искренне надеялась, — и знала, что зря, — что угроза была адресована не ей.

Арне знал о ней гораздо больше, чем все остальные. Пайпер оставалось лишь догадываться, рассказал ли он кому-то о том, какой была её прошлая жизнь. Что из себя представлял Второй мир, что за люди в нём жили, кто входил в Коалицию и чем она занималась. Эта информация, возможно, помогла бы Третьему и Клаудии вытянуть из неё правду, которую так хотела получить вторая, или стала бы ключом к раскрытию куда более серьёзных тайн: вроде продолжительной борьбы Коалиции с демонами или того факта, что выживших во Втором мире может быть больше, чем в Диких Землях. Что Третий, продержавшись до самого конца, спас больше жизней, чем думал сейчас. Что он, возможно, предатель в меньшей степени, чем привыкла говорить Коалиция.

Рассказал ли Арне Третьему о том, что одним из её лидеров был Гилберт, последний из рода Лайне?

И расскажет ли об этом Пайпер?..

Она опустила взгляд на стоящий на коленях поднос и вгляделась в плавающие на поверхности супа кусочки овощей. Похлёбка выглядела едва ли съедобной, но Пайпер ещё в крепости запретила себе возмущаться.

— А что это такое? — осторожно, надеясь не задеть Клаудию своим тоном, всё же спросила Пайпер, не удержавшись от сомнения, и указала на чашку. Напиток в ней был зеленоватым и не сильно походил на чай.

— Целебный отвар из фейских трав. Мы обменяли травы из крепости на другие, что могли вырастить жители Тевье, так что Третий приготовил для тебя отвар.

Вот это было и впрямь мило и оттого настораживало ещё сильнее.

— Вау, — выдавила Пайпер, чувствуя смущение.

— Он лучше других знает сальваторов и понимает, что вам нужно, однако не думай, что он станет нянчиться с тобой, — резко добавила Клаудия. — Его магия — величайший дар Диким Землям, и Третий с умом использует её, помогая всем, кому может.

— Я и не думала, — буркнула в ответ Пайпер.

Они что, и впрямь держали её за идиотку, которая ждала особого отношения?..

Она сама ещё недавно была единственным сальватором, чья магия стала даром для Коалиции. Пайпер понимала, что, чтобы защитить Эйса и дядю Джона, должна была бы работать столь же усердно, как успел показать Третий, но всё едва успело начаться. Клаудия, должно быть, именно поэтому и делала ей замечания, но лёгкая обида всё равно заскреблась в груди.

Пайпер — сальватор-недоучка, будто купившая обучающий курс в Интернете, а потом забросившая его только потому, что первое занятие было скучным и не принесло ожидаемых

результатов. Она не умела ничего, кроме как слабо ощущать присутствие других, гневно обращаться к молчавшей Лерайе и надеяться, что памяти Сиония и Стефана окажется достаточно, чтобы превратить её в приличное подобие сальватора.

Не могла же сакри просто ткнуть в первую попавшуюся земную девушку и решить, что та станет сальватором? Говорили, что сакрификиумы выбирают лишь достойных. Пайпер должна была быть достойна чего-то, достаточно сильной, чтобы вмещать в себя магию Лерайе, и смелой, чтобы не бояться этого.

В ней должно было быть хоть что-то кроме страха и растерянности.

— И что будет дальше? — спросила она, беря в руки чашку и принюхиваясь: слабо пахло цветами и хвоей.

— Дальше? — незаинтересованно, будто исключительно из вымученной вежливости, повторила Клаудия.

— После Тевье. В Омаге.

— Будем решать, что с тобой делать. Найдём соразмерное твоему ремеслу занятие и придумаем, чем ты можешь нам помочь. Никто не будет возиться с тобой только потому, что ты сальватор, Пайпер из семьи Сандерсон. Придётся доказать, что ты достойна внимания и защиты, еды и крыши над головой.

— Хорошо, — тут же согласилась Пайпер, делая первый глоток. По горлу разлился ещё тёплый, немного вязкий напиток, практически мгновенно разогнавший по телу новую волну тепла. — Сделаю всё, что в моих силах.

— И даже больше.

На слова Клаудии она не ответила, уже решив, — в первую очередь, конечно, для себя, — что собственную силу нужно доказать. Вплоть до самого последнего момента Пайпер во всём полагалась на других и при этом смела раздражаться из-за этого, ведь упрямо заявляла, что справится сама. Она слепо верила, что страдает из-за несправедливости миров, по ошибке является сальватором, занесена в чёрный список судьбы и всё такое. Она, как бы неприятно это ни было признавать, была глупа, недальновидна и слишком уж наивна.

Пайпер до сих пор была глупа, недальновидна и наивна, но теперь хотя бы могла открыто признать это.

Из размазни, которой она была сейчас, ей придётся слепить настоящую Первую. Без защиты верных Коалиции рыцарей, помощи искателей, чар фей и эльфов и воспоминаний настоящих магов, которые были знакомы с предыдущими сальваторами. Теперь, по крайней мере, у неё была возможность обратиться к настоящему сальватору, пусть и прозванному Предателем и застрявшему в чужом мире, где она не ориентировалась и чувствовала себя не более чем мелким насекомым. Но в этом мире, возможно, действительно найдётся что-то, что поможет ей, — вроде магических трактатов, чар и прочей сигридской ерунды, — что-то, в чём разобраться поможет лишь Третий. Как бы он ни настораживал Пайпер своей наблюдательностью, доброжелательностью и учтивостью, каким бы милым ни казался, заботясь о её самочувствии, он и впрямь был её единственной надеждой.

Ещё и тот факт, что она понятия не имела, как выяснить правду о Вторжении и его участии в нём… Искренних слов, подкреплённых ощущением, которые приносила магия, было мало. Нужны были доказательства, а раздобыть их, не втеревшись в доверие, не выйдет.

Пайпер глубоко вдохнула, выдохнула и сделала ещё один глоток отвара. Вкус был вполне терпимым. Куда более неприятным оказался взгляд Клаудии, ледяной и острый, которым она как хищница следила за каждым микроскопическим движением Пайпер: перемещением пальцев на чашке, бровей, опустившихся лишь немного, языка, собравшего с нижней губы капли целебного отвара.

«*Не так уж и страшно*, — подумала Пайпер, стараясь ничем не показать, как её нервировало подобное внимание. — *Не с ней же любезничать и сближаться*».

Клаудия, наверное, всё равно будет вечно крутиться рядом, проверяя её и оценивая, но об этом Пайпер старалась не думать.

В голове у неё стало совсем пусто, остались лишь механические действия, необходимые для того, чтобы съесть ужин.

Глава 4. Вдох — вся боль пройдёт

Если бы Магнус позволил себе смеяться до слёз, в наказание за лишнюю трату сил на глупости — и, возможно, за оскорбление достоинства Первой, — Третий заставил бы его идти пешком до самой границы леса. Или лишил его обещанного вина из прекрасных запасов Омаги, что было гораздо хуже.

Со смехом он справился быстро, в основном из-за Эйкена, который неизвестно с чего вступился за Первую, почти упавшую с лошади сразу после того, как она уверенно заявила, что в состоянии сесть в седло и ехать самостоятельно. Магнус вовремя поймал её, и она вцепилась в него так сильно и яростно, что наверняка оставила синяки под одеждой.

— Ты правда никогда не ездила верхом? — спросил он, нацепив безупречную улыбку и помогая сесть обратно. — Вчерашний случай не считается.

— Нет, — буркнула Пайпер в ответ, до скрипа сжав поводья в руках. — Зачем мне лгать?

— Чтобы покрасоваться.

Она тут же метнула на него убийственный взгляд, на который Магнус, как и всегда, ответил ослепительной улыбкой.

— Чего ты прицепился ко мне? Я же не кавалерию в бой поведу.

Магнус, закрыв глаза и опустив плечи с мученическим вздохом, прижал ладони к груди и сокрушённо прошептал:

— Ты уничтожила мою надежду на замену нашего капитана!

Стелла громко фыркнула и мокрым носом, на котором осели снежинки, потёрлась о его бедро, выражая признательность, в которой он определённо нуждался.

— Ты закончил язвить? — спустя ещё пару секунд молчания уточнила Клаудия.

— Нет, не закончил. Я ещё хотел посмотреть, как она будет держаться, когда лошадь пойдёт галопом.

— Ты сказал, что она очень спокойная, — сиплым от ужаса голосом пробормотала Пайпер, не мигая уставившись на животное под собой.

— Самая спокойная из всех, что были в Тевье. Настолько спокойная, что от твари не ускачет, если та появится на нашем пути.

И хотя Клаудии явно доставляло удовольствие то, как его слова нервировали Первую, она всё же тихо рявкнула на него:

— Магнус!

— Расслабься, я уверен, наше Золотце справится!

— Золотце? — растерянно повторил Эйкен, замерший рядом. Стелла уже лениво нарезала вокруг них круги, принюхиваясь к коням и легонько хлестая их хвостом, если те начинали нетерпеливо фыркать, и уворачиваясь от их зубов, если они пытались укусить её за уши.

— Первая, — учтиво пояснил Магнус. — Её глаза — прелестное, ослепительное золото, ярче и прекраснее которого я в жизни не видел.

Клаудия со вздохом закатила глаза, что Магнус принял за хороший знак. За годы, проведённые бок о бок, она, казалось бы, привыкла к нескончаемому потоку комплиментов и колкостей от Магнуса, но всё равно порой удивлялась, раздражалась или даже злилась. Он сам считал это очаровательным: значит, есть ещё что-то живое внутри, что он мог задеть, а не сплошная пустота и холод. Это было его работой — столь же важной, как истребление тёмных созданий или периодическое напоминание Охотникам о договоре между ними и городами и клятве, связавшей Катона и Третьего.

Магнус искренне считал, что для поддержания баланса в мире — об этом словосочетании, немного странном, но, несомненно, точном, он узнал от Джинна, — он обязан идеально выполнять и то, и другое назначение.

— Долго нам ещё ждать? — спросил Эйкен, когда тишина вновь начала затягиваться. Он кутался в более лёгкий плащ, который Клаудия выдала сразу же, как они остановились в этом маленьком поселении, и при этом выглядел крайне довольным, хотя Магнус не видел для этого ни одной причины. Своих теней он никогда не отсылал, Первая едва не свалилась с лошади, а Третий задерживался у главы поселения.

— Что скажешь, Стелла? — передал его вопрос Магнус, опустив взгляд к крутящейся рядом волчице. — Третий уже близко?

Стелла фыркнула и помотала головой.

— Может, минут через десять придёт, — заключил Магнус. — О, не переживай, Золотце, — добавил он, поймав озадаченный взгляд Пайпер, — мы вполне можем подождать ещё немного. Мы всего в двух днях пути от Омаги, здесь безопаснее, чем возле Тевье.

Пайпер нахмурилась — явно не понимала, как здесь, возле поселения с десятком хилых домов, может быть безопаснее, чем в относительно большом Тевье. Поначалу Магнус и сам путался и не разбирался, почему одно место Третий считал менее опасным, чем другое, но спустя годы научился распознавать тайные знаки, скрытые от глаз недоброжелателей, читать лица местных жителей и без слов узнавать, что их тревожит. Появившаяся на севере брешь взбудоражила не только жителей крепости, где главенствовал Икас, но и людей из Тевье, потому как никто не мог точно знать, насколько далеко разбрелись тёмные создания. Однако теперь, когда брешь закрыта, а большая часть тварей уничтожена, об оставшихся могли позаботиться находящиеся в постоянном движении рыцари или феи с эльфами, жившие едва не в каждом поселении. Если твари подберутся к ним достаточно близко, они узнают об этом благодаря защитным сигилам на границах.

Поселению, возле которого они остановились, повезло: тёмных созданий в округе обнаружено не было, к тому же сам Третий, воспользовавшись возможностью, лично проверил все сигилы. Практически являясь его личным рыцарем, Магнус был обязан пойти с ним, но Третий поручил найти лошадь для Пайпер и убедиться, что она с ней справится — попытаться забраться в седло самостоятельно было исключительно инициативой Пайпер. Магнусу даже не пришлось обворожительно улыбаться или прибегать к заранее подготовленным аргументам: один из местных, у которого было четыре лошади, продал одну из них сразу после того, как его жена стала наседать и говорить, что «раз просит такой храбрый рыцарь, они обязаны помочь ему». Сверху Магнус накинул им ещё несколько связок целебных трав, которые приберёг для обмена, за седло и поводья, пусть те и не выглядели такими надёжными, как его пытались заверить.

В гордом одиночестве он вёл лошадь к окраине поселения, где под защитой Эйкена и Стеллы ждали Клаудия и Пайпер, улыбался каждому, кто удивлённо и восхищённо вздыхал, заметив его, и отказывался от многочисленных подарков. Даже в простой, потрёпанной и далеко не новой кожаной броне, серебром отливавшей на чёрном, люди узнавали в нём обладателя сокрушителя, затем быстро соотносили его присутствие с тем, что прибыл Третий, и убеждались, кем он был. Если бы ему платили каждый раз за то, как дети поражённо указывали на ножны его меча и шептались между собой, что хотят быть как он, Магнус бы уже давно выкупил дворец в Омаге и жил в нём, ни в чём себе не отказывая.

Смотря на неуклюжие попытки Пайпер держать спину прямо и сталкиваясь с её упрямым желанием попробовать всё самой, Магнус начинал жалеть, что отказался от предложенной каким-то стариком бутылки вина. Третий ясно дал понять, что, если Пайпер получит травму, свалившись с лошади, отвечать за это будет Магнус. Словно ему было в радость наблюдать за её мучениями, ловить, если она соскальзывала, и бесконечно повторять последовательность действий. Будь его воля, он бы вернул коня и сказал, что Пайпер опять поедет с Третьим. Зачем ей вообще эта самостоятельность? У Магнуса и так было слишком много забот.

— Нам по пути ещё встретятся поселения? — спросила Пайпер, неотрывно смотря на свои словно намертво застывшие руки, сжавшие поводья.

Магнус встрепенулся, на пару жалких мгновений растерявшись из-за собственных мыслей, и преувеличенно болезненно вскрикнул, когда заметившая это Стелла ударила его хвостом по ноге.

— Да, но останавливаться там мы не будем, — Клаудия дала протянувшему к ней руки Эйкену флягу с водой, при этом не отрывая сосредоточенного, без капли дружелюбия взгляда от Пайпер. — К границе леса мы подойдём к вечеру, привал устроим возле озера, а утром двинемся дальше. Путь пролегает через холмистые равнины, местность практически открытая, но нам всё равно следует соблюдать осторожность. Неизвестно, сумела ли хоть одна тварь проникнуть так далеко.

Она, как и всегда, была убийственно оптимистична — Магнус обожал этот настрой.

— А что Охотники? — спросил Эйкен, возвращая флягу.

— Они должны прибыть в Омагу только через две недели, — поспешно ответил Магнус, перехватывая слово у Клаудии. — Давай будем надеяться, что не произойдёт ничего того, что заставит их прибыть раньше, хорошо?

Эйкен, на долю секунды поколебавшись, бодро кивнул. Не будь с ними Пайпер, он бы обязательно продолжил расспрашивать об Охотниках, сетуя на то, что Третий не разрешает ему встречаться с ними. Однако Эйкен был достаточно умён, чтобы не показывать своего разочарования и не выдавать Пайпер больше информации.

Они все ей не доверяли. Не доверял и Третий, но в меньшей степени, потому что ему Арне постоянно нашёптывал правильные действия и слова. Они оба не позволяли Пайпер узнать больше, чем ей необходимо знать сейчас, и одновременно не притворялись, что всегда говорят только правду. Они не обманывали её, но сильно ограничивали в ответах ради её же безопасности: попадись Первая в руки Охотников или высокородных великанов Омаги, все попытки Третьего защитить не столько её, сколько саму магию сальваторов, пойдут прахом.

— О, — Эйкен встрепенулся и оторвал взгляд от Стеллы, которая прыгала из стороны в сторону и виляла хвостом, развлекая его и сама наверняка отвлекаясь от мыслей об Охотниках. — Тени говорят, что Третий освободился.

Магнус вскинул брови, пытаясь отыскать на левой половине лица — только оно и не было скрыто одеждой — недостающие тени. Воистину чудесный ребёнок, научившийся незаметно обманывать их и отсылать тени тогда, когда никто этого не приказывал.

— Ладно, отлично. Золотце, — Магнус миролюбиво улыбнулся и сложил руки шпилем, — пожалуйста, не выпади из седла, иначе Третий открутит мне голову.

— Не называй меня так, — пробормотала в ответ Пайпер. Смущения на её лице, однако, Магнус не заметил, хотя рассмотреть что-то сквозь сетку шрамов, рубцов и гематом было сложно. — У меня есть имя.

— Довольно необычное для Диких Земель, знаешь ли.

— А золотые глаза, значит, вполне обычные?

— Нет, но мы можем выдать тебя за потомка фей. Это вполне сработает, если никто не будет прикасаться к тебе.

Пайпер нахмурилась.

— Прикасаться?

— Третий ведь говорил тебе, что магии в этом мире мало? — спросила Клаудия, без проблем забираясь в седло своего коня и накидывая капюшон на голову, пока Эйкен держал поводья. — Те, в ком ещё теплится магия, могут понять, кто ты, если коснуться тебя.

— Я не позволю незнакомым людям касаться меня, — зло огрызнулась Пайпер.

— Может произойти что угодно. — Клаудия равнодушно пожала плечами. Вот она уж точно не переживала из-за того, что Третий может открутить ей голову.

Магнус уже давно признал, что Клаудия, должно быть, была единственной во всех Диких Землях, кто мог повлиять на Третьего. Единственная, имеющая над ним власть, которую нельзя было сравнить с властью Киллиана. У неё не было мощной магии, способной подчинить против воли, и она сама не воплощала идеал женщины, которая бы пленила Третьего — Магнус, как самый настоящий друг и верный рыцарь, выпытал из сальватора все его вкусы и предпочтения едва не сразу же после того, как познакомился с ним. Неспособная поднять сокрушитель, не навредив себе, она, однако, одновременно могла бы и убить Третьего, если иного выхода не останется. Не зря она была его негласной правой рукой и их голосом разума.

Но пока что всё шло наперекосяк, из-за чего злилась даже она. Клаудия не могла услышать мёртвых за спиной Первой, как бы ни старалась, из-за чего не собиралась оставлять её без внимания, тогда как Третий ясно дал понять, что они не должны слишком уж часто окружать Пайпер и показывать, что следят за ней. Если бы только Клаудии удалось услышать хотя бы один голос, она бы вела себя совсем иначе.

Для неё в первую очередь были важны жизни Третьего, Стеллы, Эйкена и его, Магнуса. Жизнь Первой, при всём уважении, которое Клаудия могла питать к сальваторам, находилась в самом конце списка. Магнус ни в коем случае не собирался винить её в этом и одновременно думал, как бы осторожно намекнуть, что стоит быть немного вежливее. Так у них больше шансов узнать, что задумала Пайпер и как планирует их использовать. Она же не идиотка и точно планирует их как-то использовать. По крайней мере, Магнус на это надеялся, иначе сильно разочаруется в землянках.

— Эй, Золотце, — обратился он к ней, устраивая локоть на макушке мигом возмутившегося Эйкена, когда внутри пробудился интерес. — На что похож твой мир?

Пайпер удивлённо и даже как-то растерянно вытаращилась на него и опустила плечи. Магнус, чья улыбка не дрогнула, мысленно отругал себя: это же надо было додуматься задать такой неуместный вопрос?.. Ему и впрямь было интересно, на что похож мир Первой, — сам Магнус-то видел лишь неприветливый Сигрид и ещё более неприветливые Дикие Земли, — но он вовсе не хотел показаться грубым или настойчивым.

Быстрее, чем он успел бы извиняться, Стелла запрыгала на месте и затявкала, показывая, что тоже хочет услышать ответ.

Улыбка Магнуса всё же на мгновение дрогнула.

— Оставь истории до привала, — бросила Клаудия, вглядываясь в сторону города. — И не болтай лишнего.

— Ты, как всегда, очаровательна. И невероятно скучна, моя дорогая.

***

Ни один здравомыслящий человек не стал бы устраиваться на ночлег почти на самой границе леса, но Магнус был рад, что Третий и Клаудия в некотором смысле не были здравомыслящими. Они лучше других понимали, что обходить озеро и двигаться дальше ночью — плохая идея, потому что твари и враждебно настроенные драу точно выползут из своих нор, почуяв свежую кровь. Магнус совсем не хотел до самого рассвета, такого же серого, как и всё вокруг, орудовать мечом и отгонять наиболее любопытных и смелых чудовищ.

Впрочем, поспать ему, как оказалось, тоже не дадут.

— Ты издеваешься! — выпалил он, вскидывая руки в возмущении. — Почему это я опять караулю?

— Потому что я хочу немного отдохнуть, — совершенно честно ответил Третий, смотря ему в глаза.

Магнуса бесило, когда он был настолько честным и даже невинным. Бесило до зубовного скрежета.

— Я могу покараулить, — подала голос Пайпер. Она сидела почти вплотную к костру, словно не боялась, что её не внушающая доверия одежда — какое-то странное пальто и лёгкий плащ, который выдала Клаудия, — загорится от одной прыгнувшей в её сторону искры. — Я спать не хочу.

— И он тоже! — возмущённо продолжил Магнус, махнув ладонью в сторону Третьего. Вышло так резко, что тому пришлось отклониться назад, чтобы не получить по лицу. — Ему сон вообще не нужен, но он, конечно, решил ломать комедию!

— Ах, как прелестно, — ядовитым голосом отозвалась Клаудия и повернулась к ним. Вплоть до этого момента она следила, как Эйкен самостоятельно снимал шкуру с пойманного Стеллой зайца, и совсем не обращала внимания на остальных: ни вполне взбодрившийся Третий, ни Первая, которой вид ещё не готового скромного ужина явно отбивал всякий аппетит, её не интересовали. — Магнус, хочешь сказать, ты *устал*?

— О, о! — закричала Стелла радостно. — Я тоже могу покараулить!

Пайпер в ужасе округлила глаза и едва не подскочила на месте, но замерла, вся напряжённая и готовая атаковать. Магнусу пришлось закрыть лицо руками, чтобы скрыть улыбку, и приложить чудовищные усилия для сдерживания смеха.

— Почему вы на меня так смотрите? — не поняла Стелла, начав крутиться и оглядывать себя. — Это одежда мне не подходит? Я надела что-то задом наперёд?..

— Ты чудесно выглядишь, Стелла, — с примирительной улыбкой сказал Третий, хотя в его голубых глазах явно отразилось недовольство, а челюсти сжались, когда он обратился к Клаудии: — Ты ничего не сказала Пайпер?

— А должна была? Я не собираюсь с ней нянчиться.

Магнус, не скрывая восторга от приближающейся катастрофы, мысленно считал секунды. «*Три, четыре, пять…*» Стелла, наконец, опустилась на старый упавший ствол, который они укрыли тонким покрывалом, возле притихшего Эйкена, который переводил отчасти испуганный взгляд с Клаудии на Третьего.

Третий глубоко вздохнул. Ночную тишину прорезало ржание лошадей, привязанных к деревьям неподалёку. Магнус продолжал считать секунды.

«*Восемнадцать, девятнадцать, двадцать…*»

Он ни дня в своей жизни не жалел, что когда-то наткнулся на Клаудию и Третьего и навязался к ним.

— Что ж, — кашлянул Третий, поднимаясь на ноги — наверняка для того, чтобы строго смотреть сверху вниз на всех сразу, иного варианта Магнус и не рассматривал. — Пайпер, познакомься со Стеллой. Ещё раз, — на этих словах он с недовольством куда более явным, чем обычно, посмотрел на Клаудию, на что та лишь пожала плечами. — Стелла — прóклятая, и во Втором мире, если я правильно помню, таких, как она, называли оборотнями.

Бледная и со сжатыми в линию губами, Пайпер медленно сложила руки на коленях и во все глаза уставилась на Стеллу. Стелла в ответ широко улыбнулась, демонстрируя клыки. Первую передёрнула.

Обычно Магнуса задевало, если кто-то так открыто демонстрировал настороженность при виде Стеллы, и приводило в бешенство, если люди смели проявлять презрение или страх. Но он допускал, что, если бы не был вместе с Третьим в тот день, когда он предложил ей уехать в Омагу вместе с ними, он бы и сам вёл себя куда более осмотрительно. Стелла-человек сохраняла некоторые черты Стеллы-волчицы, из-за чего многим, кто смотрел на неё и точно знал, что она не фея, становилось неуютно: в основном с толку сбивали жёлтые глаза, каких у людей не бывало, и короткие, слегка вытянутые уши с острыми кончиками, покрытые едва заметным светлым пушком. Волосы цвета соломы Стелла обычно не трогала, всегда оставляла их в беспорядке, особенно после смены обличья, только если Клаудия или Третий сами не брались

её причесать. Но сейчас она явно постаралась пригладить лохматые пряди, достигающие середины шеи, словно аккуратностью пыталась произвести хорошее впечатление.

Потом обязательно нужно будет похвалить её за это.

— Я не кусаюсь, — всё с той же широкой улыбкой сказала Стелла.

— Я тоже, — будто инстинктивно ответила Пайпер, сжав кулаки.

— Правда? Я могу научить!

Магнус тихо взвыл от смеха, пока Третий в растерянности переводил взгляд со Стеллы на Пайпер.

Стелла была настоящим ураганом чистых эмоций, которым не место в Диких Землях и которые вопреки всем их ужасам существовали. Она была способна смутить многих лордов и леди Омаги одним своим видом, а стоило показать клыки, как они начинали нервно сглатывать и испуганно перешёптываться между собой. В крепостях и городах её называли странной и дикой, в Омаге знали как настоящего зверя, всегда отстаивающего честь Третьего и Киллиана и вместе с Магнусом сбегающего за вином или иной паршивой выпивкой. Стелла была столь же очаровательна в детской непосредственности, которую проявляла в большинстве случаев, сколь и чудовищна благодаря тому, в каких условиях была воспитана, во время сражений, встреч с Охотниками или на собраниях Киллиана.

Неудивительно, что Первая была как минимум смущена.

И хорошо, что она увидела Стеллу-волчицу в относительно мирной и спокойной обстановке, а не среди тварей, которым она рвала глотки и ломала хребты лапами.

Бедняжку, наверное, стошнило бы от вида жестокости прямо на месте.

— Ну-у… — протянула Пайпер задумчиво и одновременно настороженно, не сводя взгляда со Стеллы, которая точно так же смотрела на неё в ответ, чуть подавшись вперёд и улыбаясь во все зубы. — Приятно познакомиться?..

— Раз уж мы с этим разобрались, — перехватил слово Магнус, наконец взяв себя в руки, — вернёмся к рассказу о твоём мире. Ты же обещала.

— Она обещала? — скептически уточнила Клаудия.

— Я обещала? — вслед за ней спросила Пайпер с неуверенностью.

— Если ты не хочешь всю ночь слушать о том, как охотится Стелла, расскажи что-нибудь.

Стелла вспыхнула и возмущённо крикнула:

— Я отлично охочусь! Первая, хочешь, я поймаю тебе красивую птицу? Или ещё одного зайца! Или двух!

— Нет, спасибо, я, пожалуй, откажусь, — на одном дыхании проговорила Пайпер, обхватив себя за плечи.

Она не ёжилась от холода, — будь это так, Магнус бы заметил это ещё давно, — и не пыталась занять чем-нибудь руки, словно боялась, что Стелла схватит её и потащит за собой в лес, чтобы продемонстрировать мастерство охоты.

Что-то было не так. Пайпер этого ещё не осознала, зато Магнус, научившийся замечать странности в поведении сальваторов, всё понял и поднял взгляд на Третьего.

Он напряжённо всматривался вглубь леса ещё несколько секунд и так бы и стоял, не двигаясь, если бы Магнус не ударил его по ноге, привлекая внимание. Третий лишь немного сместил взгляд в сторону, чтобы зацепить его краем глаза, и едва заметно скривил губы, показывая, что не намерен ничего говорить.

Третий, как и всегда, о чём-то умалчивал.

Это вошло у него в привычку: если дело связано с магией, он либо ставил перед фактом, рассказывая лишь самое необходимое, либо вообще молчал. Если речь заходила о проклятиях, он был более многословным и мог поделиться своими мыслями с Клаудией, Стеллой или Эйкеном, а если их не было рядом — даже с Магнусом, самым обычным человеком, проклятым разве что нечеловеческим очарованием, убийственной красотой и острым умом. Но о магии

Третий всё же молчал, даже спустя двести лет всё ещё не понимая, что вовсе не обязательно ломать голову над загадками в одиночку.

То, что в Диких Землях было крайне мало магии, магов можно было пересчитать по пальцам, а Третий был единственным достаточно сильным и, несомненно, уникальным, не означало, что он должен был героически играть в страдальца.

— Расскажи нам о сём мире, — попробовал снова Магнус, переводя взгляд с Третьего на Первую. Он ни на секунду не ослаблял внимания, — такого же невероятного, как и всё в нём, и всегда уместного, — но если постоянно наблюдать за Третьим, тот начнёт отмалчиваться даже раньше, чем последуют вполне здравые вопросы.

Магнус искренне считал, что быть бараном, даже не понимая в полной мере, что означает это выражение, — особый талант Третьего.

— Спроси что-нибудь более конкретное, — отозвалась Пайпер, пряча ладони в рукавах своей странной одежды.

— Магия! — восторженно выпалила Стелла. — В твоём мире есть магия?

— Есть, и много.

— А чары?

— И чары есть.

— А проклятия?

Взгляд Пайпер мгновенно изменился. Она одёрнула край рукава один раз, второй, провела пальцем по коленке, чуть ближе сдвинула одну ступню к огню, почти коснувшись трепещущих языков носком — тянула время мелкими, незначительными действиями, лишь бы не видеть любопытного взгляда сидящей напротив неё Стеллы. Магнус уже хотел было заговорить, чтобы увести разговор в более безопасное русло, как Пайпер тихо ответила:

— Проклятия тоже есть.

— Почему ты такая грустная?

Даже Эйкен издал очень тихий стон разочарования, верно почувствовав, что Стелла не уловила перемены во взгляде и тоне Первой. Одна из его теней уже выползла из-под плаща, но замерла, словно Эйкен в последний момент подумал, не странно ли будет, если он подошлёт её для поддержки и утешения Пайпер.

Магнус изо всех сил и со всей возможной незаметностью пытался подать Стелле сигналы руками, чтобы она не смела задавать ещё больше вопросов. По крайней мере, не о проклятиях. Или хотя бы не сегодня. При всей безграничной любви к Стелле, нового человека ей следовало вначале тщательно изучить, прежде чем научиться понимать, когда и о чём спрашивать можно, а когда лучше помолчать.

Ещё пару секунд Стелла, казалось, действительно не понимала, что не так. Затем её брови сдвинулись, рот приоткрылся в беззвучном «о», глаза расширились.

— О, — повторила она уже вслух, и если бы она была сейчас в волчьем обличье, то точно бы опустила уши, чтобы показать, как ей неловко, — я не…

— Мой друг сильно пострадал из-за проклятия, и мы не знаем, сможет ли он очнуться.

Стелла захлопала глазами, удивлённая и заинтригованная ответом. Эйкен вернул тень обратно и уже было приготовился слушать, но Клаудия одёрнула его, тихо требуя, чтобы он закончил, наконец, свежевать пойманного зайца.

— Очнуться? — повторил Третий, вынырнувший из своих мыслей.

Блеск в его глазах насторожил Магнуса — он означал, что сальватор что-то понял. Что-то, что может не понравиться им.

— Это древняя магия, — подумав немного, пояснила Пайпер. — Моя… наставница сказала, что без определённого типа магии шанс на пробуждение крайне низкий.

— Звучит очень знакомо, — пробормотал Третий и отвернулся, вновь уставившись в глубину леса.

Магнус снова ударил его по ноге, — а затем ещё раз, из-за чего сальватор всё же посмотрел на него, — подпёр подбородок кулаком и нарочито весело сказал:

— Знаешь, будет просто замечательно, если ты скажешь, почему это звучит знакомо! Хотя бы один разочек, ради разнообразия.

Брови Третьего чрезвычайно медленно сошлись к переносице. Глаза, ещё долю секунды назад полные мыслей, остекленели, и сам Третий застыл, будто скованный. Магнус едва сдержал разочарованный вздох, в очередной раз увидев черту, что проявлялась чаще всего и была порождением бесчисленных столкновений с тварями и элементали знают какими ужасами Вторжения.

Третий в одно мгновение превратился в абсолютно пустого великана. Он не понимал, к чему были слова Магнуса. Не мог даже представить или просчитать логически, как на них реагировать. Он, возможно, поймёт, но сильно позже, — так часто бывало, — однако сейчас Третий смотрел на Магнусаи нечитаемым взглядом.

Он не был растерян, сбит с толку или озадачен, не копался в памяти, пытаясь отыскать какие-то ассоциации или мысли, которые помогли бы ему.

Он просто был пустым.

— Иногда ты такой скучный, — с притворным разочарованием пробормотал Магнус, не желая, чтобы Первая заметила эту странность и начала сыпать вопросами. — Улыбнись, мой хороший. Сегодня у нас отличная компания.

— Я устала, — неожиданно объявила Пайпер, едва только он успел закончить предложение.

— Неожиданная и очень сонная компания, — исправился он.

— И иду спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! — радостно отозвалась улыбающаяся от уха до уха Стелла.

У них даже не было приличных палаток, — их собственные были утеряны во время нападения тварей в Чёрных горах, — и раздобыть новых в крепости Икаса или Тевье не удалось, но Пайпер это, судя по всему, ничуть не волновало. Следуя скупым указаниям Клаудии, она распотрошила одну из седельных сумок в поисках нужного свёртка и, даже не попытавшись найти более ровный клочок земли, отошла будто специально метров на пять и устроилась возле двух деревьев.

— Разбуди её через пару часов и спроси, хочет ли она караулить, — едва слышно произнёс Третий Магнусу, но так неожиданно, да ещё и наклонившись почти к самому уху, что тот почти подскочил на месте от испуга. — Если откажется, я встану вместо неё.

— А ты куда собрался? — проворчал Магнус, подозрительно сощурившись.

Третий выпрямился, обогнул его и лениво махнул ладонью, безразлично ответив:

— Проверю сигилы ещё раз. Не сидите слишком долго. И проследите, чтобы Эйкен нормально поел.

— Я всё слышу, — обиженно пробормотал Эйкен ему в спину.

***

— Давненько ты не был таким растерянным, — насмешливо пробормотал Арне, следуя за Третьим по пятам.

— Не твоя ли это вина?

— Прошу прощения! — едва не задохнулся от возмущения сакри. — Молодой человек, вы слишком многое себе позволяете. Напомнить, кто буквально держит тебя на ногах?

— Меньше слов, Арне, и более дела.

Арне пренебрежительно хмыкнул и исчез, ничего не сказав, однако через мгновение появился метрах в двух от Третьего, среди деревьев, — точно там, где был начерчен один из сигилов.

Они закончили проверять северную сторону несколько минут назад, но необъяснимая тревога не давала Третьему покоя, и он решил тщательно всё перепроверить: уделял особое внимание каждому сигилу, старательно выводя нужные контуры в воздухе, и тратил лишнее время на распознавание посторонних запахов. Со стороны озера, южнее, шёл резкий запах злобных драу, которым не нравилось соседство живой плоти. Третий потратил едва не час, пытаясь усмирить их и объяснить, что они не собираются трогать озеро, а сигилы нужны для защиты от тварей. Ему также пришлось пообещать отдать ровно тридцать капель своей крови, что было на тридцать больше желаемого и необходимого.

— Тебе нужно поспать, — пропел Арне, лавируя между деревьями. Сейчас его голос слышал только Третий, он знал это, и всё равно хотел упрекнуть сакри за несоблюдение осторожности и слишком уж громкий тон.

— Я не хочу спать, — пробормотал Третий, укрепляя последнюю линию сигила и критически оглядывая свою работу.

— И поесть, — продолжил Арне практически ласково, но с нотками смеха.

От одной мысли о еде Третьего замутило.

— Идём дальше. На западной стороне, кажется, всё не так гладко.

Чтобы добраться от одной условной границы до другой, Третий тратил от силы две минуты. При этом он ни на мгновение не терял из виду не очень яркий костёр, расположенный в центре их небольшого лагеря, и привязанных к деревьям лошадей. Он точно знал, что из-за плотного скопления деревьев со стороны севера, востока и запада его из лагеря не видно, однако это означало, что Стелла куда более старательно водит носом и ищет запах Третьего, чтобы быть увереннее, что он в безопасности, а Эйкен, должно быть, вопреки всем запретам и приказу отдыхать следит за его передвижениями через одну из своих теней. Они наблюдали за ним точно так же, как и он — за ними, лишь бы исключить возможность неожиданного нападения.

Когда с проверкой западной стороны было покончено, а сигилы оказались укреплены ещё раз, Третий на секунду помедлил. Логичнее было бы двинуться к южной стороне, к берегу озера. Он мог бы не только проверить сигилы, но и ещё раз поговорить с драу и заверить их, что обязательно даст свою кровь, как только они двинутся в путь утром. Но ещё отчего-то хотелось сразу же направиться к восточной стороне, проигнорировав собственные предостережения. Он не слышал дыхание Первой так же хорошо, как и дыхание остальных, и это его беспокоило.

— В чём дело? — лениво спросил Арне, когда Третий, сделав всего шаг вперёд, снова замер и уставился перед собой. — Я ничего не чувствую.

— Первая…

Большего сказать он не успел: Арне, фыркнув, во весь голос расхохотался.

— Боги, ты что, уже влюбился? Оставь девчонку в покое!

Третий двинулся к южной стороне. Арне шёл за ним, продолжая смеяться, и утирал невидимые слёзы.

Третий его поведения и слов не понимал и чувствовал себя крайне странно. Словно ребёнок, который перед взрослыми сказал что-то глупое, а они его по-доброму передразнили. Он и в детстве не понимал, что в этом смешного, и сейчас.

Враждебно настроенные драу выползли из озера и расположились на поросших серым мхом камнях на берегу. К счастью, авторитет Арне давил на них сильнее, чем авторитет самого Третьего, и потому драу оставались в форме полупрозрачных маленьких силуэтов и слабо светящихся огоньков — в своих самых безобидных и приятных глазу ипостасях. Глаза-угольки следили за каждым его действием, а в спину летело тихое шипение на инородном языке, кото-

рое Третий, однако, частично понимал. Драу хотели, чтобы он как можно скорее дал им своей крови, даже предлагали немного изменить сделку: вместо тридцати капель крови дать пятьдесят, и взамен духи не будут мешать до самого утра и предупредят, если кто-то подберётся достаточно близко. На такую плохую сделку не клюнул бы даже доверчивый Эйкен.

— Здесь нет ничего интересного, — громко сказал Третий, медленно поворачиваясь лицом к озеру. — Исчезните.

Драу зашипели и сползли с камней, бесшумно погрузились в воду, оставив Третьего. Арне уже бродил между деревьями, огибая голые кусты и будто невзначай всё ближе подбираясь к тропинке, которая выводила к лагерю.

— Ты уходишь? — спокойно спросил Третий, завершая последний сигил идеально выверенным движением.

— Первой, возможно, не очень хорошо, — произнёс Арне.

Он иногда говорил вовсе не то, что имел в виду, пряча истинный смысл за более мягкими выражениями, но Третий не задавал ему вопросов, даже если очень хотел. Он давно похоронил своё неуместное любопытство и целиком полагался на сакри, пусть даже тот порой утаивал от него некоторые детали. Как, например, имя Первой.

Почему-то с тех пор, как охотники Икаса нашли её в лесу недалеко от крепости, Третьему становилось всё сложнее сдерживать своё любопытство. Так и хотелось не столько попросить у Арне более чётких ответов, сколько нагло потребовать их.

— Я не думаю, что она легла спать, — пробормотал Третий, огибая раскидистую сосну и приближаясь к Арне. — Ей нужен сон, ведь она человек, но мне кажется…

— Она солгала, — перебил его Арне снисходительным тоном. — Ей просто не хотелось отвечать на вопросы Магнуса и Стеллы.

— Правда?

— Правда. А ты не понял?

Разумеется, Третий не понял. Он жил бок о бок с людьми, спасал их и был ими предан, он изучил их, но чаще всего действительно не понимал. А Пайпер была не просто человеком, она — сальватор из другого мира.

Как он вообще мог понимать её?..

— Полагаю, нам следует показать ей, что мы на её стороне, — стараясь скрыть растерянность, произнёс Третий, когда заметил вопросительный взгляд Арне.

— У тебя нехилая конкуренция, мой милый.

Он, казалось, опять собирался ограничиться туманным ответом, который лишь распалил бы любопытство Третьего, и уже даже начал таинственно улыбаться. Клаудия как-то сказала, что Арне так делает, потому что любит иногда издеваться над Третьим.

Сам Третий никакого издевательства не видел и потому молча выгнул бровь, требуя продолжения.

Арне ломался ещё несколько секунд, однако в конце концов, фыркнув и закатив глаза, пояснил:

— Я видел мир, в котором она жила до того, как попала сюда. Видел роскошь, которой её окружил тот, кто приютил её, и видел знания, которые ей могли предоставить. Уверен, что сможешь тягаться с этим?

— Разве мне нужно осыпать её роскошью и знаниями, чтобы показать, что я на её стороне? — вопросом на вопрос ответил Третий с лёгким удивлением. — Если она пожелает роскоши — я её достану. Если ей будут нужны знания — я их предоставлю. Однако мне казалось, что люди ценят честность и самоотверженность.

— Ты даже не представляешь, насколько.

— Тогда к чему ты это начал?

— Я просто хочу предупредить тебя: Первая не так проста, как ты можешь думать.

Вот *это* уже было похоже на издевательство.

— Я не настолько глуп, Арне.

— На каждую тайну, что ты скрываешь, у Первой есть своя. И одна из них тебя сильно заинтересует, если узнаешь её.

Третий остановился. Арне не оставлял следов на снегу, его шаги не были слышны, а изо рта облачками не вырывалось дыхание, но его присутствие ощущалось так остро, будто он был из плоти и крови. Арне замер прямо напротив Третьего, в двух метрах, и смотрел на него, как на пустое место — точно так же, как бывало после того, как сакри с помощью Времени заглядывал в будущее, недоступное никому, кроме него самого.

Но если бы он использовал магию сейчас, Третий бы это понял.

Значит, он и вправду говорил, основываясь лишь на том, что видел ранее. И не магией, а собственными глазами.

— Речь идёт о великанах, — только и сказал Арне, после чего развернулся, поманил Третьего ладонью и растворился в воздухе.

***

На этот раз Пайпер ехала рядом с Клаудией, но ни расспросов, ни звучащих до этого непринуждённых разговоров не слышалось. Магнус и Эйкен изредка перебрасывались ничего не значащими фразами, обсуждая то ветер, который становился мягче, то дела, которыми они займутся в Омаге. Эйкен, как и всегда, залезет в купель и не вылезет до тех пор, пока вода не остынет. Магнус, вероятнее всего, встретится с Киллианом и послами из других городов, которые успели прибыть, или будет отвечать на вопросы любопытных лордов и леди.

— И как ты объяснишь им это всё?

Арне невозмутимо шёл в самом центре их небольшой процессии, идеально подражая темпу, взятому лошадьми. Он не касался земли по-настоящему, парил в нескольких сантиметрах над ней, и ветер не трепал его белые волосы. Арне был лишь призраком, который явился одному только Третьему.

— Лордам и леди? — на всякий случай уточнил Третий. Никто, кроме Пайпер, не обернулся на него, неожиданно заговорившего в полный голос. — Я что-нибудь придумаю.

— Как это на тебя похоже — кормить меня обещаниями и планами.

— И как это похоже на них — совать свой нос в мои дела. Тебе незачем переживать, Арне. В конце концов, им вовсе не обязательно знать, что сальватор Лерайе в этом мире.

Пайпер недоумённо нахмурилась и приоткрыла рот. Третий скосил на неё глаза: он скорее догадывался, чем точно знал, что он чувствует присутствие Арне, и ему была интересна её реакция. Даже сильнее, чем причина, по которой сакри завёл этот разговор.

— Ты же не можешь вечно прятать её, — укоризненно заметил Арне.

— Я не собираюсь прятать её, — возразил Третий. — Я лишь собираюсь помочь ей не раскрывать себя до тех пор, пока она не будет для этого готова. Она сама решит, когда этот момент настанет.

Пайпер закатила глаза и отвернулась от него.

Третий совсем не понял, что означала эта реакция.

— Но тебе нужно помочь ей познать магию.

— Я в состоянии сделать это, не пренебрегая своими обязанностями перед Дикими Землями и Омагой в частности.

— Хороший ты мой, ты же надорвёшься. — Арне, притворно ахнув, прижал ладонь к груди и поражённо уставился на Третьего. — Как насчёт такой идеи: если позволишь мне взять ещё немного сил, я мог бы попытаться снова заглянуть во Второй мир. Уверен, как минимум её брат в курсе, какой курс взяли местные маги, чтобы помочь ей в обучении.

— А ты уверен, что Эйс поймёт, что тебе от него нужно? — спросила Пайпер.

Третий тихо выругался и сильнее сжал поводья. Она что, действительно видела Арне и даже слышала, что он говорил?

Почему сакри явил себя и Пайпер?..

— Я люблю верить в способных молодых людей, — с улыбкой, больше похожей на кошачью, ответил Арне и посмотрел на Третьего. В его взгляде, однако, не было и намёка на возможную помощь, только очередная констатация превосходства сакри над своим сальватором.

Вот *это* тоже было издевательством.

— Ты всё равно не сможешь взять магию до того, как я восстановлю её, — ровным голосом произнёс Третий. — И не сможешь связаться с её братом так, чтобы он и впрямь тебя понял. Он не наследник Времени, и сделать его таковым, чтобы просто поговорить, ты тоже не можешь. Лучше нам сосредоточиться на том, чтобы вновь соединить тебя.

— Ах, как это грубо прозвучало… Я тебе не часовой механизм, чтобы как-то там соединяться.

Третий вернул ему его улыбку, не совсем понимая, хорошо ли подражает, но посчитав, что это уместно. Сердце его колотилось почти как бешеное, однако вряд ли кто-то, кроме Стеллы, смог бы это понять.

Насколько же Арне успел привязаться к Первой, что теперь показывается и ей? Почему молчит, когда Третий спрашивает о ней, будто не понимает, как важно ему знать хотя бы часть правды?

Третий чувствовал себя лишним, но только отчасти.

— Мы всё тщательно обсудим, когда окажемся в Омаге, — заключил он, смотря строго перед собой.

Объяснять, чем плоха идея Арне, — скорее даже отвратительна и убийственна, в том числе для самого брата Пайпер, — прямо в дороге Третий не собирался. К тому же он совершенно не хотел разочаровывать Пайпер, давая ей лишнюю надежду, которая ничем хорошим не кончится. Арне сумел частично проскользнуть во Второй мир лишь благодаря тому, что там была Пайпер, а внутри неё была частица Времени. Теперь, когда она здесь, любые разговоры об этом, как и попытки, бессмысленны и как минимум жестоки.

Арне, предложивший это будто бы от скуки, невозмутимо пожал плечами и исчез. Пайпер ещё несколько секунд сверлила место, где он шёл, нечитаемым взглядом, а затем снова обернулась к Третьему.

Он ответил ей молчанием.

Третий хотел дать ей ответы, — должно быть, сильнее всего на свете, — но не мог. Не здесь, не сейчас. Возможно, даже не в Омаге и не после встречи с Киллианом. Третьему требовалось время, чтобы понять, насколько он может доверять девушке из другого мира и каким образом она оказалась связана с Лерайе.

Он помнил, что им рассказала Йоннет, когда они встретились в доме Лайне в горах. Помнил в мельчайших деталях и едва не каждую ночь, пока Клаудия, Магнус, Стелла и Эйкен спали, прокручивал тот разговор в голове. Третий всё пытался найти в словах Йоннет иной смысл, но ничего не получалось. И посоветоваться он ни с кем не мог: никто и не знал, что Йоннет на самом деле не пропала без вести во время Вторжения, а погибла в одном из многочисленных боёв на кэргорских равнинах. Никто не знал, потому что никто этого не чувствовал — Силы в Первой было чересчур мало.

Третий, не отдавая себе отчёта в действиях, положил ладонь на солнечное сплетение, ощутив на секунду дрогнувшую нить чужой магии. Не имея другого выбора, он запечатал в себе мельчайшую часть Силы Лерайе, ту, что в момент смерти Йоннет ещё была у неё. Третьему всегда было мало этой части, иногда настолько, что она терялась среди потоков его собственной магии, а он в панике начинал думать, что та безвозвратно истратилась. Потом, когда

он передаст эту часть магии Пайпер, у него останется лишь призрачный след, что растворится в общем ощущении магии другого сальватора. Третий одновременно боялся и отчаянно жаждал этого.

Чужая магия, словно отозвавшись на его желание, вновь дрогнула. Сердцебиение Третьего замедлилось. Воздух словно потяжелел.

— Эйкен, — негромко произнёс он, как можно непринуждённее оглядываясь по сторонам, — будь добр, присмотри за Пайпер.

Эйкен удивлённо поднял брови, но тут же кивнул и потрепал Стеллу по голове, чтобы она подбежала ближе к лошади Пайпер. Первая уже было открыла рот, чтобы задать вопрос, но тварь рванула так быстро и неожиданно, что выбила её из седла и прижала к мёрзлой земле.

Лошади испуганно заржали и замотали головами, вставая на дыбы. Магнус и Клаудия едва не упали, но сумели удержаться. Стелла прыгала из стороны в сторону, уклоняясь от нападающих тварей. Прижавшийся к её спине Эйкен всё никак не мог улучить момент, чтобы спрыгнуть, не попав в зубы тварям руками или ногами, и подбежать к Пайпер.

Третий в считанные мгновения оказался отрезан от остальных. Твари подбирались со всех сторон: выглядывали из-за деревьев по обе стороны широкой дороги, выползали из глубоких, будто только что появившихся нор, спрыгивали с раскидистых ветвей. Похожие на уродливых собак, у которых из разорванных животов вываливались гнилые внутренности, огромных оленей с костяными наростами по всему телу и чудовищ из курганов, которых Третий не видел десятилетиями. Совершенно безмозглые, двигающиеся лишь на инстинктах, привлечённые лишь одним запахом — свежей кровью.

Если не это привело тварей, то куда более разумные тёмные создания, узнавшие о человеческой девушке из другого мира.

Или о том, кем она была на самом деле.

Одна из тварей прыгнула прямо на Третьего, широко раскрыв пасть, полную острых зубов. Он пригнулся, припадая к шее бешено скачущего коня. Когтистые лапы пронеслись прямо над ним, чудом задев лишь волосы. Третий вскинул руку, касаясь разорванной, сочащейся тёмной кровью и гноящейся лапы: магия хлынула внутрь неё, задела частицы хаоса и оплела их, мгновенно превращая тварь в прах. На её место тут же кинулась следующая, а затем ещё одна, которая вгрызлась в ногу коня и запустила когти в его бок.

Третьего стащили на землю, но он быстро отбился, магией и голыми руками разрывая тварей. В рот попала чёрная кровь, которую он тут же сплюнул вперемешку со своей синей. Кто-то подкрался к нему сзади — Третий, распознав среди всеобщего хаоса утробное рычание, резко взмахнул рукой и разорвал сердце твари на сотни мелких кусочков.

Рот наполнило ещё больше его собственной крови.

Мир плыл перед глазами. Всё вокруг было серым и чёрным. Свет никогда по-настоящему не проникал через плотные свинцовые тучи, однако Третьему на мгновение показалось, будто солнце исчезло насовсем. С каждой секундой тварей становилось всё больше. Они громоздились друг на друга, отрезая пути к отступлению, сжимали в кольцо. Сквозь их рычание, нестройное, дикое и голодное, Третий слышал и рычание Стеллы. Однако определить, все ли тени, мечущиеся туда-сюда, принадлежали Эйкену, он уже не мог.

Одна из теней спикировала вниз совсем рядом и вцепилась в глаза твари, истошно заверещавшей. Орёл, одна из теней Эйкена. Другая змеёй подползла к ноге Третьего и стремительно забралась на него. Эта точно была порождением хаоса. Третий уничтожил тень раньше, чем она успела оплести его шею, и отогнал ещё нескольких, подобравшихся ближе.

Он не слышал и не видел остальных. Улавливал отравленную кровь, хаос, металл — это могли бы быть меч и доспехи Магнуса или же клыки и когти тварей. В этом кошмаре вполне могли затесаться и куда более сильные чудовища, намеренно избегающие Третьего. Зрение у него начинало терять свою чёткость. Твари неустанно нападали, и Третий отбивался от них, не

находя даже доли секунды на то, чтобы определить, есть ли у них хоть какой-то шанс вырваться из этого круга.

Кривые зубы впились ему в левую руку, и от неожиданности Третий закричал. Он отдирал от себя тварь так яростно, как мог, рычал, как дикий зверь, но острые зубы только глубже погружались в его руку. Тогда он, зарычав ещё громче, закричал совсем по-другому.

Клаудия его потом убьёт. И не посмотрит, что он сальватор, который нужен миру. Вряд ли угрозы и прямые приказы Арне или Киллиана её остановят. Впрочем, Третий заслуживал гнева Клаудии и её попыток наказать его.

У него было слишком мало шансов удачно использовать рокот. Его семья отреклась от него во время Вторжения, и даже кертцзе́риз не восполняли той связи, что была необходима. Однако у Третьего не было выбора: он понятия не имел, сколько тварей напало на остальных, как они спрятались, не находятся ли под чьим-либо командованием и не ждут ли подкрепления, а с сокрушителем был один только Магнус.

Собственный крик, больше напоминавший звериный, отдавался в голове гулким эхом. Твари вокруг дрожали, бились в конвульсиях и рассыпались в прах, но некоторые всё же смогли удержаться. Та, что вцепилась в его руку, лишь временно отступила.

Третий затих, смотря в голодные глаза тварей перед собой, и быстрым, но неточным движением стёр льющуюся с подбородка кровь. Мутило его намного сильнее, чем в прошлый раз, но он держался, не имея права хотя бы на мгновение отвлечься.

Если твари, такие же дрожащие, как и он сам, сумеют подняться, Третьему снова придётся использовать рокот.

Напряжённо считая секунды и то глотая, то сплёвывая кровь, — разве может в его теле быть так много крови?.. — он едва ощутил прикосновение к правой руке и боковым зрением успел заметить Первую, вдруг оказавшуюся рядом.

И всё вокруг исчезло во вспышке золотого света, ставшего порталом.

Первым громко завизжал Эйкен — видимо, неудачно приземлился. Следом за ним — Стелла, на которую упала сначала Клаудия, а потом и Пайпер. Магнус едва успел подхватить свой меч, подскочить на ноги и отрубить голову твари, которую утянуло вместе с ними. Третий упал совсем рядом с рассыпающимся телом чудовища, лишь чудом не угодив лицом прямо в его кровь и частицы хаоса.

Руками, практически онемевшими, он приподнялся, пытаясь что-то разглядеть за туманом перед глазами. Это была не дорога, по которой они шли, не сугробы глубоко в лесу и не любое другое место, находящееся довольно близко к месту нападения.

Они все лежали на промёрзлых гладких камнях, которыми была выложена одна из площадей перед дворцом. Третий плывущим зрением и сквозь слёзы и кровь, льющиеся из глаз, узнал узоры, вырезанные на этих камнях, и сигилы, в которые они складывались.

Он вскинул голову и, поморщившись из-за чудовищного гула в голове, огляделся. Со всех сторон к ним подступали люди. Рыцари, охотники, маги, слуги, обычные граждане, волей случая оказавшиеся здесь в это время. Все смотрели на них, широко раскрыв глаза и с ужасом следя за тем, как они медленно приходили в себя. Большинство, не скрывая отвращения, смотрели прямо на Третьего, всего в чёрной и синей крови, пузырящейся на губах и льющейся из глаз, и с кровоточащей левой рукой. Он дёрнулся, инстинктивно прижимая разорванные лоскуты к ране, и попытался подняться.

Подскочившая Стелла жалобно заскулила — Третий, проморгавшись, разглядел, что её передняя лапа кровоточила. Хнычущий от боли Эйкен призывал свои тени обратно и размещал их на левой половине тела. Клаудия и Магнус, игнорируя любопытных зрителей, пытались поднять Пайпер.

— Боги милостивые, — выдохнул Третий, резко выпрямляясь. Кто-то из рыцарей уже торопился к нему, но он отмахнулся от помощи, выкрикнув: — Немедленно сообщите королю Киллиану, что мы вернулись!

Один из внутренних дворов дворца, куда Пайпер необъяснимым образом смогла их перенести, открыв портал, ожил. Люди загалдели, забегали, лишь немногие остались и всё ещё смотрели на свалившихся откуда-то сверху.

— Позовите целителей, — продолжал отдавать команды Третий, крупицами магии пытаясь удержать свой голос ровным, — отправьте отряд охотников на северный тракт и сообщите всем ближайшим поселениям, что они должны усилить охрану.

Магнус держал Первую, хрипло и тяжело дышащую, на руках и беспомощно смотрел на Третьего. Клаудия изучала её лицо и две свежие глубокие царапины на лбу и поперёк носа пару секунд, после чего удивительно спокойно сказала:

— Жить будет.

— Это я и без тебя знаю, — выпалил Третий, подходя ближе. Внутри нарастали, бурлили и смешивались злость, ненависть и отчаяние, которые Арне не мог усмирить, а сам Третий — объяснить или хотя бы попытаться сделать это. — Магнус, неси её внутрь. Эйкен, подожди вместе со Стеллой и убедись, что ей помогут.

Стелла протестующе завыла: то ли не хотела, чтобы её раненой лапой занимался кто-то, кроме Третьего, то ли вообще не желала принимать помощь. Третий, не имевший никаких сил на споры, вежливые уговоры или заботу, повторил громче и более властно:

— Это приказ.

Стелла фыркнула и хлестнула хвостом по его ноге, испачкав шерсть в крови. Третий, обернувшись к толпящимся возле обширной арки во дворец людям, рявкнул ещё громче:

— Выполнять, пока я не бросил вас всех в темницы!

Из-за этого, должно быть, мёртвые за спинами всех этих людей только зашептали громче: Клаудия осуждающе посмотрела на него, но вместо жалобы или упрёка вслух сказала другое:

— Тебе нужно показаться Ветон.

— Я в порядке, — бездумно возразил Третий.

— У тебя всё ещё идёт кровь.

Третий поднял левую руку и проследил, как струя синей крови пролилась на снег возле его ног.

— Я почти не чувствую боли, — понизив голос, признался он. — Пусть сначала помогут Стелле и Пайпер, а потом осмотрят вас. Я пока встречусь с Киллианом.

— Не поможешь?

На самом деле никто, кроме самого Третьего, не мог точно знать, когда и сколько магии он затрачивает. Его отказы помогать редко понимали как отсутствие сил на это, потому что Третий, откровенно говоря, не был обязан помогать там, где справлялись обычные целители. Однако сейчас было иначе. Первая использовала его Время, чтобы добраться до своей Силы, вытащить её из глубины и создать портал. Их магия всего за одно мгновение сплелась и воздействовала не только на её способность сломать законы Диких Земель и само пространство, но и на самоисцеление, которое Третий хорошо чувствовал.

— Сила уже исцеляет её, — пояснил он Клаудии. — Я приду, если этого будет недостаточно, но сейчас я должен встретиться с Киллианом.

— А что насчёт твоего Времени?

Арне был истощён, но неплохо держался, иначе Третий потерял бы сознание сразу же, как они оказались в Омаге. Но Клаудии не нужно было об этом знать.

— Узнай, кого из охотников отправят, и убедись, что они достаточно сильны, чтобы истребить всех тварей. После доложишь мне.

Он направился ко дворцу, чувствуя на себе десятки, если не сотни взглядов. Дворец находился в самом центре Омаги и, разумеется, людей тут было меньше, чем в самом городе, но Третьему казалось, будто за ним наблюдают все без исключения.

Глава 5. Тогда лишь двое тайну соблюдают

Магнусу было необязательно следить за работой целителей и контролировать каждый их шаг — достаточно было лишь донести бесчувственную Первую до комнаты, которую успели подготовить слуги, и уйти, напоследок повторив, что Третий может зайти и лично проверить, как прошло лечение.

Его-то, в отличие от Магнуса, целители не могли выгнать с помощью ругани и рукоприкладства. Клаудия как-то видела эту картину собственными глазами, и по сей день это воспоминание было одним из лучших.

Она встретила Магнуса ровно там, где и предполагала: в огромном холле, куда он спустился с боковой лестницы. Кровь, отпечатавшаяся на его доспехах из металла и кожи, принадлежала вовсе не ему.

— Проверь охотников, которых отправят на северный тракт, — сразу же начала Клаудия, едва только Магнус заметил её, — убедись, что они в состоянии справиться с тварями и уничтожат каждую.

— И я очень рад знать, что ты не пострадала, — с улыбкой ответил Магнус. — Что-нибудь ещё, моя прекрасная?

— Отчитаешься перед Третьим, а потом — к целителям. Я видела, что тебя ранили в плечо.

— Пустяки. По крайней мере, мне не разорвали руку. Как, кстати…

— Сейчас я и выясню, — отчеканила Клаудия и резко развернулась в сторону другой лестницы, центральной. Понять, где именно в этом огромном дворце находился Киллиан и куда отправился Третий, было не так уж и сложно. — Если он решил отложить осмотр, до обеда у нас появится новый труп.

— Я люблю твой юмор! — со смехом крикнул ей вслед Магнус. — Очень люблю!

Клаудия скрипнула зубами, направившись прочь. Магнус мог вести себя, как идиот, и шутить, когда вздумается, но вот она себе такой роскоши не позволяла. Должен же кто-то вовремя вправить Третьему мозги, пока он не натворил глупостей.

Теперь, оказавшись в самом сердце Омаги, Клаудия слышала гораздо больше голосов. Почти за каждым человеком, встречавшимся ей по пути, тянулся шлейф из голосов мёртвых, которые говорили всё громче. Слуги, лорды и леди, охотники, послы, стража, целители — мёртвые, отчаянно цепляющиеся за их плечи, атаковали Клаудию криками, стенаниями и проклятиями. Она шла вперёд, равнодушно смотря перед собой, и не отвечала ни единому из голосов. Все они лишь пытались спровоцировать её, чтобы она уделила им внимание. Клаудии было плевать, что обещали мёртвые и какие тайны раскрывали, потому что знала почти каждую в пределах этого дворца в мельчайших подробностях. Изредка появлялись и новые голоса, которых она не узнавала, встречались и живые, которых она не видела. Должно быть, новые гости из других городов или крепостей — после их обязательно нужно будет проверить.

— Леди Клаудия, — тихо окликнули её.

Клаудия мысленно досчитала до трёх, замедлила шаг и всё же остановилась. Болтать она не хотела, но и не могла проигнорировать шепотки мёртвых за спиной одного из подчинённых Киллиана, которого выгнал Третий.

— Лорд Теренс, — так же холодно поприветствовала его Клаудия, изобразив вежливую улыбку. — Собрание уже окончилось?

— Не притворяйтесь, будто не знаете, из-за чего.

В сущности, у Клаудии не было никакой власти. По праву крови — тем более. Она была обычной девушкой, имевшей проклятие, благодаря которому она вопреки чужой воле постоянно узнавала чужие тайны. Девушкой, которая пережила Вторжение, первой встретила Тре-

тьего, когда он ещё был куда менее вменяемым, и стала его негласной правой рукой. Девушкой, которой лишь на словах даровали титул леди, даже если в Диких Землях и без знатной фамилии он ничего не значил.

Клаудии было плевать, Киллиану было нетрудно произнести несколько официальных слов, а Третий видел в этом необходимость, с которой никто спорить не стал. Открыто, по крайней мере.

Большинству людей во дворце Омаги Клаудия не нравилась.

— Мальчишка ворвался и выгнал нас таким тоном, будто он — наш король.

Клаудия тут же сощурилась, не сумев скрыть во взгляде презрения. Этот мужчина был из рода фей, которые поколениями верно служили королеве Ариадне. После Вторжения магии, что осталась в их крови, было слишком мало для сотворения чар, зато упрямства и храбрости хватило бы на сотню людей. Киллиан отзывался о нём как об отличной замене прошлого капитана кавалерии, — замена была отличной хотя бы потому, что сумела выжить там, где полёг предыдущий капитан, — но он, как и многие во дворце, не скрывал своей неприязни к Третьему, считая, что тот позволяет себе слишком много вольностей.

С появлением девушки из другого мира Третий — сплошная вольность, но Клаудия не собиралась говорить об этом какому-то капитану, который не видел всей картины целиком.

— Скажите мне что-то, чего я не знаю, — она намеренно обратилась недостаточно вежливо, без титула, чтобы лишний раз подчеркнуть, что имела на это право. Порой это доставляло Клаудии извращённое удовольствие — видеть в глазах собеседников осознание того, что девушке из глухого поселения Кэргора был дарован титул и доверие самого Третьего, с которыми они должны были считаться, чтобы не впасть в немилость и сальватора, и их короля Киллиана.

У кого-то это осознание сменялось презрением, у кого-то — мукой, кто-то и вовсе не пытался быть вежливым или хотя бы невозмутимым в ответ, но каждый, вне сомнений, радовал Клаудию тем, что на долю мгновения терялся.

— Никогда прежде не видел его таким… рассеянным, — осторожно произнёс капитан, будто и не было этой небольшой заминки. Мимо них проходили люди, спешащие по своим делам, некоторые позволяли себе удивлённые и любопытные взгляды в их сторону. В руках прошмыгнувшего мимо них юноши, смутно знакомого ей, Клаудия заметила поднос, полный чистых тканей и мазей в стеклянных баночках.

— Не хотите же вы сказать, что Третий повёл себя, как ребёнок? — достаточно громко уточнила Клаудия, смотря капитану в глаза. — Я слышу песнь о ваших деяниях, совершённых до, во время и после Вторжения, капитан Теренс из рода Карра. Я слышу о боли, страхе, отчаянии и даже рассеянности. Я слышу, в каком потрясении вы были, когда впервые столкнулись с тёмными созданиями. И слышу, в каком потрясении вы были три недели назад у крепости под командованием Конте. Слышу, что твари подобрались к вам быстро, неожиданно, будто кто-то подослал их прямо вам под нос. Я слышу, что ваша уверенность в собственных силах, вопреки этому потрясению, ничуть не пошатнулась, ни на мгновение не уступила страху.

Он позволил себе скривить губы в ответ и бросить на неё презрительный взгляд с высоты своего роста. Вот за что многие не жаловали Клаудию, особенно на важных и закрытых собраниях: она читала людей, слыша голоса мёртвых за их спинами и следуя их советам, и не боялась говорить о том, о чём другие молчали.

— И я слышу, — тише продолжила Клаудия, провожая взглядом пробежавшую рядом с ними служанку, — как черствеет ваше сердце, становясь всё более холодным и непробиваемым. Лёгкая рассеянность, что, по вашим словам, проявил Третий, лишь делает его более человечным в глазах каждого, кто смотрит на него. Подумайте об этом в следующий раз, когда почувствуете, что не можете в ту же секунду исполнить прямой и вполне понятный приказ Третьего.

Клаудия слабым кивком головы попрощалась с ним и, не дожидаясь ответа и ничего не добавив, направилась дальше. Чувствуя внимательный взгляд мужчины, буквально впившийся ей в затылок, она не обернулась, зная, что поступила правильно. Третьего нельзя было превращать в идеальный, нерушимый символ, способный на всё. Если в нём не будет черт, присущих обычным смертным, за ним никто не последует.

Хотя её, конечно, эта лёгкая рассеянность, которой и вовсе не должно было быть, ужасно раздражала.

Возле дверей, ведущих в нужный ей зал, ждал тот самый юноша с подносом, которого она видела до этого. Он стоял с поднятым кулаком и всё не решался постучать и сообщить о своём присутствии. Стражи на посту не было.

— В чём дело? — спросила Клаудия.

— Король приказал принести всё это, а Третий запретил кому-либо входить.

— Что за детский сад…

Она закатила глаза и хотела было подтолкнуть его, но, заметив его полный надежды взгляд, нахмурилась.

— Погоди-ка… Ансель? — с лёгким удивлением позвала Клаудия.

Он тут же фыркнул и расправил плечи, задрав нос, будто хотел казаться ещё выше и величественнее. Он удивительно быстро вырос за то время, что их не было в Омаге, и стал более аккуратным: каштановые кудри, приглаженные явно не гребнем, а пальцами, всё же не были взлохмачены, на простом камзоле и штанах не было ни складки, на высоких сапогах — ни пятнышка. Розовые глаза, выдававшие в нём потомка фей, прямо-таки горели самодовольством.

— Естественно, ты меня не узнала! Я так…

— Нет, просто забегалась со всеми этими делами, — перебила его Клаудия. Ансель тут же сник, и она, ущипнув себя за переносицу, всё же согласилась: — Да, я тебя не узнала, ты сильно вырос. Доволен?

— Очень.

Столь одарённых, как он, в Омаге было мало. Ещё меньше было тех, кто мог попасть под непосредственный надзор Третьего. Но безупречное знание языка тёмных созданий, который никто не мог выучить ни в речи, ни в письменности, выделяло Анселя среди всех. Это также означало, что он находился под командованием не только Третьего, но и Киллиана, которому служил всё то время, пока сальватор отсутствовал в Омаге. Дети его возраста обычно уже были достаточно взрослыми, чтобы обучаться владению оружием, однако Ансель, худо-бедно поднимающий меч, больше гордился тем, как его выделяли Третий и Киллиан.

Это, наверное, также означало, что, когда Третий сорвался на дальний север, никого не предупредив, Киллиан ругался на него именно Анселю.

— Возвращайся к своим обязанностям, — приказала Клаудия, забрав из его рук поднос.

Ансель возмущённо всплеснул руками.

— Да я только и делаю, что переписываю те дурацкие свитки!

— В таком случае можешь взяться за дурацкие книги и дурацкие карты. Не попадайся мне на глаза, иначе отправлю работать на кухню.

Ансель быстро сник и даже поклонился, чего давно уже не делал, после чего поспешно сбежал. Клаудия выдохнула, досчитала до пяти и толкнула тяжёлые двери.

— Ты просто раксов идиот!

Она злорадно улыбнулась — приятно всё-таки слышать, когда Киллиан сбрасывал маску сурового короля, которого чаще всего видели все остальные, и от души орал на Третьего.

— Совсем жить надоело?! Ты бы ещё один рванул! Что, не догадался?!

Клаудия подошла к длинному овальному столу, быстро оглядела лежащие на нём карты, которые никто не убрал, и двинулась к противоположному концу. На главном месте, всегда

занимаемом королём великанов, поставив локоть на гладкое дерево и закрыв лицо пальцами, сидел Третий. Его левая рука свешивалась с подлокотника, и под ней уже собралась внушительная лужа синей крови. Киллиан, ероша короткие чёрные волосы, всегда идеально приглаженные, ходил за спинкой своего стула, занятого сальватором, и продолжал сокрушаться:

— Ох, нет, тебе обязательно нужно было взять всего один жалкий кинжал, чтобы посмешить тварей! Ты ведь ради этого отправился к Икасовой крепости, да? Это всё было большой шуткой! И до того глупой, — прорычал Киллиан, схватив спинку стула и наклонившись к Третьему, — что впору разорвать тебе горло!

Третий тихо выдохнул, убрал пальцы с лица и абсолютно спокойно спросил:

— Ты закончил?

— Нет, только начал! — закричал Киллиан. — А тебе, идиот, придётся слушать меня, пока кровь из ушей не пойдёт!

— Жду с нетерпением.

Клаудия остановилась возле него и с шумом поставила поднос на стол. Третий медленно перевёл взгляд с Киллиана на неё.

— Я дал тебе поручение.

— А я передала его Магнусу. Решила, что этой чудесной сцене нужен как минимум один свидетель.

Киллиан остановился, злобно пыхтя, и запустил пальцы в волосы.

— Идиот, — только и повторил он, подходя к огромным окнам.

Одну из стен зала собраний целиком заменили окна, выходящие во внутренний двор. Две другие были увешаны массивными картами и картинами, которые чем-то определённо нравились Киллиану, хотя никакого практического смысла не несли. Громадные люстры под потолком были зажжены на все свечи, и отполированная поверхность дубового стола отражала сотни крохотных огоньков. Стулья, обитые мягкой тканью, были хаотично выдвинуты — доказательство того, что советники спешно покинули зал после приказа Третьего.

Клаудия опустилась на ближайший стул, закинула ногу на ногу и привалилась к спинке. Третий, не выдержав её пронизывающего взгляда, отвёл взгляд и уставился на поднос, пробормотав:

— Мне это не нужно.

— А мне плевать, — ответил мгновенно подлетевший к нему Киллиан. — Считай, что это мой прямой приказ. Немедленно займись своей рукой, пока я не позвал Ветон.

Киллиан напоминал шторм, который настигал неожиданно, в самый штиль. На фоне худого, долговязого Третьего он казался даже более крупным, жилистым, чем был на самом деле. Он воплощал в себе настоящего великана, исключая рост, который северным заклятием был навсегда хотя бы примерно приближен к росту других рас: мощный, сильный, внушающий ужас и почтение одновременно. Он одинаково величественно смотрелся и в чёрном камзоле, сидящем точно по фигуре, и в доспехах из чистого серебра с изображением орла на них. Даже без серебряного венка, который ему полагалось носить из-за титула, и с многодневной щетиной на бледном лице Киллиан выглядел как настоящий король. Даже когда отчитывал Третьего, будто тот был ребёнком.

— Я должен был сделать это, — твёрдо произнёс Третий, встречаясь глазами с Киллианом. Они были почти того же оттенка, что и у короля, где-то между льдисто-голубым и небесно-синим, но сейчас оказались на пару тонов ярче из-за магии, пробудившейся лишь на мгновения.

— А терять голову из-за смертной девчонки ты тоже должен был?

— Она такая же, как я, — с более заметным раздражением сказал Третий. — Я не намерен бросать её на милость судьбы.

— И потому ты сорвался, ничего мне не объяснив? Потому что знал, что она будет там?

— Я не знал.

Киллиан исступлённо уставился на него.

— Что ты сказал?

— Я не знал, что она будет там. Я понятия не имел, что там две бреши, а не одна.

— Но это… невозможно. Как ты мог не почувствовать этого?

— Это была более совершенная брешь. Идеальная, точная, быстрая. Такие твари Диких Земель открывают очень редко.

Клаудия задумчиво закусила ноготь на большом пальце. Они всегда узнавали о брешах либо заранее, либо когда сквозь них прорывались первые тёмные создания — такие следы было невозможно не заметить кому-то вроде Третьего. Но если это всё же произошло, Первая попала в Дикие Земли через иную брешь, ту, что не взращивали твари, не стерегли и не подпитывали своим хаосом с целью удержать в относительно стабильном состоянии.

— Она просто появилась там, понимаешь? Арне это почувствовал и сразу же нашёл её. Если бы он опоздал, она бы либо умерла, либо угодила в их руки. Я не мог позволить Силе попасть к тёмным созданиям.

— Так я и думал, — выдохнул Киллиан, проводя ладонью по лицу. — Ты сорвался из-за бреши, закрыл её, истощив себя, но всё же решил забрать Силу.

— Я не собираюсь забирать её, — с лёгким удивлением отозвался Третий.

— Разве? — одну ладонь Киллиан положил на стол, другую — на спинку стула, и вновь наклонился к Третьему. — Разве ты спас эту девушку не потому, что она — наследие Йоннет? Не потому, что в ней есть Сила? Разве ты спас её потому, что она — просто девушка, которая нуждалась в спасении?

Клаудия могла бы начать аплодировать Киллиану, в точности выразившему её мысли, однако делать этого всё же не стала, поняв изменившийся взгляд Третьего.

Он просто не понимал, о чём говорил Киллиан. Он не представлял иного исхода. Для него это было чем-то, что находилось за гранью сущности, в которую его превратили Вторжение и тёмные создания в частности.

С Третьим такое случалось не так уж и редко, и Клаудия не могла не беспокоиться. Он мог не понимать чьих-либо шуток или намёков, не распознавать угроз, пока об этом не зашепчут голоса мёртвых.

В первое время, когда они были только вдвоём, Третий напоминал призрака. Он не реагировал даже на голос Клаудии, не притрагивался к еде и не ложился спать. Не понимал, почему Клаудия делала это, ведь в мире, каким он стал, это было не нужно. Тёмные создания настолько исказили саму его сущность, что потребовались годы, чтобы вытянуть на поверхность хотя бы часть былых черт Третьего.

Сейчас всё повторялось. Третий не понимал, о чём говорил Киллиан. Он слышал слова, знал значение каждого, но вместе они представляли собой какую-то бессмыслицу.

— Я не понимаю, — наконец тихо признался Третий, растягивая слова.

— Займись рукой, — бросил Киллиан. — Думаю, даже эта девушка сейчас понимает больше, чем ты.

— Её зовут Пайпер, — чуть нахмурившись, сказал Третий.

— Пайпер? Какое странное имя… Откуда она?

— Пусть сама тебе расскажет. Уверен, она будет только рада с тобой поговорить.

— И с чего ты это взял?

— У меня сложилось впечатление, что ей интересны великаны. Или, по крайней мере, только их король.

— Будто бы ты подпустишь её к королю, — пробормотала Клаудия, собирая руки на груди.

— Я не сторожевой пёс, — озадаченно ответил Третий.

— Ой, правда что ли? А мне показалось, что так оно и есть.

— Клаудия, — предупреждающе произнёс Киллиан.

Клаудия пожала плечами. Ей не нравилось, что относительное спокойствие в Омаге, выстроенное общими усилиями, могло рухнуть из-за одной девчонки. Будь она хоть трижды сальватором, Клаудия не была намерена доверять ей без веских оснований.

— С чего бы ей вообще интересоваться великанами? — начал рассуждать Киллиан. — Да и откуда она о них узнала? Может быть, она… Ты сделал что-то не так? — угрожающе прошипел король, вновь нависнув над Третьим. — Где ты допустил ошибку?

— Я не допускал ошибок, — отмахнулся Третий. — Я сделал то, что должен был, и только.

— Что ты ей сказал? — не отставал Киллиан. — Ты задержался на целую неделю. Ты не мог потратить это время на всякие глупости.

— Она целую неделю не приходила в себя, — ответил Третий. — А когда проснулась, я рассказал ей только то, что посчитал важным.

— Что?

— Это допрос?

Третий поднял взгляд, вновь запылавший магией.

— Она знает, кто ты?

— Разумеется. Это первое, о чём я ей сказал.

— Ты не понял моего вопроса, — очень тихо, но властно проговорил Киллиан. — Она знает, кто ты *на самом деле*?

Третий замер. Клаудия, решив, что больше медлить нельзя, придвинулась ближе к нему. Ножом подцепив рукав камзола, прилипшего из-за крови, она сделала аккуратный надрез, а затем ещё один. Третий и Киллиан продолжали сверлить друг друга взглядами.

— Нет, — наконец ответил Третий. Он оглянулся на попытки Клаудии осторожно отлепить ткани одежды от его руки, после чего привстал, в абсолютной тишине снял камзол и бросил его на стол. Сев обратно, он в одно движение отодрал рукав рубашки, едва не намертво прилипший к коже, закатал его и протянул руку Клаудии.

— Ты уверен? Поймёт ли она всё, если ты вновь возьмёшь Нотунг?

Глаза Третьего едва не заблестели в радостном предвкушении. Он даже не дёрнулся, когда Клаудия достала из его руки обломок зуба твари. Ей захотелось швырнуть его ему в лицо, чтобы он угодил прямо в глаз, потому что это — непростительная халатность с его стороны. Разумеется, если бы этот зуб был опасен и нёс проклятие или хаос в недопустимых количествах, Третий бы сам от него избавился, но злости Клаудии это не убавило.

Как он мог быть таким беспечным?..

— Его удалось восстановить?

— Вот уже неделю, — выдохнул Киллиан, складывая пальцы шпилем. — Однако если эта девушка так интересуется великанами, она может узнать Нотунг. И задаться вопросом, почему он у тебя. Тогда она докопается до правды.

— Я просто скажу ей то же, что и остальным, — с лёгкой, очевидно притворной улыбкой, которую он украл у Магнуса, сказал Третий, откидываясь на спинку стула. — Я вырвал его из рук умирающего Роланда из рода Лайне, короля великанов.

Третий улыбнулся ещё шире, показывая крохотный скол на левом клыке — небольшая особенность, которую он не стал устранять с помощью магии. То ли не захотел, то ли не мог. Клаудия не знала подробностей. Они её, вообще-то, и не интересовали. Гораздо интереснее были истории, опутывающие Третьего и Нотунг, легендарный меч великанов, который, если верить истории, когда-то принадлежал самому Лайне.

— Тебе следует быть осторожнее, — предупредила Клаудия, промочив край чистой ткани целебным отваром. — Если кто-нибудь хоть словом обмолвится…

— Я вырву этому человеку язык, чтобы не болтал лишнего, — невозмутимо отозвался Третий. — Все знают, о чём говорить можно, а о чём — нельзя. К тому же разве я когда-нибудь врал о Нотунге? Я действительно вырвал его из рук короля Роланда.

Последние два слова он произнёс дрогнувшим голосом, но тут же сделал вид, будто этого и не было. Если бы Клаудия не знала его, подумала бы, что в Третьем взыграла привязанность к правителю великанов, что был любим народом Ребнезара.

Подробностей она, конечно, так и не смогла выяснить. Но это же был Третий. Клаудия доверяла его решениям, какими бы безумными они ни казались другим людям.

— Ты планируешь рассказать ей о Лайне? — осторожно спросил Киллиан.

— Что ты хочешь от меня услышать? Правду или очередную ложь?

Киллиан свёл брови и скривил губы.

— Поступай, как знаешь, — раздражённо рыкнул он, начав приглаживать волосы.

— Что я и делаю.

— Однако тебе придётся лично проследить, чтобы ни одна живая душа в Омаге не сболтнула лишнего.

— Неужели ты не поможешь мне? Своей драгоценной семье?

Киллиан нервно рассмеялся. Принятие Третьего в род Дасмальто фактически сроднило его с Лайне — уничтоженной династией, веками правившей Ребнезаром. Это был ход, который оценили далеко не все, однако решение Киллиана никто и никогда не оспаривал. По крайней мере, публично. Клаудия слышала, как люди шептались о недопустимости подобного и рассуждали, что принятие Третьего в род Дасмальто было сделано исключительно для того, чтобы укрепить его положение генерала, когда-то бывшее довольно шатким.

Разумеется, все знали правду. И все молчали, потому что сам Третий приказал похоронить эту тайну.

— Как же ты меня раздражаешь, — со вздохом протянул Киллиан, закрывая лицо руками. — Ты всегда был таким невыносимым?

— Конечно.

— Кончай дерзить, — вновь став строгим, сказал Киллиан.

— Кончай бесить меня своими глупыми нравоучениями. Я тебе не ребёнок.

Клаудия закатила глаза. Третий, метнув на неё уничтожающий взгляд, вопросительно выгнул бровь.

— Неужели ты сомневаешься во мне? — холодно спросил он.

— Ты действительно ребёнок, — совершенно искренне, не боясь, ответила Клаудия. — Так распереживался из-за одной девчонки, а мы, между прочим…

— Замолчи.

Клаудия закрыла рот, подавив раздражённый вздох. Киллиан, застыв на месте, во все глаза смотрел на Третьего.

Сейчас он напоминал ей того самого сальватора, которого она встретила после Вторжения, когда он, покрытый синей и чёрной кровью с ног до головы, добрёл до её поселения и нашёл её, ещё живую, в одном из домов. Его глаза были ярче привычного для Клаудии голубого, напряжение сковало всё тело. Левая рука, ещё недавно слабо дрожащая, неестественно замерла. Третий смотрел перед собой одновременно пустым и сосредоточенным взглядом, являя собой величие, силу и непоколебимость, которых она не видела даже у Киллиана.

В его голове зрел план, которым он вряд ли поделится. Третий почти никогда, даже если это касалось безопасности и благополучия Омаги, не делился своими планами. Просто ставил Киллиана и его советников перед фактом и, если он мог реализовать их предложения по изменению плана не во вред Диким Землям, он принимал их. Если нет — предлагал советникам самим составить подходящий план, но они почти всегда терпели неудачи. Действительно

хорошие планы, которые пришли на замену замыслам Третьего, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Клаудия знала, в чём дело, каждый в Омаге и за её пределами знал, в чём дело. Арне — единственный во всех Диких Землях, способный привести их к процветанию и благополучию. Он может заглянуть в будущее при благоприятных для этого условиях и понять, движутся ли они по верному пути. В масштабах целого мира эта сторона сакри была недоступна Третьему, однако они были связаны, и почти всё, что знал Арне, знал и Третий. Это была сила, с которой никто, даже Дикая Охота, не мог соперничать.

Но это не означало, что Клаудия не пыталась если не оспорить решения Третьего, то хотя бы добиться того, чтобы он раскрывал свои планы чуть чаще, чем никогда.

— Прежде тебе следует отдохнуть, — небрежно начала она, затягивая повязку на его руке. Третий не поморщился, не отреагировал на её слова, будто не слышал. Клаудия нахмурилась. — Третий.

— Что? — раздражённо отозвался он, всё ещё смотря перед собой.

— Прекрати. Возьми небольшой перерыв. Хотя бы до визита Катона.

— Именно из-за Катона я и не могу отдыхать. Он сразу учует Первую.

— Так обучи её! — не выдержал Киллиан, всплеснув руками. — Раскрой ей суть Силы, помоги подчинить её.

— Магию сакри не подчиняют, — отозвался Третий отрешённо. — Разве ты подчиняешь себе своё тело, голос, мысли? Нет. Это всё — часть тебя, единственная верная сущность, которая только может быть. Магия сакри — то же самое.

Клаудия переглянулась с озадаченным Киллианом и пожала плечами. Понять истинную суть магии сакри могли только сальваторы, и они это знали, поэтому она никогда не вдавалась в подробности. Для неё магия — это просто магия, и неважно, в какой она форме: чар фей и эльфов, дара великанов или же самих сакрификиумов.

— Или выдай её за проклятую, — предложила Клаудия, вспомнив, что на них у Катона такое же прекрасное чутьё, как и на магию сакри. — Используй Время, чтобы превратить её в проклятую, и Катон ничего не заметит.

— Если она сальватор, мы не можем просто натравить на неё тварь! — возмутился Киллиан.

— Нет, Клаудия права, — задумчиво пробормотал Третий, убирая упавшие на лоб волосы. — Я уже делился с ней теплом, если поделюсь и ощущением проклятия, смогу обмануть Катона.

Клаудия прыснула от смеха, увидев вытянувшееся и побледневшее лицо Киллиана.

— Ты… что ты сделал? — угрожающе прошептал он, приблизившись. — Ты посмел тронуть её? Ты хоть понимаешь, что будет, если об этом узнают? Ты…

Клаудия тихо, злорадно рассмеялась. Третий озадаченно смотрел на короля великанов, в глазах которого пылала такая ярость, словно перед ним стоял сам Катон, в очередной раз явившийся без предупреждения.

— Ей было холодно, — несмело ответил Третий, сведя брови. — Она ещё не привыкла к Диким Землям, и я решил…

— Ты с ума сошёл?!

Киллиан врезал Третьему по затылку, и тот дёрнулся, широко распахнув глаза. Клаудия зажала рот рукой, боясь рассмеяться ещё громче.

— Как ты посмел тронуть её?! Сам только что говорил, какая она важная, а в итоге…

— Но она замерзала!

— Элементали великие, — выдохнула Клаудия, поднимая ладони, — Киллиан, он использовал магию.

— Что? — резко спросил Киллиан, повернув голову к ней.

— Он дал ей свою магию, чтобы она не замёрзла. Ты не так понял.

Киллиан смотрел на неё ещё несколько секунд, после чего перевёл взгляд на Третьего и уставился на него. Третий, ничего не понимающий, в очередной раз потерявшийся в общей теме, сидел, не шевелясь, и даже не пытался проверить затылок после удара Киллиана.

— Так бы сразу и сказал, — облегчённо произнёс Киллиан, выпрямляясь, будто ничего странного и не случилось.

— Но я так и сказал.

— Нет, ты сказал не так.

— Но я же…

— Элементали, тихо, — Киллиан провёл ладонями по лицу, скрывая усталость. — Просто помолчи, несносный мальчишка…

Глава 6. Вдох — закрой глаза

Эйкен сидел на свободной койке у целительниц и болтал недостающими до пола ногами. Стелла щенячьими глазами смотрела на двух женщин, накладывающих последнюю повязку на её руку, и наверняка этим взглядом пыталась их разжалобить. Она не любила лишней возни с собственными ранами, но если Третий приказал, значит, они должны подчиниться. Даже Эйкен больше не спорил. Сам он отделался испугом и парой неглубоких царапин, которые целительницы намазали каким-то вязким веществом тёмно-зелёного цвета и обвязали полосами ткани.

Эйкен хотел как можно скорее избавиться от внимания целительниц и узнать, что там с человеческой девушкой, но в комнату, которую ей подготовили, его не пускали, что даже расстраивало. Пайпер, чьё имя всё ещё казалось странным и загадочным, нравилась Эйкену.

Во-первых, с этими золотыми глазами и следами от ран она напоминала ему воительницу, только вышедшую из боя. Эйкен видел много искалеченных людей и настоящих воинов, — Пайпер, стоило всё же признать, была не из их числа, — и всё же было в ней что-то невероятное и захватывающее дух. У него язык бы не повернулся сказать, что люди Омаги и вообще Диких Земель уродливы или пугающи, но годы в тихой войне против демонов оставили свой след на каждом. Побледневшие и посеревшие, осунувшиеся лица, тусклые глаза, потерявшие хоть какой-то блеск, руки, подготовленные для оружия, — все в мозолях. Пайпер, несмотря на раны, ничуть на этих людей не походила.

Во-вторых, в общении она оказалась довольно милой. Тени Эйкена практически постоянно приносили, что она в ужасе от Диких Земель. Должно быть, её родной мир был куда более красочным и дружелюбным. Но в разговоре она держалась так, будто ничего страшного не случилось, не грубила, не смотрела на них свысока, с благодарностью принимала помощь и даже шутила.

Во-третьих, она была с Земли. Эйкен постоянно забывал это слово, но оно казалось ему очень знакомым и оттого нравилось. Ему хотелось узнать, что такое этот Второй мир, какие люди там жили, много ли у них магии и видно ли солнце. А если и видно, то как ощущается его тепло.

Но Эйкену, разумеется, приходилось держать любопытство в узде. Во дворе Третий не на шутку разозлился, поняв, что его приказ не стали исполнять сразу же. Третий никогда не повышал голоса без причины, никогда не показывал без лишней необходимости, насколько опасен на самом деле. Он не превращался в чудовище, будучи в Омаге, потому что каждый в пределах города и без демонстрации знал, кто он такой. Но если он разозлился, значит, дело было ужасно серьёзным.

Эйкен понимал, почему Пайпер так важна, и хотел узнать ещё более подробно, как она к этому относится. Он всегда, если не стеснялся и не обременял других, спрашивал об этом людей, которые в какой-то момент продемонстрировали важность и значимость для будущего Омаги. С Анселем было легко: он был рад, что смог вместе с Третьим уехать из крепости, где родился и жил, и что теперь занят настоящим делом, к тому же таким уникальным. Его проклятие позволяло ему понимать язык демонов, что было чрезвычайной редкостью в Диких Землях, однако чудес, которые ожидал Ансель, не произошло. Он сидел во дворце, переводя где-то найденные Третьим и Джинном древние трактаты, и почти не выбирался в город.

С Пайпер точно должно быть как-то иначе. Она же не простая проклятая, сумевшая подчинить себе часть хаоса, и не рыцарь, в чью руку без проблем лёг сокрушитель. Она — сальватор, обладающая Силой Лерайе, равная Третьему во влиянии и магии. Эйкену до жути хотелось узнать, что она думает насчёт этого и какие у неё планы на ближайшее будущее.

Третий объяснил ему, что, раз Пайпер оказалась в Диких Землях не по своей воле, вернуться домой так просто не получится. Вероятнее всего, этого не случится в ближайшие месяцы, даже в ближайшие годы. Дикие Земли были безграничным пространством с территориями, откуда не удалось сбежать тому, на кого пало проклятье Герцога. И, насколько сумел определить Третий, оно легло и на Пайпер.

Может, она застряла здесь навсегда, как и каждый из них.

Это, конечно, позволило бы Эйкену расспросить её обо всём, что ему интересно, но также вгоняло в тоску.

— Свободна, — объявила целительница, закрепив на руке Стеллы последний узелок.

Эйкен не помнил имени этой женщины, — должно быть, она совсем недавно во дворце, — но с улыбкой поблагодарил её. Стелла тихо повторила вслед за ним, всё ещё злясь, что ей пришлось идти за помощью.

— Надо переодеться, — сказала она, когда Эйкен подошёл к ней. Стелла вернулась в человеческое тело уже здесь, и целительницы, вновь удивлённые этим превращением, завернули её в сдёрнутую с одной из кроватей простыню. — Если Третий увидит меня в этом, он будет расстроен.

Она хихикнула и выбежала в коридор, босыми ногами шлёпая по холодному каменному полу. Эйкен ещё раз поблагодарил целителей за оказанную помощь и поспешил за ней.

Изучив весь дворец, они всё равно любили иногда плутать по его длинным коридорам, широким лестницам и тайным путям для слуг, которым на самом деле пользовались многие. Сейчас было иначе: дворец стоял на ушах, совет Киллиана был недоволен очередным проявлением своеволия Третьего, а целители спешили в одно и то же место. Туда же хотели явиться и Эйкен со Стеллой, потому что любопытство — это то, благодаря чему они выживали во дворце.

Стелла переоделась быстро, очевидно, схватив первую попавшуюся одежду из горы, которая возвышалась на кровати в её покоях. Эйкен ждал её в коридоре, внутренне мучаясь из-за нетерпения, а когда она наконец вышла, тряся непричёсанными волосами, ему всё же пришлось сказать:

— Причешись.

Стелла была выше него на голову, но Эйкену, когда он этого хотел, удавалось выглядеть достаточно грозно. Если рядом не было Клаудии, Магнуса или самого Третьего, уследить за взбалмошностью и неопрятным видом Стеллы мог только он — тринадцатилетний мальчишка, за которым, как говорил Джинн, нужно всё время приглядывать.

— А когда я волчица, никого моя шерсть не смущает! — проворчала Стелла, пропуская локоны цвета соломы сквозь пальцы. — Это всего лишь волосы…

— Мы во дворце, — со вздохом напомнил Эйкен.

— Да какая разница!

Эйкен, выпустив одну из своих теней, живущих у него на предплечье, приказал ей указывать дорогу. Тень Мыши была одной из самых безобидных его теней и первой, которую он подчинил, ещё будучи в плену у тварей. Мышь как-то заползла в его камеру, где не было ни тепла, ни света, и стала воровать его скудную еду. Одна из мелких, не очень разумных тварей, следившая за Эйкеном, раздавила несчастную мышь, когда та всего-то проползла мимо. Эйкен, успевший привязаться к маленькой мыши, дождался, пока тварь уйдёт, и отделил тень от тела — это стало его первой и осознанной манипуляцией проклятием, произведённой самостоятельно, без давления приказов тварей, и Эйкен ею очень гордился. Мышь не была большой и сильной, как Волки и Львы, не могла доставлять послания, как Вороны, Соколы и Орлы, но она напоминала ему о том, с чего он начал. А ещё Мышь всегда знала нужную дорогу, даже если Эйкен не приказывал запоминать её.

Тень размером чуть меньше ладони беззвучно бежала по каменному полу, виляя тонким хвостом. Эйкен следовал за ней по коридорам и лестницам, избегая взглядов слуг, прибывших

гостей и послов и всех, кого дела завели в стены дворца. Стелла шла рядом, принюхиваясь, и на одной из лестниц неожиданно ускорилась. Эйкен приказал Мыши вернуться на его предплечье и побежал за Стеллой, поймавшей нужный запах.

Она с грацией, совсем ей не присущей, впорхнула в комнату и, оттеснив уже закончивших работу целительниц, подлетела к оторопевшей Первой и выпалила:

— Как ты себя чувствуешь?

Эйкен остановился в паре метров, стараясь соблюсти хоть какие-то приличия. Стелла и вовсе о них забыла, едва не наклонилась к Пайпер, нагло нюхая её, но та резко отодвинулась, проворно соскочила с кровати и замерла.

— Прости её, — пробормотал Эйкен, стыдливо втягивая голову в плечи. — Стелла… немного переживает.

Пайпер ничего не ответила. Казалось, она не замечала ни их, ни целительниц, собирающих все свои принадлежности для работы в небольшие деревянные сундучки с ручками.

Выглядела Пайпер неважно, и дело было вовсе не в её лице, синяках, царапинах и гематомах, постепенно меркнущих благодаря тщательному уходу целителей в крепости Икаса и магии Третьего. Пайпер, стоя возле большой кровати с балдахином, одетая в неброскую серую рубашку, выданную ей на замену испорченному верху, выглядела несчастной, раздавленной и напуганной. Золотые глаза стали совсем тусклыми.

— Я не помню, — сиплым голосом произнесла она.

— На нас напали, — с готовностью ответил Эйкен, — и нам пришлось дать бой…

— Нет, это-то я помню, — отмахнулась Пайпер. — Я не помню, как оказалась здесь. Что я делала.

— А ты… — начала было и осеклась — целительницы всё ещё были в комнате.

Все во дворце видели, что был открыт настоящий портал, но вряд ли стоило и дальше трепаться об этом на каждом углу.

— Спасибо за помощь! — невозмутимо продолжила Стелла, улыбаясь целительницам.

Самая старшая из них, Ветон, свела брови к переносице и недоверчиво уставилась на Пайпер.

— Где вы её вообще раздобыли? — спросила она, ничуть не смущаясь.

Ветон была из семьи фей, поколениями применявшей чары для врачевания. Однако Вторжение и последующая жизнь в Диких Землях, как знал Эйкен, лишили кровь её семьи необходимых крупиц магии, и Ветон была последней, кто ещё мог использовать её крохи через сигилы. Она никогда не тратила свои силы, которые было так трудно восстановить, на мелкие порезы и ссадины, но, судя по тому, как блестели её стальные глаза, а на лбу — пот, сегодня ей пришлось потрудиться. За это она, возможно, имела право знать хотя бы часть правды.

Младшие целительницы ушли, оставив Ветон одну. Женщина была одной из самых смелых жительниц Омаги и никогда не боялась вслух задать вопрос, о котором другие не смели и думать. И если Третий приводил в город кого-то ещё, а её вызывали, всегда спрашивала, ради кого вся эта суматоха.

— Это долгая история, — уклончиво ответил Эйкен, чувствуя себя неловко. Правду-то Ветон, может, и заслужила, но он не мог раскрыть её без чужого согласия. Раз Третий сказал, что никто не должен узнать, что Пайпер — сальватор, значит, придётся выкручиваться иначе. Если, конечно, через сигилы Ветон уже не поняла, кто такая Пайпер, и не пыталась убедиться в этом через остальных. — Третий как-нибудь объяснит.

— Уж пусть постарается, — спокойно сказала Ветон, приглаживая растрепавшиеся чёрные волосы, и посмотрела на Эйкена так властно, что он ещё выше поднял плечи и ниже опустил голову. — Я ощутила что-то мощное внутри неё, но, полагаю, раз сам Третий так печётся о ней, он уже успел влить в неё немного своей магии?

А так ли это на самом деле?.. Эйкен понимал в магии не больше остальных, хотя порой и сам ощущал влияние Времени на себе.

— Что-то вроде того, — с улыбкой поддакнула Стелла.

Пайпер стояла, смотря на Ветон нечитаемым взглядом, и молчала. Целительница выдержала её взгляд и, кивнув на поднос, стоящий на дубовом столе возле окна, сказала:

— Сначала выпей синий отвар, потом белый. Вечером я принесу другие.

Ветон уже было направилась к двери, когда Пайпер, будто пересилив себя, хрипло выдавила:

— Спасибо.

— Это моя работа, — махнула рукой Ветон и вышла, закрыв за собой дверь.

Пайпер нетвёрдой походкой направилась к столу, взяла склянку с синим отваром и, поколебавшись мгновение, помахала над ней ладонью, направляя запах к себе.

— Ужасно пахнет.

— Но лучше всё же выпей, — осмелился посоветовать Эйкен. — Неизвестно ещё, сможешь ли ты сама восстановиться после такого мощного выброса магии…

— Что?

В её голосе отчётливо слышались звенящие нотки, хотя лицо осталось бесстрастным, что заставило Эйкена нервничать ещё сильнее.

— Магии в этом мире мало, — напомнил он, стараясь не слишком уж ёжиться под внимательным, сверлящим взглядом Пайпер. — У магов и тех, кто склонен к чарам, теперь есть определённый запас магии. Что-то вроде колодца, как говорил Третий. Если исчерпаешь его до самого дна, вряд ли сможешь вновь восполнить.

— И, вероятнее всего, умрёшь, — добавила Стелла.

— Это я знаю. Ну, про то, что от полного магического истощения можно умереть, — Пайпер рассеянно взмахнула ладонью. — Но неужели я зачерпнула настолько много?

— Ты же открыла портал! — радостно выпалила Стелла, захлопав в ладоши. — Даже Третий не может этого! Чудо, что ты ещё жива!

Пайпер исступлённо уставилась на неё и, протянув многозначительное «э-э», тихо ответила:

— Спасибо за веру в меня.

— Всегда пожалуйста.

— Стелла, вообще-то, права. Ты могла умереть. Должно быть, Дикие Земли ещё не подавили всю твою магию, — стал рассуждать Эйкен, старательно вспоминая всё, что знал о магии Третьего и Джинна. — К тому же на тебе остался след твоего родного мира, где магии гораздо больше. Он, наверное, и спас тебя в этот раз.

— Наверное? — переспросила Пайпер.

— Наверное, — с ещё большим сомнением повторил Эйкен. — Я не маг, я…

— Тогда кто ты? — перебила она. — Я видела, как ты создавал тени. Разве это не магия?

Эйкен задержал дыхание всего на секунду. «Теперь это твоё оружие, — говорил ему Третий, впервые увидевший тени, поселившиеся на левой половине тела Эйкена. — Твоё, а не тварей».

— Это моё оружие, — собрав всю свою уверенность, ответил Эйкен. — Моё проклятие, которым я научился управлять. Это не магия. Магия питается эмоциями, чувствами, даруется богиней, а проклятия накладываются тварями и питаются хаосом.

Пайпер кивнула с таким видом, будто ухватила всё на лету, и быстро выпила содержимое первой склянки, на которую указала Ветон.

— Ладно, за ответ принимается, — пробормотала она, поморщившись из-за отвара.

Эйкен внутренне завопил. Что же это за мир, из которого она попала к ним, если она так мало понимает в магии?..

— Ты просто спроси Третьего, — легко предложила Стелла, — он тебе всё объяснит. Или Джинна, он очень умный!

— Вот как, — Пайпер взяла вторую склянку и, недоверчиво оглядев её, пробормотала себе что-то под нос и резко выпила её содержимое. Она вновь поморщилась, тряхнула головой и побрела к груде тряпья на полу. — Очень информативно. Я же точно знаю, кто такой Джинн.

Стелла начала объяснять, а Пайпер стала рыться в горе вещей. Эйкен сумел различить только её странного вида плащ, какой-то слишком плотный, бежевый, и странного фасона, с заштопанными плечами. Не менее странный тёплый верх насыщенного красного оттенка превратился в лоскуты ткани — целители разрезали его и отодрали от тела Пайпер, когда пытались добраться до её ран.

— Как твои плечи? — осторожно спросил Эйкен.

Пайпер подняла свой плащ, встряхнула его и бросила на кровать.

— А что с моими плечами? — будничным тоном поинтересовалась она, оглядывая комнату.

— У тебя были следы от ран, когда Икасовы охотники тебя нашли.

— Следы, — бездумно повторила Пайпер, кладя ладонь на правое плечо. — Точно. Меня ранили. Очень сильно. Должно быть, Сила исцелила. Или Третий опять подшаманил.

— Он не читал тебя.

— Что? — не поняла Пайпер.

— Что? — вторил ей Эйкен.

Он никому, даже Третьему, не говорил о том, что в одну из ночей, когда Первая была без сознания, тень Мыши принесла тревожную новость. Эйкен незаметно подсылал её, желая убедиться, что за Пайпер хорошо ухаживают, но узнал совершенно другое: один раз Пайпер проснулась прямо в момент, когда раны на её плечах промывали и зашивали, и тихо, но с угрозой потребовала, чтобы об этом никому не говорили.

Третьему так и не рассказали, а он сам не применял магию в достаточном количестве, чтобы узнать об этих ранах. Сила и впрямь исцелила их, должно быть, почти сразу же после появления, однако внутри правого плеча застрял обломок когтя твари, и потому целителям крепости пришлось делать надрез, а затем аккуратно зашивать его.

Мышь видела это, а после принесла информацию Эйкену. Он никому так и не сказал об этом.

— Ты правда будешь притворяться, что я не расслышала? — с расстановкой произнесла Пайпер, немигающим взглядом уставившись на Эйкена.

Он всерьёз колебался: ему нравилась Пайпер, хотя они были знакомы от силы несколько дней. Но лгать ей не хотелось, как и не хотелось лгать Третьему, но Эйкен просто не мог сказать о том, что ему принесла Мышь.

Заскучавшая Стелла подбежала к окну и прилипла к нему, высматривая что-то во дворе. Эйкен, внутренне метающийся ещё несколько секунд, всё же ответил через силу, неспособный более молчать:

— Мышь видела твои раны на плечах. Она слышала, как ты просила целителей не говорить об этом Третьему.

Пайпер, наконец, едва заметно шевельнулась — все эти мучительные мгновения она сверлила Эйкена немигающим взглядом, а сама напоминала статую.

— А он сам не догадался? Он же касался моей магии. Да и с чего бы целителям слушать меня?

— Я ничего не знаю. Может, дело в том, что он уже давно не ощущал сальваторской магии и чувствовал только её, а может…

— Магнус возвращается! — крикнула Стелла, с силой хлопнув по толстому стеклу. — Третий, наверное, скоро закончит отчитываться перед Киллианом. Давайте поедим!

Она посмотрела на Пайпер большими жёлтыми глазами, в точности воспроизводя щенячий взгляд, но та оставалась непоколебима. Она выдерживала напор Стеллы, которая ещё и начала тихо, жалостливо поскуливать, целую минуту, за которую Эйкен успел сотню раз испытать облегчение из-за того, что рассказал о том, что узнал о ранах, и оплакать самого себя, потому что Пайпер точно убьёт его за то, что он влез не в своё дело.

— Хорошо, — наконец сдалась Пайпер. — Давайте поедим.

На этот раз Эйкен точно выдохнул с облегчением.

— Выйдите, я хочу переодеться.

— Попросить принести что-нибудь другое? — услужливо предложил Эйкен, уже пятясь к двери.

— Нет. Моя одежда мне нравится.

— Тогда… я позову кого-нибудь, чтобы испачканную одежду отнесли к прачкам. И, наверное, — Эйкен с сомнением покосился на пятна крови, засохшие на коленях Пайпер, — брюки тоже стоит…

— Они классные, — невозмутимо перебила его Пайпер. — В жизни с ними не расстанусь.

— Как скажешь, — смиренно согласился Эйкен. — Мы подождём в коридоре, если не возражаешь.

Пайпер не ответила, из-за чего он снова начал волноваться.

***

Не особо понимая логически, почему она так упрямилась, Пайпер не хотела расставаться со своей одеждой. Джинсы ещё выглядели более-менее нормально: пережили и два столкновения с демонами, и время в пути, и даже её позорное падение с неба и все удары об ветви деревьев. Аккуратно зашитый в плечах тёмно-красный свитер снова разорвали когти демонов, оставившие и чёрные пятна крови. Пальто и вовсе превратилось в лоскуты, едва держащиеся вместе. На ботинках, что удивительно, крови, чёрной пены и едкой слюны демонов было меньше всего.

Вовремя опомнившись, Пайпер схватила пальто и полезла в карман. К счастью, и кристалл памяти, и брелок с китом были на месте. Облегчённо выдохнув, она проверила, насколько крепка цепочка, на которой висел кристалл, и надела её на шею, а ключи спрятала в карман джинсов.

Оглядывая комнату, — большую кровать, дубовый стол и шкаф, возле которого стояло зеркало, — Пайпер решила, что ей не нравится это место, даже если это была первая попавшаяся комната, куда её затащили, чтобы исцелить. Было здесь что-то отталкивающее, что-то гораздо более неправильное, чем пыль или пятна крови, оставленные ею.

Что-то угнетающее.

Пайпер на мгновение закрыла глаза, поморщившись из-за отголосков головной боли, и покосилась на кучу тряпья, в которую превратился её красный свитер. За неимением лучшего варианта ей пришлось остаться в серой хлопковой рубашке с завязками на груди, которые она затянула как можно туже. Помимо комнаты, не нравилась ей и одежда, в которую её переодели — слишком непривычная, старомодная, чужая.

Аж жуть брала.

Коря себя за мысли, которые она развивала намеренно, лишь бы отсрочить неизбежное, Пайпер выругалась сквозь зубы, собрала всю свою храбрость и буквально метнулась к зеркалу, запретив себе отворачиваться.

Синяк на левой скуле, две царапины на носу и поперёк лба, жёлто-фиолетовые пятна гематом, рассечённая чуть ближе к виску левая бровь. Пайпер выглядела отвратительно. Она ещё различала собственные черты, спокойно открывала и закрывала глаза, не чувствовала рез-

кой и острой боли, шевеля челюстью, и всё равно выглядела и ощущала себя отвратительно, видя все эти увечья.

Пайпер не отворачивалась, запоминая каждую деталь и напоминая себе, что в крепости Икаса выглядела намного хуже.

Никогда особо не обеспокоенная тем, как она выглядит, теперь Пайпер ощущала лишь глубокое отвращение… и тяжесть в районе солнечного сплетения.

Она замерла, удивлённая этим, и попыталась сосредоточиться на почти что знакомом чувстве. В этот раз было намного сложнее: казалось, что в последний момент, когда она уже касалась слабых нитей магии, те ускользали.

С каждым медленным ударом сердца тяжесть растворялась, сменяясь натяжением. Его Пайпер узнала сразу же — магия тянулась к магии. Совсем как тогда, в крепости, когда Третий увидел её.

Пайпер напряжённо считала секунды. Обострившийся из-за Силы слух почти не помогал, не давал различить ни чужих шагов, ни слов. Всё вокруг мешало своей странностью, было непонятным и пугающим.

Настоящий дворец, нелепая одежда, люди иного мира.

Сам иной мир.

В дверь никто так и не постучался, но в конце концов Пайпер расслышала тихие голоса. От того, что её караулили, стало не по себе. Эйкен, может, и сказал, что они со Стеллой будут ждать за дверью, но Пайпер же не говорила им, что согласна. Может, она собиралась здесь забиться в угол и долго кричать в никуда.

Резко выдохнув, она подошла к двери и распахнула её.

Третий опустил руку, сложив ладони, и отступил на два шага.

— Здравствуй, — с лёгкой улыбкой произнёс он. — Как ты себя чувствуешь?

Из-за его спины выглядывала Стелла, заматывающая бинты на руке.

— Крутой дворец, — выпалила Пайпер.

Третий улыбался всё так же, но едва заметное движение его бровей явно говорило о том, что он совершенно её не понял.

— В смысле, он… большой. Красивый, — исправилась Пайпер, вцепившись в дверной косяк левой рукой.

— Ты ведь его ещё не видела, — озадаченно возразил Третий.

— Чутьё, — кивнула Пайпер уверенно. — Сальваторское.

— О. Чутьё.

Никакого чутья, естественно, не было, они оба это знали. Пайпер просто несла чепуху, потому что не знала, что делать.

Она не понимала Третьего. Не представляла, почему он пытался показать себя заботливым хозяином, принимающим важных для него гостей. Приказывала себе насторожиться, потому что всё внутри неё именно этому и противилось. Рядом с Третьим она расслаблялась, словно это был не Предатель, а Эйс или дядя Джон.

Очередная мысль о них мгновенно лишила Пайпер спокойствия. Она втянула воздух через рот, пытаясь как можно дольше сохранять невозмутимость как минимум внешне. Кто знает, что произойдёт, если она даст слабину.

Третий может оказаться и не таким уж заботливым и внимательным, как он демонстрировал.

— Честно говоря, я думала, тут похуже будет, — затараторила Пайпер с наигранной непринуждённостью, до того фальшивой, что её не заметил бы только слепой. Но взгляд Третьего мигом ожил, стал заинтересованным, и она, мысленно чертыхнувшись, продолжила: — Ну, знаешь, немного страшных развалин здесь, немного там… Пепел, пыль, паутина. Что-то такое.

«*Боже, до чего нелепо…*»

Стелла прищёлкнула языком и переглянулась с Эйкеном. Пайпер, внутренне чувствующая себя идиоткой, насторожилась сильнее прежнего.

Не перегнула ли она палку, пошутив о своих ожиданиях относительно дворца? Она же понятия не имела, что здесь происходило во время Вторжения и после него. Может, тут и впрямь всё было разрушено, а восстановлено хотя бы наполовину намного позже.

Пайпер ждала хоть какой-то реакции, которой всё не было. Третий, словно выпав из реальности, всё смотрел в её лицо без единого намёка на раздражение из-за её слов, неприязни или затаённой боли до тех пор, пока его взгляд, наконец, не опустился ниже — на кристалл, который она забыла спрятать под рубашкой.

Третий едва слышно выдохнул и, быстро подняв руку, так же стремительно опустил её, крепко сжав дрожащий кулак.

Пайпер сощурилась, глядя на него.

— Разрешишь показать тебе одно место?

Словно у неё был выбор. Даже если ради этого он и пришёл, что-то в его глазах неуловимо изменилось, как только он увидел кристалл, и тело отреагировало раньше разума.

— Без проблем, — нарочито легко согласилась Пайпер, притворившись, что не заметила, как в голосе проскользнула дрожь.

— Идём.

Третий отступил в сторону и в коротком жесте указал вправо. Пайпер, не сводя с него взгляда, наконец переступила порог комнаты. Он, натянув далеко не искреннюю улыбку, а будто у кого-то скопированную и оттого кривую, направился вперёд. Пайпер покосилась на Стеллу, на что она, активно закивав, вприпрыжку побежала за Третьим.

Он остановился до того резко, что она врезалась ему в спину, оглянулся через плечо и холодно бросил:

— Вас я не приглашал.

— О-о-о, — понимающе протянул Эйкен. — Так вы идёте туда?..

— Точно туда, — с умным видом подхватила Стелла, словно ничуть не обиженная словами Третьего. — Ну, удачи!

— Встретимся в общем зале, — пробормотал напоследок Эйкен, после чего Стелла потянула их в противоположную сторону.

Пайпер стало неуютно: что это за место такое, которое Третий хотел показать только ей?

— Убить меня хочешь? — полушутливым тоном спросила Пайпер, когда они свернули в следующий коридор.

Третий, идущий впереди, замедлился и непонимающе покосился на неё.

— Я не хочу тебя убивать.

— Тогда почему Стелла и Эйкен не могли пойти с нами?

Третий остановился. Пайпер постаралась незаметно отступить на шаг, чтобы увеличить расстояние между ними, но он заметил это и даже вздрогнул, будто от неожиданности.

— Ты боишься меня? — тихо спросил он, но в пустом коридоре с высокими потолками его вопрос разлетелся гулким эхом.

— Нет, — тут же ответила Пайпер, раздираемая противоречиями.

Одна её часть, — по правде сказать, большая, — разумеется, боялась Третьего. Несколько дней бок о бок и парочка проявлений заботы и внимания не могли так легко завоевать её расположение. Другая же часть вся расслаблялась рядом с ним, словно Пайпер всё ещё была дома и ничего не знала о сигридском мире.

— Тогда почему ты думаешь, что я хочу убить тебя?

У Пайпер дёрнулся глаз. Он что, правда не понимает?

— А зачем ты ведёшь меня в какое-то тайное место, куда другим нельзя?

— Потому что доверяю тебе.

С точно таким же взглядом дядя Джон рассказывал ей о причинах, вынуждающих его скрывать существование сигридского мира. Раскаяние, честность, которую ничто не могло скрыть, и желание доказать значимость произнесённых слов.

Если Пайпер нужно было нечто большее, чем проведённое время вместе и немного заботы и внимания, то Третьему не нужно было ничего вовсе. Только факт того, что Пайпер находилась рядом.

— Мы знакомы меньше недели, — напомнила она, сложив руки на груди, чтобы стать хотя бы немного внушительнее и серьёзнее.

— Я не могу просто… подавить это, — запнувшись, пробормотал Третий, провёл ладонью по волосам, зачёсывая пряди назад, и глубоко вздохнул, на пару мгновений прикрыв глаза, словно от боли. — Я чувствую Силу, верю ей. И поэтому верю тебе.

Значит, он просто привязан к Лерайе. Неудивительно, конечно, но совсем немного неприятно.

Пайпер видела несколько воспоминаний Йоннет, и во всех был Третий. Она тепло приветствовала его в доме Лайне, скрытом в горах, когда они встретились после долгой разлуки. У фей она первой пошла проверить его, а Пайпер, тогда тонувшая в ощущениях и чувствах Йоннет, хорошо различала каждую из нитей, крепко связавшую сальваторов. И она тонула в ужасе, боли, страхе и сожалении во время Вторжения, когда Йоннет умирала, а Третий пытался успеть к ней.

Пайпер и сейчас практически задыхалась от боли, своей и чужой, отражающейся в голубых глазах Третьего и слабым теплом отдающейся в кристалле Йоннет, висящем на шее.

«*Он просто привязан к Лерайе*», — повторила про себя Пайпер, стиснув зубы, чтобы, как она чаще всего и делала, не огрызнуться и не обострить ситуацию ещё сильнее.

Почему-то ей совсем не хотелось, чтобы Третий, лишь желающий присутствия другого сальватора рядом, стал жертвой её резкости и злости.

— Я не Йоннет, — в конце концов сказала Пайпер, и её голос почти не дрогнул, что она посчитала бы победой, если бы Третий не продолжал смотреть на неё с затаённой нежностью и печалью, которых она не заслужила.

— Я знаю, — тихо ответил он. — Мне жаль, если я заставил тебя думать, будто ты важна для меня исключительно из-за того, что владеешь Силой и этим напоминаешь Йоннет.

Пайпер нахмурилась, изо всех сил стараясь не отводить взгляда. Она не виновата, что Лерайе выбрала её, и не будет ощущать стыда за то, что не напоминала Йоннет.

Ни за что на свете.

— Если не хочешь идти — хорошо, я провожу тебя обратно. Было бы неплохо подобрать тебе хорошую, более уютную комнату и подходящую одежду. К тому же я хотел познакомить тебя с…

Пайпер сдалась, что поняла это лишь после того, как с губ сорвалось:

— Веди.

Третий тихо, рвано выдохнул, явно разочарованный, но тут же взял себя в руки и, спокойный и невозмутимый, как и до этого, направился в противоположную сторону. В сторону комнаты, от которой они ушли.

— В смысле, веди в своё тайное место, — уточнила Пайпер, удивлённо вскинув брови на то, что и он так быстро сдался. — Хочу посмотреть на него.

Третий развернулся, мгновенно сменив направление, и Пайпер показалось, что уголки его губ почти дрогнули в улыбке.

Она совсем не понимала этого сальватора.

Пайпер следовала за ним, отставая на несколько шагов и запретив себе разглядывать коридоры дворца или людей, встречающихся на пути. Кто-то приветствовал их, кто-то молча

проходил мимо, кротко или боязливо кивнув. Третий никому не отвечал, никого не удостаивал взглядом, и Пайпер ни разу не заметила, чтобы хоть один человек был этим оскорблён. Казалось, все они просто принимали отстранённость Третьего как данность и не считали нужным интересоваться, замечает ли он хоть кого-то.

Лишь когда стало заметно холоднее, Пайпер оторвала взгляд от спины Третьего. Прибранные коридоры дворца, украшенные старыми гобеленами, статуями и мягкими коврами, сменились пустыми и запущенными. В углах и оконных рамах густо скопилась пыль. Мраморный пол покрывали трещины и многолетняя пыль, на которой чётко прослеживалась дорожка чьих-то следов. Что самое странное, света было достаточно — буквально через пару метров потолок кончился, были видны лишь края растрескавшегося камня там, где рухнула крыша, и за ними отчётливо удавалось разглядеть затянутое серыми тучами небо.

Они шли ещё несколько минут в абсолютной тишине, а коридоры становились всё старее и запущеннее. Где-то уже не хватало частей стен, где-то валялись обломки крыши, где-то упали колонны. Третий будто намеренно вёл её запутанным маршрутом, чтобы показать все разрушения, выпавшие на эту часть дворца.

Наконец в конце очередного коридора показались огромные распахнутые двери, ведущие в просторный зал. Пайпер поёжилась из-за холода и прошла за Третьим, огибая части разрушенных колонн с причудливыми лепнинами. На возвышении в другом конце зала валялись крупные обломки белого камня, кажущиеся ей смутно знакомыми.

Пайпер остановилась, отошла в сторону, чтобы сменить угол, и пригляделась повнимательнее.

— Боже мой, — изумлённо выдохнула она, прижимая ладонь ко рту.

На возвышении лежали обломки тронов. Скольких именно — она не знала. Зато точно понимала, что это было то самое место, где она оказалась, когда Иснан затянул её в карман между мирами. Здесь Пайпер видела свору демонов, пожирающих кого-то, и Арне, который смог вылечить её плечо.

Как это вообще возможно?..

— Пайпер?

Она вскинула взгляд на Третьего, остановившегося перед разрушенными тронами, и, проглатывая крик ужаса, подошла ближе.

Третий поднял руку, указывая на пустую стену за тронами, и щёлкнул пальцами. Стена мгновенно вспыхнула множеством бледно-голубых сигилов, распространяющихся по другим поверхностям с быстротой ветра. Всего через несколько мгновений сигилов стало так много, что весь зал тонул в мягком голубом свете.

— Что это? — опасливо спросила Пайпер, оглядываясь по сторонам. Она с трудом узнавала лишь один сигил из десяти, а их тут было сотни, если не тысячи.

— Имена, — ответил Третий, огибая троны.

Пайпер, в сомнениях потоптавшись на месте, последовала за ним.

Третий подошёл к стене и, поводив пальцем в воздухе, указал на один из сигилов. Пайпер пригляделась: издалека казалось, что они были нанесены беспорядочно, но вблизи оказалось, что состояли из куда более мелких сигилов. Как слова состояли из букв.

— Это имя Йоннет, — Третий провёл по строчке сигилов, на которую указал, кончиком пальца.

На этот раз Пайпер поёжилась не из-за холода.

— Это, — он переместил палец влево, чуть ниже, — королевы Жозефины. Рядом — короля Роланда. Здесь же имена их детей. Вот тут, — он указал вправо от имени Йоннет, — наследница фейского Сердца.

Пайпер едва сумела проглотить комок нервов. Сигилов-имён на этих стенах было даже не тысячи, а десятки тысяч.

Или даже больше.

— Я записал здесь имена тех, кто погиб во время Вторжения. Разумеется, я не могу знать обо всех жертвах. Даже мне, сальватору Времени, это не по силам. Однако если я узнаю о чём-то, то обязательно прихожу сюда и записываю имя этого сигридца.

— Зачем? — только и смогла выдавить Пайпер.

— Потому что те сигридцы, которые живут сейчас, молятся лишь за себя. Они просят богов, ирау и элементалей защитить их, облегчить им жизнь или подарить быструю, безболезненную смерть, если та неизбежна. Но мало кто по-настоящему молится за тех, кто погиб. Я думаю, это меньшее, что я могу сделать, чтобы искупить свои грехи.

— Почему ты показываешь это мне?

Третий, оглянувшись на неё, уже было собирался ответить, но так ничего и не сказал. Он низко опустил голову, и даже так оставался выше Пайпер — макушкой она доставала ему до плеч.

— Впрочем, твоё право, — проговорила она, спохватившись. Ей хотелось узнать ответ, но не настолько, чтобы пытать Третьего раньше времени.

— Думаю, — всё же подал голос Третий, — я показываю это не тебе, а Лерайе. Я понимаю, что эти имена для тебя не значат того же, что и для меня. Но я бы хотел, чтобы и ты, и она знали о них.

— Как ты это делаешь? Просто рисуешь сигилы в воздухе?

Третий оторопело моргнул, словно удивлённый вопросом, резко меняющим тон их разговора, и кивнул.

— Поможешь записать одно имя? — набрав в грудь побольше воздуха, попросила Пайпер.

— Диктуй.

— Нет, покажи, как это делается. Я должна сама записать это имя.

Третий поджал губы, сложил два пальца вместе и, вытянув руку к небольшому пустому месту на стене, очертил в воздухе незамысловатый знак.

— О, так всё настолько просто…

Пайпер проигнорировала его очередной нечитаемый взгляд и протянула руку, сложив два пальца вместе.

Собственная магия искрила от присутствия родственной магии, отчего внутри Пайпер всё горело. Она не знала точно, пытался ли Третий незаметно помочь ей Временем, но ощущала его присутствие и мягкое, невесомое прикосновение его магии, готовое в любой момент либо исчезнуть, позволив ей всё сделать самостоятельно, либо подсказать и направить.

Неуверенная, что действовала правильно, Пайпер осторожно потянула за нити собственной магии, которые тут же оплели кончики её пальцев, помогая вывести нужные буквы. Сила прямо-таки ликовала, наконец отпущенная на волю, пусть и ради такой мелочи, но Пайпер совсем не чувствовала радости из-за того, что не сорвалась и сумела правильно использовать магию.

Когда она закончила, её рука дрожала. Она поспешно опустила её, боясь, как бы Третий не заговорил об этом, и впилась взглядом в выведенное на стене имя. Среди сигридских оно казалось неуместным.

— Я не могу прочитать это, — признался Третий спустя несколько секунд тишины.

— Это земной язык, мой родной.

Всего три буквы, а её сердце болезненно замерло и разорвалось на тысячи кусочков.

Дядя Джон говорил, что она не виновата, но она знала, что это ложь.

Третий молча смотрел на имя, слегка нахмурившись. Пайпер, не выдержав, севшим голосом произнесла:

— Его звали Рик, и я убила его.

Глава 7. Я с тобою навсегда

Третий ожидал чего угодно, но только не признания в убийстве. В его голове просто не укладывалось, что Пайпер, эта земная девушка, выросшая в совершенно иных условиях, способна на нечто настолько ужасное, как убийство.

Это *он* был таким. Его локти были по локоть в крови всех рас. Он убивал, смотря в глаза своим жертвам, ещё сохраняющим сознание, уничтожал их тела и души, крошил разумы так же, как кости — в пыль, без остатка. Он убивал магией, зачарованным оружием, простой сталью, голыми руками, но лишь после того, как появились первые шрамы. Он захлёбывался в чужой крови и практически не чувствовал боли из-за этого, но всего несколько слов Пайпер заставили барьеры, которые он тщательно возводил две сотни лет, покрыться трещинами.

Что могло сподвигнуть её на убийство? В голове Третьего проносились тысячи вариантов ответа на вопрос, который он не решался задать, и память, расшевелённая магией, каждый следующий вариант делала хуже предыдущего.

Вплоть до этого момента он не понимал, почему убивали Йоннет и Масрур, если иного выхода не оставалось, почему не позволяли ему Временем закончить всё быстро и без потерь или ран с их стороны. Йоннет считала себя в ответе за остальных, потому что была самым первым сальватором в истории. Масрур лишь пытался облегчить её ношу и прикладывал больше усилий после того, как Йоннет пришлось обратиться за помощью к Елене.

Третий никак не мог найти этому логического объяснения, но чувствовал, что как сальватор он провалился. Это он должен был убить того, чьё имя теперь было среди множества сигридских.

Не Пайпер.

Она же лишь недавно стала сальватором.

— Он пытался убить меня, — сказала Пайпер, смотря на имя из трёх букв. Третий больше не силился его прочитать, однако природный интерес ко всему, что было для него неведомым, проснулся. Пришлось тут же подавить его, когда Пайпер уточнила: — Вернее, не он, а то, что от него осталось. Мне сказали, что к тому моменту самого Рика уже не существовало. Проклятие демонов, осквернение хаосом и всё такое.

Третий едва заметно качнул голову, внутри испытывая огромное облегчение. Получается, то был уже не человек, а искажённое влиянием хаоса существо, от которого она защищалась.

— Но мне не даёт покоя мысль, что я убила именно Рика.

Третий убил тысячи сигридцев, которых демоны превратили в своих послушных, но безмозглых зверей, однако понимал, что это необходимо. Знала ли об этом Пайпер?.. Разгадывать человеческие эмоции ему до сих пор было сложно. Он старался не смотреть ей в лицо слишком пристально, оставляя как можно больше места для личного пространства и не лишая чувства свободы, — Магнус говорил, что это правильно и что люди будут очень благодарны за такое отношение, — и всё же ловил себя на том, что жадно и тщательно изучал каждую черту лица Пайпер, ища в её эмоциях хоть какую-то подсказку. Сведённые к переносице брови, — левая была рассечена и, возможно, навсегда останется со шрамом, — поджатые губы, довольно быстро вернувшиеся к своему естественному, здоровому оттенку, две царапины, на носу и поперёк лба, синяки и гематомы, сверлящие пространство золотые глаза.

Третий почти поднял руку, поддавшись желанию поделиться своей магией, чтобы ей было легче.

«*Она не Йоннет*».

Он не понимал, кому принадлежала мысль, ему самому или Арне, но тут же опустил руку. Словно ничего не заметившая Пайпер быстро проговорила:

— Я убивала демонов и до этого. Не я, вообще-то… — мгновенно стушевалась она, скованно поведя плечами. — Лерайе брала моё тело под контроль и сама всех раскидывала и распинывала. Я вопила от ужаса где-то глубоко внутри. С Риком было иначе.

— Тебе не нужно рассказывать об этом, если это тяжело, — торопливо напомнил Третий.

Пайпер посмотрела на него, как на умалишённого. Третий совсем растерялся. Разве Йоннет не упоминала, что, когда человеку тяжело, собеседнику не стоит так настойчиво лезть с разговорами и подстёгивать продолжать? Третий думал, что хорошо помнил тот урок, — или то, во что он превратился в его сознании, истерзанном когтями демонов, — однако от взгляда Пайпер ему становилось как-то неуютно.

Наверное, дело было в том, что он противоречил сам себе. Привезя в Омагу Стеллу, он спрашивал её, может ли он как-то помочь ей справиться со страхом, засевшим глубоко внутри неё. Пытался разговорить её, предлагал различные способы, которые могли помочь побороть живущие в ней ненависть, ярость и боль. Он говорил с Киллианом, с Магнусом, с Эйкеном. Даже с Джинном, хотя тот никогда не раскрывал своих истинных чувств либо из нежелания, либо потому, что многого о себе не помнил. Третий делал всё, чтобы помочь им, настойчиво вытаскивал на поверхность то, о чём они не хотели говорить, потому что знал, что они никогда не сделают первый шаг сами.

Но они также никогда не были *сальваторами*.

— Ты когда-нибудь убивал? — вдруг спросила Пайпер, посмотрев на него.

— Людей или... демонов? — слово всё ещё казалось ему чужеродным, но вместе с тем напоминало о временах, когда он общался с земными магами. Напоминало о Стефане и Елене, о судьбах которых он ничего не знал. Язык, которым Пайпер записала имя Рика, тоже напоминал об этом.

— И тех, и других.

— Да, — коротко ответил Третий, не видя смысла во лжи. — Я убивал, и много.

Он никогда и ни перед кем не пытался скрыть этого факта, но от внимательного взгляда Пайпер было так неуютно, словно она мучительно медленно вытягивала из него все тайны, которые он с каждым днём старательно хоронил всё глубже. Будто знала, кого он убил на самом деле, какими способами и сколько времени это заняло.

В этом самом зале.

— И как?

— В каком смысле? — не понял Третий.

— Что ты чувствовал? Тебе понравилось или было противно?

Третий совсем растерялся. Он настолько старательно хоронил все свои тайны, что умудрялся забывать, что именно чувствовал.

Впервые Третий совершил намеренное убийство во время Вторжения — здесь, в этом зале. И он не был доволен этим, как раз наоборот: тошнило не от хаоса, пропитывающего собой каждый клочок пространства, или крови, льющейся рекой, а от того, насколько быстро Третий совладал с собой и нашёл причину, по которой должен убить. Секундой позже, когда тело первой жертвы уже рассыпалось под напором его магии, он едва сумел перебороть отвращение и ненависть к самому себе и забрал Нотунг, которым убил и вторую жертву. А потом ещё раз. И ещё. Ещё, ещё, ещё. До тех пор, пока его кровь, полученная во время сражений, не смешалась с кровью жертв, а синее пламя не охватило всех тварей, посмевших встать у него на пути.

Третий захотел убить себя в то же мгновение, когда оборвал жизнь короля Роланда из рода Лайне, но не имел права делать этого. Сигриду нужны были сальваторы, а Третий был одним из них. Ему пришлось продолжить сражение, перед этим пообещав самому себе, что придумает достойное наказание за свои грехи.

Но когда момент наступил, Третий остался совсем один. Без Йоннет и Масрура, без их сакрификиумов, которых не мог отыскать. Ему отчаянно хотелось сдаться, однако пришлось вновь подниматься и сражаться за Сигрид.

Третий не хотел, чтобы Пайпер видела его слабость или думала, что он чудовище, даже если на самом деле он был им. Он ответил тихо, аккуратно подбирая каждое слово и стараясь не обращать внимания на какую-то до боли знакомую злость в её золотых глазах:

— Я хотел убить себя. Хотел, чтобы твари разорвали меня на части. Но я не мог сдаться, потому что меня ждали Йоннет и Масрур.

— И что ты тогда сделал?

— Убил всех, кто мешал мне, и сразился за север.

Секунда размышлений, которая не только не стёрла следы злости во взгляде Пайпер, но и добавила недоверчивости, показалась Третьему вечностью.

— Но я слышала, что великанов истребили первыми.

Она уже говорила об этом, и Третьему было интересно, откуда она знала историю Вторжения. Кто сумел спастись и рассказать обо всём, произошедшем в Сигриде, и кто обвинил его в предательстве миров? Хотя, конечно, последнее он вовсе не хотел спрашивать.

«*Эгоист*».

Кому бы ни принадлежала эта мысль, она была правильной.

— Первые бреши открывались на севере и юге. Я отправился на север и сумел защитить его от первых легионов, убил столько тварей, сколько смог, но потом почувствовал, что нужен Йоннет и Масруру. Я оставил север другим великанам и магам, однако вторая волна легионов была намного сильнее и опаснее. Я думал, что успею привести хоть сколько-нибудь магов на защиту, но твари не отступали. Я сумел вернуться лишь после… — Третий остановился, внезапно почувствовав, как отяжелел язык. Он больше не мог говорить об этом, не желал вспоминать те ужасные мгновения, когда нить, оставшаяся между двумя последними сальваторами, оборвалась. Он и так стоял в зале, залитом кровью рода Лайне и очищенным огнём его магии.

Третий смог вернуться лишь после того, как погибла Йоннет, но даже частицы Силы, что он забрал у неё, не хватило, чтобы защитить север. Великаны умирали один за другим, а легионов тварей становилось всё больше. Маги, пришедшие на помощь, не справлялись.

Ему пришлось сделать то, что едва не убило его и заперло выживших в бесконечном круге кошмара и хаоса — отделить части Сигрида и поместить их в пространство Диких Земель, желая спасти как можно больше людей.

— Как демоны могли убедить сигридцев, что ты предал их? — задумчиво пробормотала Пайпер, обхватывая себя за плечи, словно и не заметила, как он замялся и замолчал.

Третий проследил за её резкими движениями как можно незаметнее, боясь, что лишнее внимание лишь укоренит все её сомнения в нём. Он видел, как двигались её плечи, а пальцы слегка дрожали, и надеялся, что это не из-за страха перед ним.

Тогда почему она…

— Прошу прощения, — спохватился Третий. — Я могу предложить свой камзол, чтобы ты согрелась?

Пайпер недоумённо покосилась на него и со смешком выдала:

— Вау, а ты такой воспитанный!

Третий не знал, как правильно реагировать на эти слова, и потому ответил первое, что пришло на ум:

— Было бы неприличным настаивать на этом без твоего согласия.

Пайпер неестественно широко улыбнулась, но промолчала. Третий чувствовал, как напряжение внутри неё затягивалось в тугой узел, и уже был готов потратить лишние капли магии, чтобы разделить с ней тепло, как делал это в пути, но она всё же пробормотала:

— Спасибо, а то я и правда что-то замёрзла.

Третий едва не вздохнул с облегчением, снял камзол и протянул его Пайпер, и она, неловко взяв его, быстро надела и втянула голову в плечи. Третий был выше и шире в плечах, и оттого камзол почти висел на Пайпер, что её, похоже, ничуть не волновало.

Сам Третий иногда забывал, что не все прошли те же изменения, что и он. Что кто-то всё ещё мог чувствовать холод и голод, нуждался в нормальном сне. Он помнил об этом на пути в Омагу, — всё же нужно было позаботиться, чтобы Пайпер расположили с удобствами, — но сейчас все эти мысли элементарно вылетели из его головы, сменившись тревожными, сосредоточенными на прошлом, что в очередной раз напомнило ему, как сильно он отличался от великана, которым был когда-то.

— И всё-таки, — проговорила Пайпер, её голос звучал глухо из-за бархатного ворота, который она подняла повыше, — как демоны смогли убедить сигридцев, что ты Предатель?

Третий, вновь взявший над собой контроль, почти не испытал разочарования. Он бы предпочел, чтобы этот разговор закончился, чтобы Пайпер не выпытывала из него подробностей, которыми он не хотел делиться, но одновременно с этим был готов дать ответы, которые она заслуживала и как сальватор, и как человек, втянутый в противостояние с демонами уже здесь, в Диких Землях.

— Я помню, что среди нападавших была одна достаточно сильная демоница, которая умела проникать в сознание, — ответил Третий и повёл плечами, стараясь избавиться от напряжения в теле. Плотная чёрная ткань рубашки неприятно скользнула по совершенно ненужной повязке, которую наложила Клаудия.

— Она одна смогла повлиять на такое огромное количество людей? — удивилась Пайпер.

— Нет, даже для неё это чересчур. Она лишь внушала простую мысль, что я поступил не так, как должен был, а другие демоны уже укрепляли эту мысль, принимая мой облик там, где это было нужно. Те, кто был сильнее, вместе с ней проникали в умы сигридцев и закрепляли мысль о моём предательстве. Маракс был одним из них.

Пайпер, уже отвернувшись обратно к стене с именами, поражённо выдохнула и резко обернулась к Третьему, одними губами повторив:

— Маракс?

— Ты знаешь его?

— Он… Я видела его. Он прошёл через брешь, которая открылась в доме моего дяди. Он напал на особняк… Он проклял его и ранил меня, — быстро закончила она отстранённым тоном, оборвав уже начатую мысль.

В её словах Третий слышал эхо далёкого шума, напоминающее хлопанье кожистых крыльев и щёлканье острых зубов.

Маракс не сгинул в хаосе — он нашёл способ возродиться из него же, но уже во Втором мире, и как-то нашёл Пайпер. Он ранил её, о чём Третьему целители в крепости Икаса не сказали.

Теперь он ненавидел себя и за то, что позволил себе забыться в ощущении родственной магии и тонул в нём, не замечая очевидного.

— Что он сделал? — ровно спросил Третий, уже представляя, как будет отчитывать промолчавших целителей, если не лично, то в письмах Икасу.

— Ранил меня, — повторила Пайпер и закатила глаза. — Я же только что сказала.

— Как он сделал это? Как он сумел подобраться к тебе? Почему он…

— Эй, полегче, — Пайпер толкнула его в плечо, и Третий замер, поражённо смотря на её кулак. Она сразу же убрала руку и отступила на пару шагов, словно сделала что-то противозаконное, и подозрительно уставилась на него.

— Что это было? — непонимающе спросил Третий.

— Прости, — пробубнила Пайпер без всякой искренности в голосе.

— Зачем ты ударила меня?

— Это в шутку. Земная фишка.

— Фишка? — осторожно повторил Третий. — Я… кажется, слышал об этом. Это для какой-то земной интеллектуальной игры, верно? Вроде наших шахмат. Но при чём здесь эта игра?

Несколько мгновений Пайпер молча таращилась на него во все глаза, а после зажала рот ладонями, издав странный, приглушённый звук. Её плечи мелко задрожали.

— Я сказал что-то не то?

— У меня нервы сдают, — напряжённо смеясь, выдавила Пайпер, немного опустив ладони, чтобы открыть ему свою улыбку. — Что ты там говорил про Маракса?

— Это ты про него говорила. Он ранил тебя и кого-то проклял. Твоего дядю, если я правильно понял из того, что услышал.

— Нет, не его, — покачала головой Пайпер, сохраняя на лице нервную улыбку. — Кое-кого другого.

— Проклятие удалось снять?

— В каком-то смысле. Или нет. Я не знаю. — Она пожала плечами, будто они говорили о чём-то совершенно бессмысленном, простом и лёгком, и взглядом, ставшим скучающим, проскочила по множеству имён на стене перед ними. — А ты когда-нибудь был во Втором мире?

Вопрос оказался до того неожиданным, что Третий сумел только кивнуть. Дела никогда не заводили его настолько далеко, но один раз он был вынужден совершить Переход на Землю и помочь своему давнему другу. Он помнил то время как спокойное, а земные пейзажи казались ему красивыми и чудными одновременно. Было в них что-то невероятное, что делало их привлекательными даже в ту ужасно жаркую погоду, которую застал Третий.

— Много видел? — непринуждённо продолжила спрашивать Пайпер, подходя к стене справа.

— Почему ты так интересуешься этим?

Пайпер остановилась, выглянула из-за полуразрушенной колонны и бодро ответила:

— Анкеты для лучших друзей у меня нет, так что я стараюсь заполнять её мысленно!

Какую бы странную чушь она сейчас ни произнесла, понять которую он не мог из-за её лёгкого акцента, та была ложью. Магия внутри неё замерла хищником, готовым атаковать при первых признаках слабости.

Третий ощущал страх, едва не толкающий к бегству.

— Тебе страшно?

Пайпер обогнула колонну, с деланным вниманием осматривая стену с именами, и ответила только спустя несколько секунд:

— Я не боюсь тебя.

— Я не спрашиваю про себя. Тебе страшно из-за Диких Земель?

Пайпер плотнее запахнула его камзол и собрала руки на груди, промолчав. Третий совершенно не понимал, почему она согласилась взять его, а не сказала, что хочет уйти. Разве ей не было противно носить на себе вещь того, кто убил так много сигридцев и терзал её вопросами?..

Он подождал ещё немного, надеясь получить ответ, но Пайпер будто забыла о его присутствии. Она не возвращалась к предыдущим темам, не задавала новых, ещё более странных вопросов, только отрешённо осматривала зал. Третий, в конце концов придя к выводу, что ничего не изменится, если он так и будет стоять на месте и молчать, прикрыл глаза и позвал:

— Арне.

Открыв глаза, Третий посмотрел на появившегося перед ним сакри: как и всегда, бодрого и свежего, чего нельзя было сказать о магии, потерявшей равновесие из-за недавнего всплеска Силы.

— Твои мысли и чувства до того сумбурны, что я не узнаю тебя, — с широкой, уверенной и отчасти даже насмешливой улыбкой произнёс Арне, гордо приосанившись. — Совсем растерялся?

Третий скрестил руки на груди и выгнул бровь.

— Хочешь, чтобы я явил Лерайе? — фыркнув, уточнил Арне.

— Я обещал, что они поговорят.

— А местечко получше найти не мог?

— Арне, — предупреждающе произнёс Третий.

— Ладно-ладно, — он покачал головой, примирительно подняв ладони. — И почему мне достался такой несносный мальчишка… Эй, солнышко! — он резко развернулся и направился к Пайпер, которая с сомнением покосилась в его сторону и напряглась, словно раздумывала, не сбежать ли. — Как же я рад тебя видеть!

Пообещав этот разговор, Третий не ожидал, что придётся организовать его так скоро. Он так и не рассказал о главной причине, по которой была разделена Лерайе, и не представлял, какие слова лучше подобрать. Эту тайну он берёг от всех без исключения и даже Киллиану, самому близкому из великанов, ничего не сказал. Дикие Земли верили, что Йоннет погибла во время Вторжения при таинственных обстоятельствах, а Лерайе исчезла. Третий старательно поддерживал эту легенду, рисуя Йоннет настоящей героиней, золотым светом своей магии уничтожавшую тёмных созданий.

Не осталось никого, кто опровергнул бы его слова, сказав, что она сражалась мечом, подвергая своё хрупкое человеческое тело немыслимому риску.

— Прежде чем восстанавливать саму сущность Лерайе, — будничным тоном начал объяснять Арне, в приглашающем жесте протянув Пайпер ладонь, — тебе следует окрепнуть, Первая. Так что сегодня ограничимся самым малым проявлением магии сакри.

— Как же ты умело меняешь темы, — улыбнувшись одними уголками губ, сказала Пайпер Третьему. — В чём суть этой манипуляции?

«*Но это ты меняешь темы*», — озадаченно подумал Третий, подходя ближе. Сначала человек, которого она убила, потом Вторжение, а после Маракс и ранение, которое он ей нанёс… Третий никак не мог правильно сформулировать своё желание осмотреть рану, оставленную им, исключительно ради того, чтобы помочь правильно залечить её.

— Мы просто немного поговорим с Лерайе, — сказал Арне, кивнув на свою протянутую ладонь. — Самую малость. Смелее, солнышко.

— У меня есть имя.

— Можешь и мне какое-нибудь прозвище придумать, я не возражаю. Что-нибудь очень привлекательное, хорошо?

Пайпер, немного подумав, уверенно кивнула. Третий почувствовал себя лишним и к тому же глупым, искренне не понимая, почему она согласилась.

— Так из-за чего Лерайе была разделена?

Третий будто наяву слышал треск пламени, совсем близко, будто тот самый камин в горном доме Лайне был в жалком метре от него. Шелест, с которым Твайла листала какую-то книгу, пока они ждали Йоннет, и скрип кожи — Масрур никак не мог найти удобную позу в кресле. Третий помнил, как его собственные шаги гулким эхом разносились по пустым коридорам и залам, как запах вёл его в винный погреб, а желание подавить дурное предчувствие возрастало с каждой секундой. Он помнил, как ощутил надлом в пространстве, поначалу лёгкий и неуверенный, а после такой знакомый, ставший порталом для Йоннет.

Она была несчастной и разбитой, но старалась держаться и говорить уверенно, будто они были малыми детьми и могли заплакать из-за одной плохой новости. Твайла и впрямь чуть не заплакала: подробности, описанные Йоннет, были ужасны.

Пайпер смотрела на него в ожидании ответа, который Третий не мог дать. Только не сейчас, когда воспоминания так свежи и болезненны. Только не сейчас, когда глаза Пайпер такие же яркие и уверенные, как у Йоннет.

«Я не Йоннет».

Разумеется, она не Йоннет. Они были схожи лишь цветом глаз и магией сакри, и сравнивать их друг с другом было глупо и нечестно. Но Третий так отчаянно этого хотел. Это помогло бы чувствовать себя лучше.

Это, возможно, напомнило бы ему, что по-настоящему он не один.

Однако это также напоминало, что вкус Лерайе на своих сальваторов странный. Люди — хрупкие существа. Третий видел, как они ломались и исчезали, ничего после себя не оставляя. Он помнил, как Йоннет сражалась исключительно с помощью своего тела, не используя магию, и, прочитав её всю после смерти, прочувствовал каждую сломанную кость и каждую глубокую рану, которую она получила.

Люди — хрупкие существа, и сейчас это было единственным, что Третий видел в золотых глазах Пайпер.

Она молча смотрела на него, не замечая тихого ворчания Арне. Сакри вполне мог рассказать ей обо всём, даже показать, применив магию, но решил, что это должен сделать Третий.

Третий ненавидел себя за это так сильно, что не мог нормально дышать.

— Проклятие, — наконец произнёс он дрогнувшим голосом. Он слишком хорошо помнил то ужасное чувство, возникшее, когда он пытался магией отыскать внутри Йоннет нужные им ответы. Третий втянул ледяной воздух и продолжил, буквально вытолкнув сквозь зубы: — За тридцать лет до моего становления сальватором Йоннет прокляли, и она не могла больше вмещать в себя всю Силу.

Пайпер прыснула от смеха и перевела какой-то обезумевший взгляд на Арне, но тот холодно кивнул. Она быстро сникла.

— Тридцать лет? Так, это выходит… Она тридцать два года не могла использовать Силу?

Третий бы обязательно заострил внимание на том, что она точно знает, сколько лет он был сальватором до Вторжения, и поинтересовался, кто именно рассказал ей об этом, но сдержался.

— Лишь самую малую часть, позволявшую ей жить.

— Но это же… Это же бред! Как Йоннет могла быть сальватором, но при этом не управлять всей Силой?

— Ты знаешь, что сакри могут сделать кого-то наследниками своей магии?

— Знаю, — кивнула Пайпер, почему-то зажевав ответ.

— Проклятие нарушило связь Йоннет и Лерайе, из-за чего магия начала выходить из-под контроля, а хаос, поселившийся в Йоннет, захватывал её тело. Тогда Лерайе пришлось выбрать наследников. Йоннет обратилась к давней знакомой — магу, которая помогла Лерайе безболезненно отделить большую часть Силы и распределить её между выбранными наследниками. Они надеялись, что это ненадолго, и, когда проклятие будет снято, наследники откажутся от Силы, а Йоннет вновь будет владеть всей магией. Когда Арне выбрал меня, мы сумели запечатать внутри Йоннет малую часть Силы, которую она и использовала до конца жизни без вреда для себя.

Уточнять, почему Йоннет не отказалась от всей Силы, ему не пришлось: они оба знали, что связь с сакри устанавливалась на всю жизнь, и отказ от магии означал мгновенную смерть.

— Как демоны смогли создать такое проклятие?

— Я не знаю, — честно ответил Третий, подняв взгляд к сумрачному небу — потолка в зале, как и во многих помещениях в этой части дворца, не было. — Это не то проклятие, которое может наложить любая тварь. Оно совершенствовалось годами, если не десятилетиями и веками.

— Чего-чего? Сколько Йоннет вообще было лет?

— На момент становления Масрура сальватором Йоннет уже была Первой около ста пятидесяти лет.

— Нельзя же так с ходу всё вывалить на неё, — укоризненно произнёс Арне, погрозив ему пальцем, когда Пайпер подавилась воздухом и закашлялась. — Стоит быть чуть аккуратнее.

— То есть вы хотите сказать, — едва справившись с кашлем, прошипела Пайпер, — что Йоннет была сальватором сто пятьдесят лет, а ты — всего два года?

Третий не знал, что на это ответить и чего она ждала, и потому развёл руками.

— Вообще-то двести двадцать два года, — исправил её Арне.

— Вообще-то это меня никак не успокоило!

Третий инстинктивно сделал шаг вперёд, но Арне остановил его взмахом ладони.

— Лучше моего несносного мальчика всё равно никого нет, — улыбаясь, сказал он Пайпер. — Даже если он знал Йоннет всего два года, наша с ним магия помнит её опыт, который она передавала через Силу. И этот опыт сильно поможет тебе, если ты не будешь упрямиться, Первая.

— Арне, хватит.

— О, нет, — неожиданно заявила Пайпер, метнув раздражённый взгляд в сторону сакри, — мне интересно, что ещё он может сказать.

— Не провоцируй её, Арне, — предпринял ещё одну попытку Третий.

— Это не провокация, а разговор. Если Первая желает ответов, будет лучше, если она их получит.

Третий не мог больше терпеть этого. Он действительно знал Пайпер ничтожное количество времени, — дни, что она провела без сознания, не в счёт, — но хотел защитить её. От правды, которая ударит слишком сильно, если к ней не подготовиться, от Арне, порой любившего показывать своё превосходство над смертными.

Третий, только-только начавший привыкать к двусторонней связи глубоко внутри своей магии, не мог потерять её и подвести Йоннет и Лерайе ещё раз.

— Пожалуйста, — произнёс он, преодолев разделявшее их расстояние, — возьми меня за руку.

— Темноты испугался? — ничуть не изменившись в лице, спросила Пайпер.

— Она над тобой издевается, — громким шёпотом сообщил Арне.

— Нет, не испугался, — честно ответил Третий, не найдя в простом вопросе Пайпер издевательства, которое разглядел Арне. — Я хочу показать тебе Лерайе, раз уж Арне опять обиделся из-за того, что я пытаюсь быть осторожным.

Сакри возмущённо всплеснул руками и исчез, но сразу же появился возле разрушенных тронов и сел на один из них, демонстративно отвернувшись.

— Ты привыкнешь к его характеру, — попытался заверить Третий, заметив недоверчивый взгляд, направленный на Арне. Тот занял именно шестой трон в общем ряду, второй из числа тех, что стояли по левую сторону от одного из главных.

Арне, как и всегда, вкладывал в свои действия гораздо больше, чем замечали другие. Очередная загадка для Первой, которая, как надеялся Третий, останется неразгаданной как можно дольше.

— Ты правда можешь показать Лерайе?

— Да.

— И она не будет таинственно молчать и смотреть так, будто она героиня мелодрамы?

Даже Арне развернулся и заинтересованно уставился на Пайпер.

— Опять твои земные словечки?

— Они самые. Ну что ж, — она расправила плечи и, не отводя от Третьего взгляда, уверенно произнесла: — Вперёд.

Третий трепетно взял её протянутую ладонь и едва не отдёрнул руку сразу же. Его окатило волной ледяного страха, подавляющей растерянности, всё нарастающей пустоты и ощущения собственной никчёмности. Пайпер была пропитана негативными, противоречивыми чувствами, которые только существовали, и никак с ними не боролась.

— Тебе страшно, — тихо заключил Третий, подняв взгляд на её лицо и увидев, как она всё так же стойко держала беззаботную улыбку. Интересно, поймёт ли она, что он лишь желает поддержать её, и поверит ли, что это не обман?

— Да с кем не бывает, — бросила Пайпер, не переставая улыбаться. — Лучше помоги явить Лерайе.

— Ты боишься не только Диких Земель, но и меня, — продолжил Третий, заставляя свой голос звучать ровно и уверенно. — Ты думаешь, что я использую тебя, чтобы добиться своего?

— Давай я отвечу после того, как поговорю с Лерайе, договорились?

«*Нет*, — едва не взмолился Третий, кожей ощущая, что присутствие Арне, наконец, исчезло и что сакри не поможет ему, с какими бы просьбами и молитвами к нему ни обращались. — *Умоляю, нет…*»

Третьему, давно потерявшему способность остро чувствовать всё то, что чувствовали обычные великаны, было страшно, больно и одиноко. Он лишь хотел ощущать, что рядом есть кто-то, кто поймёт его. Не Киллиан, принявший его в род Дасмальто, и не Клаудия, благодаря голосам мёртвых узнающая чужие тайны. Они были сигридцами и проклятыми, и на их плечах лежала ответственность за Дикие Земли.

Третий же эгоистично желал общества другого сальватора.

— Мне очень жаль, — практически прошептал он, стараясь не замечать, какой напряжённой была рука Пайпер в его руке.

— За что?

— За то, что я — первый сальватор, которого ты встретила. Впечатление, должно быть, ужасное.

— Неоднозначное уж точно, а вот насчёт ужасного… Не знаю. Я успела разное увидеть.

Третий мигом насторожился.

— В каком смысле?

— Отвечу после того, как поговорю с Лерайе.

«Отвечу после того, как ты сам сможешь призвать Арне».

Голос Йоннет, одновременно насмешливый и строгий, звучал в его ушах. Третий заваливал её и Масрура вопросами о магии сакрификиумов, а Йоннет обещала ответить лишь после того, как Третий сможет выполнить поставленную перед ним задачу.

— Жаль, что это я, а не Масрур, — непроизвольно растягивая слова, произнёс Третий, пока рисовал на запястье Пайпер нужный сигил. — Он мог найти подход к любому.

— А Масрур, кстати, мой кумир!

Сердце Третьего болезненно сжалось, а затем пропустило удар. Золотистый свет вырвался из границ сигила и заполнил собой зал, поглощая отголоски присутствия Арне.

— О, — выдала Пайпер далеко не так безэмоционально, как рассчитывала. Третий всё ещё держал её руку и знал, что внутренне она вопила и металась, не зная, что ей делать.

— О, — вторила Лерайе, появившаяся возле них.

Она выглядела такой живой и материальной, что Третий не сумел подавить желание и протянул к ней левую ладонь. Первое мгновение Лерайе смотрела на него пустым взглядом тёмно-фиолетовых глаз, но потом вдруг улыбнулась, обнажив белоснежные зубы, на фоне фиолетовой кожи казавшиеся ещё белее, и схватила его за руку.

— Я наконец нашла тебя, — насмешливо сказала Лерайе, сжимая его ладонь.

— Рад, что мне не пришлось ждать ещё две сотни лет, — ответил Третий, и его губы будто сами собой растянулись в улыбке.

— Не будь таким злюкой, — хохотнула Лерайе, высвободив руку и начав ерошить ему волосы. — Ты теперь, вообще-то, в роли наставника!

Третьего словно наотмашь ударили; сердце болезненно сжалось и пропустило удар во второй раз. Он резко отошёл в сторону, всё ещё держа руку Пайпер и, аккуратно пригладив волосы, произнёс самым спокойным тоном, в котором, однако, проскальзывали нотки радости и возбуждения, которые никак не удавалось скрыть:

— Ты здесь не ради меня.

Внутри Пайпер была такая злость, что, будь она настоящим огнём, весь дворец бы уже охватил пожар. Третий разрывался между желанием вновь коснуться Лерайе и ещё раз убедиться, что она рядом, и напоминанием для сакри: она связана не с ним. У него есть Арне, а у Пайпер — Лерайе. Даже если он безумно скучал по Лерайе и искал её всеми возможными способами, первой она должна поговорить именно со своим сальватором.

— И ты не будь такой злюкой, — с уверенной улыбкой добавила Лерайе, отвечая на уничтожающий взгляд Пайпер своим непоколебимым и при этом невозмутимо наматывая на палец локон сине-лиловых волос. — Я знаю, что ты винишь меня, потому что никогда не отвечала на твой зов, но что я могла? Я разделена на части, и чтобы вновь стать целой…

Пайпер, не выдержав, во весь голос заорала:

— Так объяснила бы мне, чёрт тебя подери!

Лерайе вскинула ладони, будто защищаясь, и продемонстрировала им белые узоры многочисленных сигилов, обозначающих её разделение на части. Третий-то знал, как они читаются и что обозначают, даже примерно представлял, как они были созданы, но Пайпер — нет. Она, увидев их, разозлилась ещё сильнее:

— Вместо того чтобы давать какие-то туманные подсказки, могла сказать, что разделена на части! Что-то типа: «Эй, Пайпс, знаешь, я ни хрена не целая, меня разорвали на кусочки каким-то идиотским мощным проклятием, так что не рассчитывай на мою помощь, пока я вновь не буду собой! Да, кстати, Третий жив и не предавал миры». Что-нибудь такое!

Третьему даже польстило, что в своей гневной тираде Пайпер не забыла упомянуть и его, однако он всё равно начал сильно волноваться. Как он успел заметить, Лерайе выбрала сальватора под стать своему характеру, и Третий вполне мог оказаться меж двух огней.

Может, он поспешил? Следовало сначала обсудить с Пайпер границы её магии, которые обозначились после Перехода в этот мир и двух столкновений с тёмными созданиями, и тщательно продумать, где и когда устроить ей разговор с Лерайе. Имея внутри себя малую часть сакри, что ещё теплилась в Йоннет после наложения проклятия, он мог устроить встречу в любой момент, но всё равно считал, что необходимо подготовиться к этому. И когда он только успел стать таким импульсивным?..

— И что бы это тебе дало? — равнодушно спросила Лерайе, сверху вниз смотря на Пайпер.

— Не знаю, — зло огрызнулась та, сжав кулаки. Так как одна рука всё ещё была в руке Третьего, он ощутил, как у него хрустнули суставы. Несильно, однако всё равно ощутимо. — Ничего, наверное.

— Вот именно — ничего. Я говорила только то, что было важно на тот момент, потому что знала, что ты поймёшь это.

— Но я не поняла, — задрожавшим голосом ответила Пайпер. — Я ничего не поняла! Почему я видела Арне, почему после воспоминаний Йоннет было и его, — она махнула рукой в сторону Третьего, вновь врезав ему по плечу, — почему ты брала моё тело под контроль… Я ничего не поняла.

Третий захотел исчезнуть. Всё, что происходило в Омаге, касалось и его, но только не этот разговор. Он почти ненавидел себя за то, что только его магия позволяла Лерайе стоять перед ними.

— Мне жаль, что это запутало тебя, — наконец произнесла Лерайе, немного наклонившись вперёд, чтобы посмотреть Пайпер в глаза без разницы в росте. — Однако ответить на все твои вопросы я смогу лишь после того, как вновь стану собой.

Она растворилась в воздухе, превратившись в лёгкий туман. Пайпер возмущённо раскрыла рот и метнулась вперёд, разведя руками, но сакри не вернулась.

— Да ты издеваешься! — закричала Пайпер, ударив по обломку, первому попавшемуся ей под ноги. Третий подумал, что сейчас она закричит уже от боли, но этого не произошло. Камень пошёл трещинами, и Пайпер от злости ударила по нему ещё раз. Затем она вцепилась себе в плечи, и Третий услышал тихий треск. Меньше чем за мгновение Пайпер стянула и протянула ему камзол. — Держи.

— Зачем?

Какой же глупый вопрос.

— Тебе больше не холодно? — осторожно уточнил Третий.

— Холодно, но иначе я от злости порву его!

— Рви, если от этого будет легче.

Буквально впихнув камзол ему в руки, Пайпер отошла на несколько шагов и запустила пальцы в волосы. Третий стоял, смотря ей в спину, и пытался отчаянно придумать хоть какой-то план. Она, несомненно, имела право злиться на Лерайе, особенно с учётом положения, в котором оказалась. Здесь всё было чужим и пугающим, знакомых лиц и вовсе не было. Даже Арне, периодически навещавший её ещё в другом мире, не мог обеспечить чувство хоть какой-то безопасности.

Третий почти сделал шаг вперёд, но остановился. Он был никем и ничем. Он никак не мог помочь Пайпер, потому что испортил всё с самого начала. Единственное, что он мог сделать — это просто уйти, оставив ей камзол, чтобы она не замёрзла.

Он приблизился всего на пару шагов, всем своим видом пытаясь показать, что не хочет лезть туда, где ничем не может помочь. Пайпер, заметив его, мотнула головой и вновь отошла. Третий скорее услышал, чем увидел, как отчаянно она подавляла слёзы.

— Пожалуйста, возьми камзол, иначе совсем замёрзнешь.

Пайпер ничего не ответила.

— Хорошо, — пробормотал Третий, — я тебя понял.

«*Мог бы хоть чем-то помочь*», — мысленно проворчал он, обращаясь к Арне.

«*Я привёл её магию в равновесие, помог явить Лерайе. Чего ещё ты ждёшь от меня?*» — беззаботно ответил Арне, растворяясь в его сущности.

— Я могу оставить сигилы, которые укажут тебе путь обратно, чтобы ты не заблудилась. И могу нарисовать другие, чтобы ты согрелась. Это потребует больше магии, чем когда я делился хорошей переносимостью холода с помощью Времени, но…

— Погоди! — Пайпер резко обернулась, и Третий остановился. — Нет, стой… Погоди. Не… не уходи.

Третий нахмурился.

— Ты уверена?

— Было бы намного проще, если бы ты лгал, — быстро начала Пайпер, убирая упавшие на лицо волосы, — но ты не лжёшь. Я же чувствую это. А она… Пожалуйста, не уходи.

— Ты ведь не доверяешь мне.

— Как и ты мне. Ты доверяешь сальватору, а не Пайпер Сандерсон.

— Что ж, моя ошибка, — немного подумав, согласился Третий. — В таком случае я не уверен, что тебе будет легче, если я останусь.

Пайпер так долго жевала нижнюю губу, что Третий уже решил, что его молча выгоняют. Он даже сделал осторожный шаг в сторону, хотя сама его магия противилась этому действию, и едва заметно кивнул в сторону распахнутых дверей.

— Не уходи, — выпалила Пайпер, опуская плечи. — Пожалуйста, Третий, не уходи.

Она не могла по-настоящему нуждаться в нём — сама ведь говорила, что едва знает его. Но Третий прочувствовал её страх и боль слишком хорошо, и теперь знал: она запуталась и не знала, кто она и что ей делать. Пайпер не доверяла Третьему так, как он доверял ей, пусть даже его доверие было построено на образе сальватора, но всё равно просила остаться.

Возможно, ей просто хотелось, чтобы рядом был хоть кто-то живой. Было бы, конечно, лучше, если бы это был Эйкен или Стелла — у Третьего, на самом-то деле, ужасно получалось поддерживать.

— Конечно, — ответил он, сдержанно улыбнувшись. — Если ты просишь, я не уйду.

— Только не подумай ничего дурного, — быстро проговорила она, пнув скопление пыли на полу.

— Ни в коем случае.

Третий подошёл ближе и протянул камзол. Пайпер смотрела на него секунды-две и потом с обречённым вздохом вновь надела его. Она уставилась Третьему куда-то в район ключицы стеклянным взглядом, и он вновь успел подумать, что с ним что-то не то, однако Пайпер, уткнувшись подбородком в бархатный ворот, пробормотала:

— Я тоже хочу такой крутой камзол.

Глава 8. Месяц не ведал мощи своей

Киллиан со сдержанным интересом смотрел на девушку перед собой, выглядящую так, словно она хотела провалиться сквозь землю. Наспех приглаженные чёрные волосы, запах соли на побледневшей коже бронзового оттенка, озадаченность пополам с нездоровым любопытством в золотых глазах. И довольно простой камзол из синего бархата, который, вообще-то, принадлежал Третьему.

— Ты не мог найти что-нибудь получше? — пробормотал Киллиан, ущипнув себя за переносицу.

Третий озадаченно склонил голову набок.

— Забудь, — бросил Киллиан. — У тебя в голове, как и всегда, один ветер.

Сидящая за общим столом Клаудия растянула чёрные губы в хищной улыбке.

Третий — невозмутимый и непоколебимый, точно вековое дерево из священной рощи, простирающееся юго-восточнее дворца, — смотрел на них с единственным чувством, которое только мог позволить себе продемонстрировать. Это не было ни растерянностью, ни непониманием, это было исключительным равнодушием ко всем колким комментариям, которыми его награждали остальные.

— Ты сказал, что приведёшь её, — напомнил Киллиан, складывая руки за спиной. Он не мог просто вздохнуть, разочарованный всем и ничем одновременно и в то же время обрадованный, что Третий вновь стал напоминать того самого великана, которого он всегда знал. В присутствии Клаудии Киллиан ещё мог позволить себе вольностей, которых в его прошлой жизни было значительно больше, но не перед человеческой девушкой, укравшей у Третьего камзол.

Киллиан старался держаться величественно, чтобы никто ни на мгновение не поддался мысли, что он не достоин короны великанов, но, наверное, в очередной раз потерпел неудачу. На голове он не ощущал тяжести венка, заменяющего настоящую корону, зато на коже чувствовал солёные брызги и ветер, пробирающий до костей даже самого настоящего великана, рождённого среди льдов и снегов. Несмотря на почти две сотни лет, в течение которых Киллиан представлял себя как короля, в руках которого находилась власть и ответственность за жизни подданных, он всё ещё чувствовал себя слишком слабым и неподготовленным. Управлять родом Дасмальто, довольно малочисленным в сравнении с Лайне, — всего лишь он и Жозефина, бывшие прямыми наследниками и полноправными властителями, — у него получалось лучше, чем управлять целой Омагой, великанами, людьми, эльфами и феями, что присягнули ему на верность. Киллиан просто не представлял, как Жозефина с этим справлялась. Знал, что ей всегда помогал Роланд, и всё равно не понимал, откуда в ней было так много силы, благодаря которой она не только едва не отбила первенство у Роланда, но и доказала всему Ребнезару, что достойна править его народом.

Он как наяву слышал её голос, мягкий в моменты семейных ужинов и громкий во время пиршества, ощущал её руки в мозолях и запах металла и драгоценных камней, из которых состояла её корона. Он слышал её голос, призывающий Гилберта не докучать расспросами о дальних странствиях, и попытки остановить Гвендолин от напряжённых переглядок с Фортинбрасом за право первым сорваться со скучного празднества. Даже удивительно, что при этом она почти не обращала внимания на Алебастра, бывшего куда более сумасбродным.

Киллиан сжал челюсти, смотря Третьему в глаза, и ничего в них не находил. Даже привычная ему расчётливость уступила, когда он совершенно искренне и будто с нотками невинности ответил:

— Я и привёл.

— Два с половиной часа спустя.

Третий пожал плечами.

— Появились дела, требовавшие нашего внимания.

— И под этим вниманием ты, конечно же, подразумеваешь сальваторское.

Не было никаких дел, которые Третий мог охарактеризовать этим словом, но он кивнул, соглашаясь, и уставился на Киллиана раздражающе пустым взглядом. Зато человеческая девушка, неожиданно осмелев и будто услышав предложение присоединиться к беседе, натянула на лицо улыбку и выпалила:

— Кстати, приятно познакомиться. Меня зовут Пайпер.

— Киллиан из рода Дасмальто, принявший корону великанов, — отчеканил он, смотря на неё сверху вниз. Следовало отдать ей должное: под его взглядом она не дрогнула. Если за два с половиной часа Третий, таскающий её непонятно где, не подготовил её к возможному холодному приёму, то это означало, что девушка куда решительнее и смелее, чем он думал. Ему это не нравилось, потому что это означало дополнительные проблемы, которых Киллиан вовсе не желал.

— Мне говорили о вас. Вы стали королём после того, как… — она замялась, очевидно подбирая нужные слова, и осторожно закончила: — Лайне умерли, верно?

Взгляд Третьего наконец изменился, но не в лучшую сторону: потемнел едва не до сапфирового, выдавая раздражение, боль и ненависть. Он отошёл к длинному столу, накрытому на шестерых, — будь проклято это шестое место, — и занял пустое, седьмое, предназначенное специально для него. Третий всегда сидел за противоположным концом, напротив Киллиана, но впервые это ощущалось не как возможность смотреть в глаза друг другу, а как попытка воздвигнуть преграду.

«*Будь проклята человеческая девушка*». Хотя Киллиан, конечно, не мог даже думать о таком, его крайне раздражало, что её неосторожные слова задели внутри Третьего всё то, что он с особым старанием хоронил долгие годы.

Третий никогда не любил разговоров о причинах, вынудивших Киллиана принять корону великанов, — правильнее было бы сказать о полном истреблении Лайне, но, к счастью, они всегда умело избегали этой формулировки, — однако сам Киллиан относился к ним куда спокойнее, чем многие от него ожидали. Он принял правду и смирился с ней, и потому не видел смысла винить Третьего в случившемся, даже если он сам продолжал ненавидеть себя. Он поступил так, как должен был.

— Это так, — кивнул Киллиан девушке, и она тут же, словно едва сдерживала любопытство, спросила:

— Если я правильно помню, вы были братом Жозефины? Ой, то есть королевы Жозефины, разумеется.

— Именно, — ещё раз кивнул Киллиан.

И, не желая больше подвергаться её расспросам, он протянул руку, приглашая Пайпер к столу. Это была необходимая мера, которую обозначил Третий, но которая так сильно не нравилась самому Киллиану. Неужели девчонка такая слабая, что загнётся от одного обеда в одиночестве? Если Третьему так хотелось показать ей, какие они все гостеприимные, мог сам составить ей компанию. Он ведь так рвался защитить её.

Едва подумав об этом ещё раз, Киллиан подавил желание врезать Третьему по затылку. Почему, когда он был намного младше, это срабатывало?..

Пайпер смотрела на протянутую руку Киллиана с таким ужасом, словно он намеревался этой самой рукой свернуть ей шею. Не будь она сальватором и не защищай её Третий так рьяно, Киллиан бы определённо задумался над тем, чтобы просто избавиться от неё.

— Если бы мы хотели тебя отравить, — как бы вскользь упомянула Клаудия, подперев подбородок кулаком, — ты бы уже была мертва.

— Я знаю, — напряжённо отозвалась Пайпер. — Если бы вы хотели меня убить, ты бы всё-таки настояла на том, чтобы Икас отсёк мне голову.

Поколебавшись ещё несколько секунд, она заняла свободное место по правую руку от Третьего, оставив между противоположным концом стола ещё два пустующих места. Киллиан, ничуть не удивлённый подобным выбором, занял главенствующее место, послал Клаудии, оказавшейся справа, предупреждающий взгляд, и учтиво продолжил:

— Ешь, пока не остыло. Уверен, ты голодна.

— Вы даже не представляете, насколько.

Однако она с сомнением покосилась на пустую тарелку перед собой, будто не понимала, что ей делать. Киллиан сильно сомневался, что еда её мира разительно отличалась от здешней.

— Слуг не будет, — напомнила Клаудия.

— Я и не рассчитывала на слуг. Едва Луку стерпела.

— Кого?

— Неважно. Итак, — Пайпер посмотрела на Киллиана, — это что-то типа приветственного ужина?

Киллиан сдвинул брови. Это никогда не было приветственным ужином. В свои покои он никого, кроме Третьего, его кертцзериз и Джинна не пускал. И в этой столовой никто, кроме них семерых, не собирался. Здесь не было ни слуг, ни светских разговоров, ни интриг, что любили плести некоторые советники и доверенные лица из других городов. Это был небольшой, но тихий мир, их собственный, который они тщательно выстраивали многие годы. Это было единственным местом, где Киллиан мог поговорить с Пайпер без лишних ушей, но ему всё равно не нравилось, что она появилась здесь так быстро. В этом было нечто противоестественное.

— Я бы хотел поговорить с тобой, — не ответив на её вопрос, произнёс Киллиан.

— А я с вами. У меня много вопросов.

— Вот как? И с чего бы ты хотела начать?

— У меня есть шанс вернуться домой?

Киллиан опешил. Третий, со скучающим видом смотревший в окно, даже не шелохнулся. «*Молодец*», — едва не похвалил его Киллиан, в последний момент остановив себя от колкости, ведь Третий, очевидно, не сумел бы различить в его словах недовольства и действительно спросил бы, за что его хвалят.

— Не думаю, что я знаю ответ, — прочистив горло, вслух ответил Киллиан. Пайпер вперилась в него озадаченным взглядом золотых глаз, который он стойко выдержал, хоть и испытал при этом неприятное чувство, будто она пытается прожечь в нём дыру. — Ни в магии, ни в проклятиях я не сведущ настолько, чтобы давать обещания, которые ты, возможно, ожидаешь от меня.

— Здесь ещё и проклятия замешаны?

— В Диких Землях не осталось мест, где не были бы замешаны проклятия.

— Вот чёрт…

— Только не ругайся, — резко обернувшись, выпалил Третий. Его глаза всё ещё были на тон темнее, чем обычно, а черты лица будто заострились, но, стоило ему посмотреть на Пайпер, как он даже изобразил подобие улыбки. — Не призывай младших тварей. Это очень плохая идея.

— Во-первых, черти — это не младшие демоны, я читала об этом в магическом трактате. Во-вторых, как мне тогда ругаться? — возмущённо прошептала Пайпер.

— С чего бы тебе ругаться? — наигранно весёлым тоном спросила Клаудия. — Ты во дворце, под защитой самого Третьего, и уже отобрала у него камзол. Что ещё тебе нужно?

— Ответы, — тут же выпалила Пайпер. — Лерайе, возвращение в свой мир, такой же крутой камзол. Пока что всё. Если придумаю что-нибудь ещё, я обязательно скажу.

— Жду с нетерпением.

Киллиан нервно потёр переносицу. Клаудия не слышала за спиной Пайпер голосов мёртвых и оттого была агрессивнее обычного. Эта особенность, отличающая её от всех остальных, беспокоила и Киллиана. Но не больше, чем факт, что Пайпер — сальватор.

Это до сих пор не укладывалось в его голове. Третий бы не стал ему лгать, к тому же Киллиан своими глазами видел, как во дворе открылся портал, и с высоты четвёртого этажа с точностью определил, что сделал это вовсе не Третий — у него элементарно не хватало на это сил. Вернее, сил-то хватало, но вот желания не поддаться зову предков, что он обязательно услышит, доведя себя до полуобморочного состояния, уж точно не было. От нападения тварей Пайпер оправилась быстро, а неделя, проведённая ею без сознания, была рекордной. Никогда прежде человек, получивший столь серьёзные увечья, не восстанавливался так быстро. Если бы Пайпер была магом или потомком фей или эльфов, Переход в Дикие Земли ограничил бы её магию моментально, и лечение растянулось бы на многие недели. Третий так и сказал ему: Сила, имеющаяся у Пайпер, помогла ей.

И всё равно Киллиан не мог поверить, что смотрел на сальватора. Что перед ним был не только Третий, но ещё и Первая, попавшая к ним из Второго мира. Она выглядела как самая обычная девушка, возможно, чуть ярче и живее, чем жители Диких Земель, — а ещё наглее, — но всё равно не выделялась чем-то особенным. Исключая золотые глаза, конечно же. Смотря в них, Киллиан лишь убеждался, что это не сон. Третий нашёл сальватора и даже привёл её в Омагу. Всё это реально.

Но что им вообще делать с ней? Вера в богов гласила, что сальваторы должны направлять сигридцев, свернувших с пути, вершить историю и защищать миры. Третий ещё как-то справлялся с этим, восстанавливая своё имя после Вторжения и поддерживая порядок в городах и крепостях. Пайпер же совершенно не знала, как обстоят дела в Диких Землях. Она не знала языка, говорила с акцентом, — Киллиан сразу понял, что она использовала чары понимания и даже не пыталась усердно выучить другой язык, — не владела магией сакри на том же уровне, что и Третий. Она совсем ничего не умела, и единственное, чего желала, — это вернуться домой.

Сальваторы защищали все миры, до которых могла дотянуться их магия, и это означало, что Пайпер была сальватором своего мира, Земли. Третий был сальватором Диких Земель. Но теперь всё стало иначе. На них обоих легла ответственность за миры, которых они не знали, но которые должны были уберечь от тварей и их нашествия.

Если Лерайе сумела спастись и нашла сальватора на Земле, могли ли сделать так же Рейна и Ренольд? Что, если у Второго мира больше сальваторов, чем все думали?

Из размышлений Киллиана выдернул громкий хлопок в глубине покоев. Тяжелые шаги, лязг металла и скрип кожи могли говорить только о приближении Магнуса. Лишь он позволял себе не таиться, когда оказывался в этих комнатах — Стелла всегда бежала, радостно подвывая, а Эйкен с ходу сыпал вопросами.

Эти дети сводили Киллиана с ума.

— Ох, какая встреча, — театрально выдохнул Магнус, проходя вглубь столовой. Он поставил найденную где-то бутылку вина на стол и грозно посмотрел на Третьего. — А я-то думал, что ты опять пропадёшь где-нибудь, совершенно забыв о моём отчёте!

Явившись в зал совещаний, Магнус не застал Третьего, так что выслушивать его и отправлять к целителям пришлось Киллиану, который также выслушивал недовольство рыцаря тем, что Третий снова пропал, никого не предупредив. Киллиан не стал говорить, что предупреждение всё-таки было, просто иное.

Третий запретил кому-либо говорить с Пайпер о сальваторах, потому что считал это исключительно своей обязанностью.

Пока Стелла и Эйкен рассаживались, почему-то пытаясь соблюдать все приличия, словно этим хотели произвести впечатление на Первую, расположившийся напротив Клаудии Магнус, недолго думая, откупорил бутылку и сразу приложился к ней, будто не заметив расставленных чаш.

— Я устал, — заявил Магнус, сделав несколько больших глотков, хотя никто не просил его объясняться. — Я мечтал об этом с той самой минуты, как мы закрыли брешь.

— Пей больше, — посоветовал ему Третий.

Магнус сразу же насторожился:

— А есть особая причина? Помимо Золотца, разумеется.

— Меня зовут Пайпер, — выдохнула девушка.

— Пей, чтобы никто не поверил тому, что ты увидишь после.

Киллиан сложил пальцы шпилем. Стелла, уже вцепившаяся в баранью ногу, переглянулась с Эйкеном.

— Вы знаете, — невозмутимо продолжил Третий, ненавязчивым движением теребя серьгу-кристалл в левом ухе, — почему о сальваторе Лерайе пока никто не должен знать?

Ответ лежал на поверхности, но никто так и не озвучил его. Даже Киллиан, потому что знал — Третьему нужен не очевидный ответ, а чтобы все поняли, для чего он вообще завёл этот разговор. Если речь заходила о сальваторах, они могли полагаться на свои ограниченные знания и веру в богов, в то время как Третий говорил, полагаясь на опыт.

Однако он молчал, кончиком тонкого пальца очерчивая грань серьги-кристалла, и медленно переводил взгляд льдисто-голубых глаз от одного присутствующего к другому. То ли проверял, действительно ли его слушают, то ли просто поддался воле Арне, порой любившего демонстрировать своё превосходство над смертными. Киллиан не понимал, как сакри, уверенный, сильный, знающий себе цену и не брезгующий напоминать, насколько он уникален, сумел выбрать Третьего, никогда не ставившего свои интересы выше чужих. И не понимал, в какие моменты грань между ними стиралась до того сильно, что не оставалось даже лёгкого следа.

— Сила раздроблена, — наконец произнёс Третий без всякого предупреждения.

Магнус подавился вином. Клаудия, всегда сохранявшая лицо, удивлённо округлила глаза и открыла рот, не способная выдавить ни звука. Стелла мгновенно принюхалась, будто могла почувствовать запах магии. Эйкен вжал голову в плечи и пробормотал что-то себе под нос.

Киллиан на секунду прикрыл глаза. Он знал многое, даже то, что выставляло Третьего в плохом свете и что, распространившись за пределы этих комнат, могло уничтожить все его многолетние труды. Третий доверял Киллиану, потому что был принят им в род Дасмальто, потому что Киллиан стал королём великанов, а Третий всегда был верен короне и никогда от этой веры не отступался. Он даже намёка не дал, что всё может быть *настолько*плохо. Именно это, а не заявление Пайпер об отношении людей Второго мира к Третьему, звучало как настоящее предательство.

— Ты им не сказал? — растерянно спросила Пайпер у Третьего.

— Нет, — с лёгкой улыбкой ответил он. — Как я мог сказать им, если это касается только сальваторов?

— Я не понимаю. — Клаудия отодвинула полупустую тарелку, поставила локти на стол и положила подбородок на переплетённые пальцы. — Как Сила может быть раздроблена?

Третий не отвечал, медленно ведя кончиком пальца по грани прозрачного кристалла в серьге. Клаудия втянула воздух сквозь зубы, демонстрируя своё отношение к очередной тайне, но всё-таки выжидающе уставилась на сальватора.

Он никогда не делился своими планами, только если не считал, что предложенные кем-либо изменения могут быть лучше его собственных идей. Третий знал магию Диких Земель лучше, чем кто-либо другой, даже лучше фей, веками накладывающих чары. Он всегда обла-

дал знаниями, которые были недоступны для других, и Киллиан, вообще-то, не должен был удивиться.

Однако эта тайна, которой Третий поделился только сейчас, спустя две сотни лет, меняла слишком многое. Если Сила была разделена, значит, при Вторжении Йоннет не могла управлять ей в полной мере. Или же Сила была разделена как раз во время Вторжения, в последние минуты жизни Йоннет?

Почему Третий никогда не говорил об этом? Почему он молчал, если не раз признавался Киллиану, что связь между сальваторами была подобна узам с семьёй, которая от него отреклась?

— Третий, — Киллиан говорил строго, холодно, желая подчеркнуть, что уйти от ответа на этот раз у сальватора не выйдет. Он может пытаться сколько угодно, но Киллиан — его король, глава рода Дасмальто, и Третий по праву крови обязан был подчиниться ему. — Когда была разделена Сила?

Третий смотрел на него молча, с вызовом в голубых глазах, сияющих магией. Такое случалось редко. У Третьего просто не находилось причин, чтобы доказывать своё превосходство Киллиану, потому что они всегда были на одной стороне. Они были семьёй, которую никто больше не сможет разрушить. Однако если Киллиан начинал сомневаться в чём-то, что касалось сакрификиумов и сальваторов, Третий менялся за считанные секунды.

— Третий, — повторил Киллиан, вложив в свой голос больше стали.

— Йоннет сражалась до последнего, и ты знаешь это, — с рычащими нотками ответил Третий.

— Я не ставлю под сомнение героизм Йоннет…

— Там не было героизма. Там были только смерть, кровь и боль.

Магнус с круглыми от шока глазами взял бутылку и сделал ещё несколько больших глотков. Эйкен вжался в стул и наверняка пожалел о том, что выбрал место между Пайпер и Магнусом. Только Стелла, немного оправившись от свернувшего не туда разговора, продолжила грызть баранью ногу, с интересом поглядывая на Третьего, сидящего по правую руку от неё.

— Третий, — Киллиан примирительно поднял руки. — Я лишь хочу, чтобы ты понял…

— А я хочу, чтобы поняли вы все: Пайпер оказалась в этом мире не по своей воле. Это значит, что какая-то тварь создала новую брешь, до того совершенную, что я до самого последнего момента не смог определить её. Даже не я, а Арне. Что из этого следует?

— Герцог стал сильнее? — несмело предположил Эйкен.

Третий свёл брови к переносице и поджал губы. Его вопрос был риторическим, и ответ Эйкена был неприятным вмешательством в изложение мысли, которая сформировалась в голове Третьего. Поняв это секундой позже, Эйкен ойкнул и едва не съехал со стула, пытаясь спрятаться от обращённых к нему взглядов.

— Верно, — всё же согласился сальватор, сдержанно кивнув. — Герцог стал сильнее. Или кто-то из других подобных ему тварей. А это, в свою очередь, означает, что они станут намного активнее. Возможно, они даже попытаются охотиться на нас.

— Они не смогли забрать Время, когда ты был у них, — быстро проговорил Магнус, наклонившись к столу, чтобы одарить взглядом обоих сальваторов. — Думаешь, смогут сейчас?

Третий словно превратился в статую. На его лице не было ни единой эмоции, но сердце стучало так громко, что, будь у всех присутствующих обострённый слух, они бы уже оглохли. Киллиан был близок к этому — он слышал не только бешеное сердцебиение, но вскипевшую кровь. Третий был в ярости.

— Оу, — выдавил Магнус, наконец поняв, в чём дело. — Ты не сказал… Что ж, я облажался. Очень и очень сильно облажался.

— Кто такой Герцог? — спросила Пайпер с таким невинным выражением лица, будто вообще ничего не услышала и не поняла. Киллиан ни на мгновение в это не поверил: он не был до того слеп и глух, чтобы не уловить её сомнение и страх, не услышать, как она втянула воздух сквозь зубы, и не распознать, что сложенные на коленях руки, скрытые под поверхностью стола, дрожали.

Он, впрочем, другой реакции и не ожидал. Киллиан никогда не покидал пределов Сигрида, но мог представить, какое же это потрясение — оказаться в совершенно ином мире, без семьи, друзей или хоть каких-нибудь знакомых лиц, где люди только и ждали, когда же сакри вновь дадут о себе знать. И в то же время он ничуть не сомневался, что Первая ловила каждое слово, запоминала всё, что слышала, чтобы потом задать свои вопросы. Она, должно быть, уже тщательно выбирала себе жертву вместо Третьего на случай, если он окажется далеко не таким сговорчивым, каким пытался показать себя.

— Разумная и очень сильная тварь, — рассеянно отозвался Третий наконец, взмахнув ладонью. Его пальцы дрожали, что он безуспешно пытался скрыть, а кольцо на среднем пальце левой руки тускло блеснуло, на долю секунды подчеркнув тонкие полосы многочисленных шрамов. — Из демонов, что оказались заперты в этом мире вместе с нами после Вторжения.

— Демонов? — кое-как повторил Киллиан. Чужеродное слово сильно жгло язык.

— Так люди Второго мира называют тёмных созданий, — пояснила Пайпер.

Стелла оторвала взгляд от своей тарелки и с полным ртом заявила:

— Кстати, о людях Второго мира. Ты обещала рассказать о них, я помню!

— Если ты не возражаешь, — поспешно вмешался Киллиан, желая увести разговор как можно дальше от неудобной темы, — я бы тоже хотел узнать о них.

— Интересно в них лишь то, — скучающе вставил Магнус, явно пытаясь исправить допущенную оплошность, — что они каким-то образом сумели адаптироваться к миру, которого не знали, и не были истреблены.

— Среди спасшихся было много талантливых магов, учёных и воинов, которые могли дать тварям достойный отпор, — возразил Третий, сверкнув глазами. — Они объединились с магами Круга? — переменившись в лице, спросил он у Пайпер.

— Понятия не имею, о чём ты, — торопливо ответила она, что, по мнению Киллиана, лишь выдало её знание. Третий либо не заметил этого, либо решил повременить с расспросами. Хотелось приказать ему, чтобы он перестал церемониться, но Третий, пусть и верен короне великанов, мог отказаться выполнять приказ. Даже попытка, заранее обречённая на провал, обернула бы сальватора против Киллиана — он не был готов рисковать.

— Тогда как вы боролись с тёмными созданиями?

— Лично я — под контролем Лерайе. А что до остальных — не знаю. Я узнала, что являюсь сальватором, недели за две до того, как попала сюда. Или нет? — растерянно забормотала Пайпер, прижав ладонь ко рту, а потом вдруг нервно рассмеялась. — Боже, я даже не могу вспомнить, сколько прошло времени…

Магнус опять подавился вином.

— Две недели? — недоверчиво переспросил Третий. — Но как… как это проявилось? Кто помог пробудить Силу?

— Не знаю точно. В доме дяди Джона просто открылась брешь, а дальше… Я же говорила: демоны напали, а я пыталась отвлечь их от своего брата. Я не помню, как пробудилась Сила. Просто знаю, что я закрыла брешь и уничтожила демонов своей магией.

— Всё страннее и страннее, — закатив глаза, отозвалась Клаудия. Она пододвинула пустую чашу к Магнусу, и тот послушно налил ей вина. — Неужели тебе совсем никто не помогал и ты сама всему обучалась?

— Помогали, но… кто может помочь лучше, чем сакри или другой сальватор, верно?

— Но Сила была разделена, а Третий — здесь, — задумчиво рассудил Киллиан, стуча пальцами по столу. — Тогда как ты смогла открыть портал?

— Это единственное, чему я успела научиться у магов. Ну, ещё немного читать сигридский. Не без чар, конечно, но всё-таки.

— Невероятно, — пресно отозвалась Клаудия. — Единственное, что ты можешь, — это создавать порталы, которые сразу же выдадут тебя всем остальным и сильно истощат. Прекрасно.

— Клаудия, — предостерегающе произнёс Третий.

— Это факты, и ты это знаешь. Если не хочешь лишиться доверия людей, не показывай им сальватора, которая ничего не умеет.

— Кто сказал, что я позволю себя кому-то показывать? — ощетинилась Пайпер.

Киллиан, не выдержав, придвинул свою чашу к Магнусу, и рыцарь мигом её наполнил. В вопросах безопасности, доверия и верности Клаудия могла быть до того дотошной, что уже никто, даже Киллиан с его прямыми приказами, остановить её не мог.

— У Диких Земель уже есть сальватор, причём достаточно сильный, судя по тому, что я слышала. А у Земли — только я.

— Это не означает, что люди со смирением примут твою неподготовленность.

— Клаудия, — повторил Третий с железными нотками в голосе.

Клаудия смело встретила его пронзительный взгляд и не сдалась даже спустя долгие секунды напряжённого переглядывания.

— Я ценю твою готовность защищать этот мир и его людей, — с расстановкой произнёс Третий, не отрывая от девушки взгляда, — однако я прошу тебя не говорить о том, чего ты, вероятнее всего, не понимаешь в полной мере.

Киллиан залпом выпил вино и придвинул пустую чашу к Магнусу. Рыцарь вновь наполнил её, во все глаза смотря на Третьего.

— Даже если бы Пайпер была сильнее меня, — невозмутимо продолжил Третий, — даже если бы она в совершенстве владела магией и тем самым поставила под сомнение совершенство моей магии, я бы не позволил кому-либо раскрыть, кем она является на самом деле, без её согласия. Хотя, — неожиданно переменившись в лице, добавил он, — если учесть, что магия Лерайе в состоянии сравнить человека с чистокровным великаном…

— Она сильнее тебя? — с горящими от любопытства глазами спросила Стелла.

Пайпер, очевидно, потерявшая нить разговора, только озадаченно открывала и закрывала рот.

— При должном обучении и старании Пайпер будет в состоянии победить меня в честном бою, без использования оружия или магии. Пока что это всё, что я могу пока сказать.

Стелла восхищённо присвистнула.

— Я ничего не поняла, — наконец призналась Пайпер, вцепившись в край стола.

Третий принялся старательно объяснять ей всё, что сказал только что, но по взгляду девушки Киллиан понял: на самом деле она всё услышала и осознала с первого раза, просто хотела уточнить или прояснить что-то. Третий же, неправильно интерпретировав её слова, решил, что нужно всё тщательно повторить.

Киллиан на несколько мгновений прикрыл глаза, мечтая ощутить спокойствие и расслабленность. Подобное в Диких Землях приравнивалось к смерти, но только не здесь, в этом небольшом мире на несколько комнат, который они создали общими усилиями. Здесь Киллиан вновь мог быть простым великаном, даже не братом королевы Жозефины и главой рода Дасмальто, а именно простым великаном, без важного титула и дара, что струился в его жилах. Но человеческая девушка была неправильным, лишним элементом, который вызывал тревогу.

Киллиан хотел только одного — вновь почувствовать себя цельным и готовым действовать. Он скучал по тому самому себе из далёкого прошлого, который переплыл все моря на

севере, от лица короны установил крепкие отношения с ближайшими мелкими странами и был самым обычным великаном, имеющим ораву неуправляемых племянников и племянниц. Он скучал по решительному настрою Алебастра, острому языку Гвендолин, настойчивому любопытству Фортинбраса, смеху Гилберта и самоотверженности Розалии. Он скучал так сильно, что его сердце, не знающее пощады, изнывало от боли.

Киллиан потёр переносицу и перевёл взгляд на Пайпер и Третьего. Они уже обсуждали что-то, полностью игнорируя остальных, и даже не думали понижать голоса. Третий говорил о магии и возможностях, которыми обладают сальваторы, а Пайпер задавала уточняющие вопросы и порой выдавала что-то такое, из-за чего Третий на несколько секунд впадал в ступор. Судя по кривой ухмылке Клаудии, это были либо шутки, либо слова, которые употребляли во Втором мире.

Он следил за их разговором, почти не вслушиваясь в него, так долго, что потерял счёт времени. Киллиан всё ждал какого-то намёка от Третьего, специально брошенного слова, которое позволило бы присоединиться к обсуждению, но ничего подобного не было. Третий полностью отбросил предыдущую тему обсуждения, посчитав её недостойной внимания, сосредоточился на новой, будто забыв о присутствии остальных.

— Есть новости от леди Эйлау? — ведя пальцем по краю чаши с вином, спросила Клаудия у Киллиана.

— В последнем письме, что я получил, она всё ещё выражает желание принять Третьего как своего гостя, — быстро ответил Киллиан. — И, конечно, она верит, что он почтит присутствием её двор во время традиционных празднеств фей.

— Великолепно, — живо отозвался Магнус, довольно сощурившись. — Я соскучился по теплу юга.

— Однако теперь под вопросом, сможем ли мы вообще навестить Тоноак. — Клаудия кивнула в сторону Пайпер, указывающую на смущённого Эйкена и спрашивающую про его проклятие.

— Есть ещё два месяца, — напомнил Магнус.

— Два месяца, в течение которых все будут готовиться к неделям гуляний, — жёстко парировала Клаудия.

— Моя дорогая, людям свойственно тщательно готовиться к празднествам. Ты бы это поняла, если бы хоть иногда выползала из своей комнаты.

Киллиан отодвинул чашу, забрал у Магнуса бутылку вина и приложился к горлу.

— Не вижу причин для беспокойства, Клаудия, — неожиданно вмешался Третий. Киллиан заинтересованно выгнул бровь, следя за тем, как лицо сальватора вновь превращается в ледяную маску.

— А я вижу, — пробормотала она.

— Я хочу, чтобы ты поняла кое-что: я в состоянии управиться со всем, чего требуют мои обязанности.

— Это не отвечает на вопрос, как ты поступишь с визитом в Тоноак.

— Так же, как и всегда. Если к тому времени Пайпер по каким-либо причинам не сумеет овладеть Силой в той мере, которая считается допустимой для её нынешнего уровня, я придумаю, как лаконично отказать леди Эйлау.

— Ты с ума сошёл, — нервно усмехнулся Киллиан, покачав головой. — Уж лучше бы вы вдвоём отправились в Тоноак, чем ты отказывал леди Эйлау.

— Уж лучше бы ты не перебивал меня, когда я говорю.

Киллиан вновь покачал головой. Третий мог быть холодным, грубым и жестоким, но на самом деле он просто не понимал, что его речь и действия являются таковыми. Он знал, что он сильнее всех в этой комнате, знал, что его сила и влияние — это то, что позволяет процветать

не только Омаге, но и всем Диким Землям. Он был уникален и ценен и знал это, отчего мог иногда переступить черту, даже не понимая, что это вовсе не обязательно.

Киллиан скучал по решительному настрою Алебастра, острому языку Гвендолин, настойчивому любопытству Фортинбраса, смеху Гилберта, самоотверженности Розалии и времени, когда Третий не был Третьим. Тогда их общение было намного проще.

— Итак, — провозгласил Третий, дождавшись, пока Киллиан сосредоточит на нём свой взгляд. — На самом деле в магии сакри нет ничего сложного. Использовать её можно даже в том случае, если сальватор имеет лишь крупицы. Смотрите внимательно.

Он повернулся к Пайпер и кивнул, приподняв губы в улыбке.

— Это сложно. Я же говорила, что всё ещё плохо управляюсь.

— Тебе не нужно созидать что-то новое. Просто попытайся придать магии любую форму и покажи её нам.

Пайпер нахмурилась, но всё-таки кивнула. Поначалу она только пялилась на свои руки, в царапинах и синяках, и сжимала губы в бескровную линию. Клаудия, вопреки своей агрессивности, смотрела на неё очень внимательно. Магнус лениво качался на стуле, наблюдая за каким-то невидимым процессом краем глаза, а Стелла во все глаза следила за подрагивающими пальцами Пайпер. Один только Эйкен, казалось, был уверен, что всё получится, и даже тихо подбадривал её.

Киллиан не понимал, что должно получиться, вплоть до самого последнего момента. Над ладонями Пайпер, дрожащими, бледными, очень слабо заискрилась золотая четырёхконечная звезда. Она рассеялась даже быстрее, чем Киллиан успел рассмотреть её, а сама Пайпер закрыла лицо руками.

— Говорила же, что это сложно… Я никогда не творила магию вот так.

— Полагаю, ты лишь направляла её во что-то другое, верно? — поспешил уточнить Киллиан. — Портал, чары, сигилы.

— Именно. Вот так магию использовала только Лерайе.

— Это мельчайшее проявление магии, — ровным голосом сообщил Третий. — Пожалуй, первое, что осваивают маги.

— Ты не утешил.

Третий похлопал глазами, словно не понял, где в его словах должно было крыться утешение. Однако он быстро справился со своей озадаченностью и продолжил, сверкнув глазами:

— А теперь смотрите, что возможно, если я добавлю лишь каплю своей магии.

Он протянул руку и замер, дожидаясь, пока Пайпер сама коснётся его. Киллиан насторожился. Прикосновение кожа к коже открывало для Третьего всё время, что было в том или ином живом существе. Он мог узнать прошлое, настоящее, мысли, чувства, желания — ничто бы не укрылось от его магии. Третий никогда не использовал эту особенность без чужого согласия, только если выбора не оставалось, и Киллиан знал, что по-настоящему он ещё не читал Пайпер. Это было странным, ведь резонанс их магии был действительно сильным, а желание Третьего узнать человеческую девушку едва не разрушало его изнутри.

— Понятия не имею, чего ты от меня ожидаешь, — пробормотала Пайпер, но руку всё же протянула.

Когда их пальцы соприкоснулись, на лице Третьего появилась широкая улыбка. Воздух в помещении вспыхнул ослепительным золотым светом, заполнив собой всё пространство.

Киллиан видел перед собой миллионы крохотных четырёхконечных звёзд, испускающих тепло, и образы, что сменялись с невероятной скоростью. Люди, места, животные. Одно вытесняло другое так быстро, что Киллиан ничего не успевал рассмотреть — ни лиц, ни пейзажей. Казалось, будто перед ним проносятся десятки лет многих жизней. Он чувствовал тепло золотого света, который раздробился на тысячи маленьких театров, каждый из которых показывало что-то своё.

Пайпер отдёрнула руку, ошарашенно смотря на Третьего, но на её лице появилась безумная улыбка.

— Как ты это сделал?

— Я всего лишь дал твоей магии свою, и всё. Сила сама решила, в какой форме проявиться, но, полагаю, перед этим изучила твоё сознание. Я видел людей, но не смог разглядеть их лиц.

— Наверное… наверное, это люди Второго мира, — сбивчиво пробормотала Пайпер, пряча руки на груди.

Киллиан сощурился, пристально глядя на неё: если Первая не лгала, то как минимум утаивала часть правды.

***

— Ты ни кусочка не попробовал, — пробормотал Киллиан, буравя Третьего, сидящего за противоположным концом стола, суровым взглядом.

— Меня тошнит от одной мысли об этом, — сдавленно ответил сальватор, подпирая подбородок кулаком.

— До сих пор?

Третий промолчал. Они сидели в тишине ещё несколько минут, одинаково рассеянными взглядами изучая убранство столовой, оставшиеся после обеда приборы и тарелки, улавливая сразу несколько человеческих запахов, смешивающихся между собой. Отчётливее всего был запах Первой, прилипший к Третьему и сильно выделяющийся на фоне остальных. Этот запах раздражал Киллиана даже сильнее, чем ощущение от тепла золотого света, в котором Пайпер явила магию сакри.

— Тебе следует прекратить забирать проклятия других, — напомнил Киллиан. Он взял чашу, но, не обнаружив в ней вина, поставил обратно. Он никогда не злоупотреблял выпивкой, — разве что нужно было перепить Роланда, ведь тогда на кону стояла уязвлённая гордость великана, — но сейчас желание пить без остановки всё не утихало. — Глядишь, тогда сможешь вновь нормально есть.

— Они же люди, — сказал Третий тихо, — и им нужны силы.

— Ты удивишься, но в этом плане великаны мало чем отличаются.

— Ты знаешь, что я просто не могу.

Киллиан шумно выдохнул и прикрыл глаза. Раньше с Третьим было намного проще.

Впрочем, раньше Третий не проводил в плену у тёмных созданий долгие месяцы, по истечении которых сама его сущность была беспощадно искажена.

Вся еда, которую он когда-либо пробовал, напоминала ему пепел и сырое, гниющее мясо — он сам так и сказал Киллиану. Он почти не спал, потому что каждый раз, стоило ему уснуть по-настоящему, он видел кошмары, которых и врагу не пожелаешь. Он совсем не напоминал того самого Третьего, который был любим ребнезарским двором и который мог очаровать своими знаниями и манерами любого.

— Как ты себя чувствуешь?

Третий настороженно покосился на него и, немного подумав, ответил:

— Лучше, чем мог бы.

— Это из-за Силы?

— Скорее всего.

Киллиана никогда не устраивали односложные ответы, особенно со стороны Третьего. Ему было нужно больше информации, с которой он мог бы работать. Больше возможностей, которые он мог обернуть в пользу сальватора, Омаги и всех Диких Земель. Но Третий, этот

упрямый мальчишка, отчаянно цепляющийся за другого сальватора, вновь ограждал себя от всех, будто не осознавал, сколько трудностей это создаёт.

— Тебе следует отдохнуть.

Третий криво усмехнулся, демонстрируя скол на левом клыке.

— Я достаточно отдохнул за время, проведённое в Икасовой крепости.

— Но она использовала твоё Время, чтобы открыть портал. Разве это никак не сказалось на тебе?

Они оба знали, что сказалось, однако Третий, как и всегда, предпочёл об этом умолчать. Он был готов говорить о чём угодно, кроме своего паршивого состояния, длящегося уже не один месяц.

Третий смертельно устал — об этом знали только его кертцзериз, Джинн и сам Киллиан, разумеется. Он не хотел заниматься ничем, кроме бессмысленного шатания по дворцу и улицам Омаги. Он редко пил, но Киллиан стал всё чаще видеть его с бутылкой вина — сальватор топил свою ненависть к себе и всем мирам, за которые он был ответственен, в алкоголе, который совсем не заменял полноценной еды и свежей воды. Третий выполнял свои обязанности так, будто его дёргали за ниточки, и не выказывал никакого интереса к предложениям по улучшению его планов, которые поступали от советников, послов, лордов и леди. Он был настолько раздавлен всем и ничем одновременно, что Киллиан сильно удивился, когда Третий сорвался с места и покинул Омагу, никого не предупредив, забрав только своих кертцзериз и трёх лошадей. Ни записки, ни предостережения. Третий не оставил ничего, кроме Нотунга, пострадавшего во время стычки с наиболее сильной тварью, плевавшейся ядом, и стойкого запаха самоненависти, который Киллиан уловил в его покоях. Этого запаха не осталось даже на любимом жеребце Третьего, который смиренно ждал в конюшнях момента, когда глубокая рана, полученная пару недель назад, затянется, словно он и не навещал коня.

— Я чувствую себя гораздо лучше, чем мог бы, — терпеливо повторил Третий, однако Киллиан отчётливо слышал в его словах предостережение. — Магия восстанавливается в привычном темпе, и это главное. Не вижу смысла в дальнейших расспросах.

— Ты стал живее.

Третий нечитаемым взглядом уставился на него.

— Объяснись.

Раньше Третий редко что-то требовал таким тоном — всё-таки Киллиан был братом королевы Жозефины и главой рода Дасмальто. У него была власть, против которой могли выступить только законные и полноправные правители Ребнезара. Раньше за подобную дерзость ему могли отрезать язык, вот только они давно не жили по законам прошлого мира.

— Я жду ответа, — напомнил Третий спустя жалкую секунду, сверля Киллиана пустым взглядом.

— Ты стараешься больше, чем за последние месяцы. Делаешь то, чего от тебя никто не просит, и пытаешься казаться куда лучше. Раньше тебя совсем не заботило, если о тебе скверно думали.

— Меня и сейчас не заботит.

— Разве? Отчего ты так стараешься показать, будто обладаешь всеми дарами мира?

— Арне сказал… — он замялся, будто вдруг почувствовал неуверенность в самом себе, и Киллиан с удивлением заметил, как на его щеках проступил лёгкий румянец. Не лихорадочный, как поначалу подумал Киллиан, но если учесть, что Третьего практически невозможно смутить, то оставался только один ответ: он и впрямь чем-то болен. — Арне сказал, что во Втором мире жизнь Пайпер была… более привлекательной, чем та, что хотя бы временно будет здесь. Ей могли предоставить роскошь, знания, помощь.

— А ты этого не можешь?

Третий склонил голову набок.

— Я хуже, чем люди Второго мира, — едва слышно напомнил он. — Ты же знаешь, что я делал.

— В таком случае найди способ как можно скорее вернуть её домой. Если ты действительно считаешь себя чудовищем и думаешь, что Первая заслужила лучшего общества, найди способ создать Переход для неё.

Для Третьего слова Киллиана были сродни удару, ломающему кости. Сам Киллиан знал это, но извиняться не собирался. Только он мог образумить Третьего, вывалив на него всю правду. И, возможно, это могла сделать Клаудия — она была первой, кого Третий встретил в Диких Землях, и она провела с ним достаточно времени, прежде чем они нашли Киллиана. Но Клаудия, разумеется, знала Третьего исключительно как Третьего, а не как великана, который ранее приветствовал Киллиана после долгого плавания и с девяти лет просил, чтобы его взяли на борт «Эдельвейса».

— Ты эгоистичен, — произнёс Киллиан, когда Третий, не найдя ответа, беспомощно уставился на него. Вновь девятилетний мальчишка, который хотел вырваться из бешеного круговорота жизни во дворце, прошерстить всю библиотеку в поисках какого-нибудь интересного приключенческого романа или на спор забраться на спину самого крупного и свирепого жеребца в конюшнях. — Это хорошо. Будь эгоистом…

Киллиан запнулся. Он так хотел обратиться к Третьему по имени, чтобы подчеркнуть, что быть эгоистом — это не так уж плохо, и его сердце болезненно сжалось, когда он понял, что просто не может сделать этого.

— Я не могу, — замотал головой Третий. — Слишком много дел, за которыми нужно уследить и… Её ранили, а целители мне даже не сообщили. Я стал слишком слабым, раз не почувствовал этого сам. Лерайе мне этого не простит.

— Как Стефан называл чувство, что связывает сальваторов?

— Филия[1], — тут же ответил Третий, даже не уточнив, зачем Киллиан спрашивал об этом.

— Откуда оно пришло и что означает?

Третий, казалось, на секунду почувствовал подвох, но затем его лицо расслабилось, и он произнёс со сдержанным намёком на улыбку, поддавшись воспоминаниям:

— Стефан говорил, что во Втором мире когда-то давно существовала страна, где люди делили любовь на несколько видов. Филия — это любовь-дружба, которой он и характеризовал нас четверых. Он говорил, что мы — семья иного рода, и что…

— Ах да, вспомнил, — Киллиан качнулся на стуле, постучал по краю стола кончиками пальцев и продолжил: — Выходит, между тобой и твоими кертцзериз — филия?

— Если верить знаниям Стефана.

— Тогда получается, что между Алебастром и Марией было что-то иное… Как же это называлось? Этос?

— Эрос[2], — исправил Третий.

— А между королём Роландом и моей сестрой?

— Вероятнее всего, сторге[3].

— Как интересно. Ты помнишь слова из культуры древней страны иного мира, о которых тебе говорил Стефан единожды, но не помнишь, что когда-то не считал себя чудовищем.

До Третьего наконец дошло, ради чего Киллиан завёл этот глупый разговор. Сальватор поднял голову, вперившись в него посветлевшими из-за магии глазами, и стал беспокойно крутить кольцо на пальце.

---

[1] Филия — любовь-дружба или любовь-приязнь, одна из классификаций форм любви в древнегреческом языке.

[2] Эрос — любовь-страсть.

[3] Сторге — любовь-забота.

— Моя память совершенна, — отозвался он спустя несколько секунд.

— Это не так. Ты забываешь, что достаточно умён, чтобы справиться со всем, с чем сталкивают тебя жестокие и беспощадные боги. И забываешь, что ты — не просто сальватор. Ты…

— Не надо, — судорожно выдохнув, перебил Третий. — Я прекрасно знаю, кто я.

— Глупец, лжец, предатель, клятвопреступник, — начал перечислять Киллиан, загибая пальцы. На каждое из слов Третий хмурился всё сильнее, пока мужчина не закончил: — Эгоист. С каких это пор я говорю тебе, что следует стать более открытым? Почему я пытаюсь подтолкнуть тебя к тому, чтобы ты делал то, что когда-то делала Йоннет? Я был бы совсем не против, если бы Пайпер исчезла из этого мира.

Третий расправил плечи и сжал губы в линию. Провоцировать его — плохая идея, потому что, когда речь заходила о сальваторах, он менялся и не брезговал использовать любые хитрости и методы, чтобы доказать кому бы то ни было, что ему следует заткнуться.

— Что мы знаем о ней? — невозмутимо продолжил Киллиан, на предупреждающий взгляд Третьего отвечая точно таким же. — Человек. Из Второго мира. Умеет только открывать порталы. И не говорит, кто помогал ей всё это время. У неё слишком много тайн.

— Она имеет право хранить тайны.

— Я — король, которого вы выбрали, — жёстко произнёс Киллиан, складывая руки перед собой. — И я несу ответственность за Омагу и всех её жителей. Если есть хотя бы шанс, что молчание Пайпер навредит всем нам, я должен действовать.

— И что ты хочешь от меня? — Третий убрал упавшие на лоб волосы и, лишь на секунду задержав взгляд на сосредоточенном лице Киллиана, отвёл глаза в сторону. — Я делаю всё, что в моих силах.

— Ты делаешь недостаточно. Слишком много поблажек. Ты знаешь её всего несколько дней, а уже готов бросить к её ногам практически все знания Омаги! Это не тот эгоизм, которого я пытался добиться от тебя. Это не та слабость, о которой говорил Лайне.

Третий возвёл глаза к потолку и раздражённо махнул рукой, будто пытался отогнать слова Киллиана и закончить разговор, который ему не нравился. Он не любил говорить о своих слабостях, эгоистичных наклонностях, что порой проявлялись, и связи, которая могла сделать его слабее. Однако Киллиан — верный первому королю великан, и его долг — напомнить Третьему, кто такие великаны на самом деле.

— Чему учил Лайне?

Третий промолчал, сверля его взглядом. Ни света магии, ни тьмы предостережений. Только льдисто-голубая пустота.

— Лайне учил, — продолжил Киллиан, вздохнув, — что великаны не умрут, если поступятся своей гордостью и покажут слабость перед союзниками. Если они знают о своих уязвимых местах и готовы рассказать о них другим, значит, они готовы работать над собой и своим несовершенством.

— Истинные дети севера, — пробормотал Третий, смотря на Киллиана всё тем же пустым взглядом, — взращённые холодными ветрами, белыми снегами, ледяными истоками с гор и болью, что сжимает сердца от мысли, что когда-то мы были другими.

— Когда-то Лайне не побоялся явить слабость, крывшуюся в теле, что для великанов стало непривычно хрупким. Легенды говорят, что он был самым сильным, первым, кто подчинил наш дар в теле, напоминающем человеческое, и что он никогда не показывал слабости. Это не так. Когда было нужно, Лайне открывался другим. Только благодаря своей честности он и стал первым королём Ребнезара.

— Истинное дитя севера, — отрешённо повторил Третий.

— Как и ты. Как и я. Как и все великаны, которые живут сейчас. Тебе необязательно тащить всё бремя на себе. Истинные дети севера делят тревоги с ветрами и льдами.

Не то чтобы Киллиан рвался подтолкнуть его к раскрытию всех карт перед Пайпер. Он ей не доверял, считал её опасной, хотел, чтобы она исчезла. Но она была сальватором, и только сальватор мог вернуть Третьему то, чего он лишился — самого себя. Киллиан не желал потакать всем его безрассудным затеям, но и не мог остаться в стороне. Уж лучше он сам будет направлять Третьего к изучению Пайпер, её магии и тайн, которые она пыталась скрыть, чем позволит Третьему слепо поддаться окрепшей связи внутри него.

— Чего ты хочешь от меня? — наконец пробормотал Третий, устало потирая переносицу.

— Не раскрывай Первой слишком много, но и не позволяй ей часто думать над тем, как много тайн ты хранишь на самом деле. Сделай то, что должен, чтобы узнать её и прочитать.

Третий резко поднялся, опрокинув стул, и снизу вверх посмотрел на Киллиана.

— Я не собираюсь читать её. Я не читал ни тебя, ни Клаудию, ни кого-либо другого без согласия на это. Я вполне могу найти ответы и убедить Пайпер, что мы на одной стороне, и без этого.

Даже не попрощавшись, Третий вышел из столовой. Киллиан лишь спустя минуту после того, как его шаги стихли, позволил себе ехидно улыбнуться. Он был отвратителен в стремлении использовать в своих целях даже Третьего, но только так он мог защитить сальватора от его самоубийственных попыток в одиночку докопаться до истинной сути каждой тайны, что только существовала в этом проклятом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.